

Даниэла
Ттиа

Роман
о любви,
нежности
и страсти

Счастье

Даниэла Стил

Счастье

OCR Roland; SpellCheck SAD

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159780

Счастье: АСТ; Москва; 2007

ISBN 5-9713-4180-4

Аннотация

Оливер Ватсон, оставшийся после развода с тремя детьми на руках, не был склонен доверять женщинам. Окунувшись в семейные проблемы, он и думать забыл о любви. Однако судьба послала Оливеру совершенно неожиданную встречу с красавицей актрисой Шарлоттой Сэмпсон, женщиной, за блестящим успехом которой скрывалась жажда любить и быть любимой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	46
Глава 3	74
Глава 4	81
Глава 5	104
Глава 6	127
Глава 7	147
Глава 8	163
Глава 9	171
Глава 10	177
Глава 11	205
Глава 12	212
Глава 13	234
Глава 14	242
Глава 15	264
Глава 16	274
Глава 17	292
Глава 18	301
Глава 19	308
Глава 20	318
Глава 21	326
Глава 22	362
Глава 23	375

Глава 24	395
Глава 25	402
Глава 26	408
Глава 27	417
Глава 28	425
Глава 29	436

Даниэла Стил

Счастье

*Любовь отца – как важно детям!
Их взгляд лучист и чист,
Он полон веры, Любви без меры:
Ведь он такой большой и сильный,
Такой родной,
Всегда желанный и любимый.
В их маленьких сердцах
Он – солнце в небесах.
Они – любовь,
Его и плоть, и кровь.
А как его рука надежна и крепка,
И как сильна, и как верна.
И сам он так красив,
Так бескорыстен, терпелив.
Любовь его чиста и безупречна,
Как солнца луч, ласкает их сердца.
Он сказки оживляет,
С улыбкой приглашает
В волшебный звездолет.
Какое счастье, дети,
Что дэдди¹ есть на свете!²*

Глава 1

Снег валил большими белыми хлопьями – прямо как на

иллюстрациях к сказкам, которые Сара порой читала своим детям. Она сидела за пишущей машинкой и смотрела в окно на снег, укрывший лужайку и одевший в белое кружево деревья. Она совершенно забыла про рассказ, за который принялась с утра. За окном все было так живописно, так прелестно. Зимняя сказка – сказочная жизнь в сказочном городке. И люди, окружавшие Сару, тоже были не всамделишными. Ей всегда хотелось отличаться от них, но все-таки это случилось, причем довольно давно. Сара Мак-Кормик, бунтарская натура, в студенческие годы заместитель главного редактора журнала «Кримсон», окончившая Редклиффский колледж в 1969 году с отличием и с сознанием своей исключительности, – уподобилась своему окружению. Произошло это как-то незаметно, постепенно, на это превращение ушло двадцать лет. И вот теперь она Сара Ватсон. Супруга Оливера Венделла Ватсона. Живет в Перчесе, штат Нью-Йорк, в красивом доме, который вот-вот станет их собственным после четырнадцатилетней выплаты кредита. У нее трое детей и собака. Раньше был и хомяк, но он умер год назад. Еще есть любимый муж – милый, дорогой Олли.

Он окончил Гарвардскую школу бизнеса в том же году, что она Редклифф, а полюбили они друг друга, когда Сара училась на втором курсе. Олли был ее полной противоположностью. В те счастливые годы он был консервативен, она – сумасбродна. Он считал оправданной вьетнамскую войну, и одно время Сара ненавидела его за это. Она даже переста-

ла встречаться с ним после выпуска, мотивируя это слишком большой несхожестью характеров. Сама же поселилась в Сохо, попробовала писать и, надо сказать, преуспела в этом. Ее дважды печатали в «Атлантик Масли» и один раз в святая святых – «Нью-Йоркере». Она была талантлива и знала это. Оливер жил в Ист-Энде, на 79-й улице, снимал квартиру вместе с двумя приятелями и, имея степень магистра по специальности «менеджер», смог получить весьма неплохую работу в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню. Сара хотела возненавидеть его за конформизм, но так и не смогла. Еще тогда она понимала, как сильно любит его.

Олли говорил, что хотел бы жить за городом, иметь ирландского сеттера, четверых детей и жену, которая бы не работала, Сара же только смеялась над ним. А Олли в ответ улыбался своей неподражаемой мальчишеской улыбкой, которая заставляла ее сердце колотиться, даже когда она пыталась убедить себя, что на самом деле мечтает о мужчине с длинными-длинными волосами... художнике... скульпторе... писателе... короче, «творческой личности».

Оливер, однако, тоже был человеком творческим и умным. Он окончил с отличием Гарвард, и настроения шестидесятых годов никогда его не трогали. Когда Сара принимала участие в демонстрациях, он выуживал ее из полицейского участка; когда она спорила с ним, а войдя в раж, даже обзывала, он спокойно и рассудительно объяснял ей свою позицию. И он был таким чертовски порядочным, таким добро-

сердечным. Он был ее лучшим другом, даже когда раздражал ее. Иногда они встречались в Виллидже или Аптауне, пили кофе или что-нибудь прохладительное или обедали. Олли рассказывал ей о своей работе и расспрашивал о том, что она пишет. Олли уважал талант Сары, но не понимал, почему, выйдя за него замуж, она не сможет оставаться «творческой личностью».

– Замужество – это для женщин, которым нужна поддержка. А я хочу сама о себе заботиться, Оливер Ватсон, – говорила она и старалась этому следовать. Она работала дежурной в галерее в Сохо, а свободное время посвящала литературному труду. И имела от этого кое-какие гонорары. Иногда.

И вот теперь Сара частенько спрашивала себя, смогла бы она позаботиться о себе сама: зарабатывать на жизнь, заполнять собственные налоговые квитанции и следить, чтобы срок медицинской страховки не истек. За восемнадцать лет их совместной жизни она стала очень зависимой от Оливера. Он брал на себя все мелкие проблемы в ее жизни и большинство крупных. Это было похоже на жизнь в герметично закрытом мирке, где на помощь всегда был готов прийти Олли.

Сара полагалась на него во всем, и чаще всего это ее больно задевало. А вдруг с ним что-нибудь случится? Справилась бы она сама? Смогла бы содержать дом, себя и детей? Иногда она пыталась говорить об этом с Олли, но тот только смеялся и говорил, что ей никогда не придется беспокоиться.

Он не нажил состояния, но зарабатывал хорошо и обладал чувством ответственности. Он застраховал свою жизнь во многих компаниях. Мэдисон-авеню была к нему благосклонна, и в сорок четыре года он стал третьим лицом в «Хинкли, Берроуз энд Доусон» – одном из крупнейших рекламных агентств в стране. В фирме его ценили и уважали. Олли был одним из самых молодых вице-президентов в этом бизнесе, и жена им гордилась.

Но все равно Саре было обидно. Обидно оттого, что она сидит в этом милом маленьком Перчесе, глядит на падающий снег и ждет возвращения из школы детей, а сама собиралась ведь писать рассказ... рассказ, который никогда не будет написан, который никогда не будет иметь конца, который она никуда не пошлет, как и другие рассказы, которые пыталась написать в течение последних двух лет.

Сара решила снова взяться за перо в канун своего тридцатидевятилетия. Для нее это было важное решение. Встречать тридцать девятый год своей жизни было особенно тяжело, хуже, чем сорок. Сорок лет – это, по ее словам, судный день. Впрочем, Оливер по случаю сорокалетия увез ее на месяц в Европу. Двое детей были в лагере, а свекровь взяла к себе Сэма. Ему тогда было только семь, и Сара впервые оставила его. Попав в Париж, она почувствовала себя на седьмом небе... Ни детей, ни собак, ни родительского комитета, ни благотворительных обедов для школ и местных больниц... никого... ничего... только они вдвоем и четыре забывае-

мые недели в Европе. Париж... Рим... поездка на машине по Тоскании, краткая остановка на итальянской Ривьере, а потом несколько дней плавания на арендованном катере между Каннами и Сен-Тропе... Затем опять на машине в Эз и Сен-Поль-де-Ванс, обед в Коломб-д'Ор и, наконец, несколько ветреных дней в Лондоне. Во время поездки Сара постоянно вела дневник и исписала семь записных книжек. Но когда вернулась домой... ноль. Ни одна из записей не вылилась в рассказы, статьи или даже стихи. Она просто сидела, уставившись в чистый лист бумаги, которому, кажется, никогда не суждено было заполниться. И теперь, полтора года спустя, все было так же.

В сорок один год ей казалось, что вся ее жизнь позади. А Оливер, когда Сара это говорила, всегда только смеялся:

– Господи, Сарри... ты ничуть не изменилась с тех пор, как я с тобой познакомился.

Он это говорил серьезно. И это была правда, почти правда. Ей самой и тем, кто оценивал ее более критично, была очевидна разница. Некогда блестящие каштановые волосы, которые в молодости спадали ей на спину отливавшими медью потоками, теперь поблекли. Они спускались ей до плеч, седина уже не была редкостью, что более огорчало детей, чем саму Сару. Пронзительно-синие глаза не потеряли своей прелести, как и матово-белая кожа. Морщин, этих следов времени, было ничтожно мало, впрочем, Оливер говорил, что они лишь придают большую выразительность ее лицу...

Сара была привлекательной женщиной и девушкой когда-то тоже была привлекательной: высокой и стройной, с хорошей фигурой, красивыми руками, с чувством юмора, которым искрились ее глаза. Именно это в первую очередь понравилось в ней Оливеру – ее смешливость, заводной характер, смелость, а еще непреклонная вера в правоту своих убеждений. Когда она была молода, некоторые считали ее характер трудным. Но Олли никогда так не думал. Ему нравился образ ее мыслей, ее рассуждения, манера говорить. Их отношения строились на взаимном уважении и любви, да и в постели все у них складывалось очень хорошо. Так было всегда, и теперь тоже. Иногда ей даже казалось, что по прошествии двадцати лет в этом плане стало лучше. И пожалуй, это было действительно так. Они великолепно знали друг друга, поэтому каждая ласка была словно поглаживание дорогой реликвии из красного дерева, обточенной тысячекратными прикосновениями, полными нежности и заботы.

Оливеру потребовалось ровно два года, чтобы убедить Сару выйти за него замуж. Так в двадцать три она стала Сарой Ватсон. Из-за строптивости, в духе тогдашней моды, она отказалась от традиционной свадьбы. Бракосочетание состоялось в саду дома его родителей в Паунд-Ридже, куда из Чикаго приехали ее родители и младшая сестра. На Саре было ярко-красное платье и большая шляпа, что делало ее более похожей на барышню с полотна живописца девятнадцатого века, чем на невесту, но оба были счастливы. Медовый ме-

сяц они провели на Бермудах, где им катастрофически не повезло с погодой, однако молодые ее не замечали. Они смеялись, дурачились, валялись в постели чуть ли не до вечера; выходили лишь позавтракать в гостиничном буфете, а потом опять убегали к себе в комнату, хохоча словно дети.

Прошло три недели, и Саре стало уже не так весело. Они жили в маленькой квартирке на Второй авеню, в доме, который был населен стюардессами, молодыми бизнесменами и холостяками. Вся эта бесшабашная публика без конца устраивала вечеринки.

Как-то Олли пришел с работы и застал жену такой печальной, словно скончалась ее лучшая подруга. Но дело было в другом. Сару озадачило отсутствие месячных после возвращения с Бермуд. Она добросовестно пользовалась резиновым колпачком практически все время с момента свадьбы и была уверена, что не забеременеет. Но данное средство почему-то не сработало, она оказалась в положении. Сара хотела сделать аборт. Оливер был в ужасе от одной только мысли об этом. Но ее еще более ужасала перспектива так скоро стать матерью.

– Мы же еще не собирались обзаводиться детьми... Я хочу снова работать...

Она в тот момент предполагала устроиться редактором в литературный журнал, рассказы ее особым спросом не пользовались, кроме того, Сара подала заявление в аспирантуру Колумбийского университета. Выйдя замуж за Олли, она

бросила работу в галерее, поскольку ежедневно ездить в Сохо было неудобно.

– Работа никуда не убежит! – заявлял Олли, обсуждая с Сарой эту проблему. Он успокаивал, убеждал, делал все, что мог, чтобы она перестала огорчаться.

Но Сара была безутешна, и каждый вечер по пути домой его охватывал страх: а что, если... если, пока он был на работе, она сделала аборт. Однако этого не случилось. У Сары не нашлось на такой поступок ни физических, ни моральных сил. Она только постоянно расхаживала по квартире, мучаясь вопросом, как можно было такое допустить. Оливера ее настроение удручало. Он всегда хотел иметь четверых детей, даже если бы это создало напряженность для семейного бюджета. Но Олли надеялся на себя. Дела его шли хорошо, он быстро продвигался в фирме, но даже если бы им пришлось голодать, он бы не разрешил Саре сделать аборт. Просто бы не разрешил. Это был их ребенок. Их. И задолго до его рождения Олли его любил.

Бенджамин Ватсон появился на свет с копной ярко-рыжих волосиков на головке и выражением изумления в светлых глазенках. Это произошло ровно через девять месяцев и три дня после их свадьбы. Казалось, ему не терпится поскорее узнать мир, он много плакал и, к радости Оливера, мечтавшего иметь сына, был очень похож на свою маму. Бенджамин рос как тополек и проявлял не только внешнее сходство с Сарой. У него обнаруживались ее решительность, упорство,

ее неумный темперамент. Бывали дни, когда Сара думала, что удушит свое дитя, прежде чем Оливер вернется с работы и успокоит обоих. Как только появлялся отец, малыш сиял от счастья, смеялся, лопотал. Оливер брал его на руки и носил по дому, в то время как Сара со вздохом облегчения и бокалом вина в руке опускалась в кресло, задавая себе вопрос, как все это пережить. Материнство явно не было ее призванием, да еще квартира – такая маленькая – ну просто с ума сойти можно. В плохую погоду, что часто случалось в тот год, они вообще не выходили, от криков малыша сотрясались стены, и Сара думала, что не выдержит, потеряет рассудок. Оливер хотел бы поселиться с семьей за городом, в собственном доме, но пока это была мечта далекого будущего, они не могли себе этого позволить. Сара предлагала пойти работать, но когда делали прикидки, оказывалось, что это не имеет смысла, потому что вся ее зарплата уходила бы на оплату няньки и денег бы не прибавилось. Лично для Сары этот выход на работу означал отдых от домашних забот, но Оливер считал, что ей важнее быть с ребенком.

– Странно ты рассуждаешь, Ол. Ты что, хочешь, чтобы я тут целыми днями сидела, разговаривала сама с собой и слушала, как он орет?

Временами ей действительно казалось, что она этого не вынесет, и перспектива иметь четверых детей, о которых Олли по-прежнему мечтал, приводила ее в отчаяние.

От ее родителей помощи ждать не приходилось. Они жи-

ли в Чикаго. Его родители и хотели бы помочь, но дальше добрых намерений это не шло. Олли был единственным ребенком, и его мать, судя по всему, забыла, как с маленькими детьми трудно. Бенджамин явно нервировал ее, но Сару он нервировал куда больше.

В конце концов малыш подрос и стал спокойнее, и когда начал ходить, уже не повергал Сару в прежний ужас. На лето они сняли дом на Лонг-Айленде, в следующем году можно было бы отдать ребенка в садик... Еще год – она будет посвободнее и тогда снова сможет писать. Сара отказалась от идеи постоянной работы. Она решила написать роман.

Все стало налаживаться, но она слегла с тяжелейшим гриппом, да таким, что, проболев месяц, чувствовала себя при смерти. Никогда в жизни она так не болела. Температура не проходила, кашель напоминал туберкулезный и душил ее с утра до вечера до тошноты. В конце концов, провоевав с болезнью четыре недели, Сара решила разориться и сходить к врачу. Оказалось, что у нее действительно грипп, но не только. Она ждала следующего ребенка. На этот раз не было злости, ярости, приступа бешенства, были просто отчаяние и плач, который, как казалось Оливеру, никогда не кончится. Она не могла отнестись к этому спокойно, не могла еще раз пройти через это. Она не могла бы растить еще одного ребенка. Бенджамин не успел вырасти из пеленок, а тут еще один. Тогда Сара единственный раз видела, что и Оливер по-настоящему приуныл. Он не знал, что делать, чем утешить

ее. И, как в первый раз, боялся за ребенка, но Сара только сильнее плакала, когда слышала об этом.

– Я не могу... Я просто не могу, Олли... пожалуйста, не заставляй меня...

Они снова спорили по поводу аборта, и однажды Сара почти убедила мужа, утверждая, что если он не согласится, то она может сойти с ума. Но все-таки он отговорил ее. В середине срока беременности Сары Олли получил прибавку к зарплате, которую целиком потратил на няню для Бенджамина. Она приходила к ним три раза в неделю после обеда. Это была ирландка из многодетной семьи. Сара смогла выходить, посещать библиотеки, друзей, галереи и музеи. Настроение у нее улучшилось. Ей даже стало нравиться быть с Бенджамином, и раз или два она взяла его с собой в музей. Оливер знал, что, хотя она и не признавалась в этом, второй ребенок становился для нее желанным.

Мелисса родилась, когда Бенджамину исполнилось два года, и Оливер начал серьезно думать о переезде с семьей в загородный дом. Они смотрели дома в Коннектикуте почти каждый уик-энд и в итоге убедились, что просто не могут этого себе позволить. Тогда они попытались счастья на Лонг-Айленде, в Вестчестере – казалось, что этим поездкам не будет конца. Паунд-Ридж, Бронксвилл, Катона, и, наконец, год спустя они нашли именно то, что хотели, в Перчесе. Это был старый фермерский дом, в котором никто не жил на протяжении двадцати лет и в который требовалось вложить уйму

труда. Дом был частью имения и достался им за бесценок. «Бесценок» все же влетел им в копеечку, но они сами сделали ремонт и за год превратили его в очень милое жилище, чем оба гордились.

– Но это не значит, что я намерена и дальше рожать детей, Оливер Ватсон, – твердила Сара.

Для нее достаточной жертвой было уже то, что она жила в пригороде. До замужества Сара давала себе слово, что никогда на это не согласится. Но даже она признала такую жизнь более разумной. Квартира на Второй авеню стала просто невыносимой, а те дома, что им приходилось видеть в городе, казались крошечными и непомерно дорогими. Здесь же дети имели свои комнаты. В доме были большая уютная гостиная с камином, библиотека с хорошим собранием книг, уютная кухня с двумя стенами из кирпича, массивными потолочными балками и старинной печью, которая по настоянию Сары была сохранена и отреставрирована. Огромные окна выходили в сад. Сара могла готовить и одновременно наблюдать, как играют дети. Переехав в деревню, они из экономии отказались от помощи девушки-ирландки.

Бенджамину тогда исполнилось три, и каждое утро его отвозили в детский сад, через два года стала посещать садик и Мелисса, и Сара решила, что теперь-то вернется к литературе. Но времени на это как-то не хватало. Всегда находились дела. Она безвозмездно помогала в местной больнице, раз в неделю в школе, выполняла всякие поручения, возила детей

в школу и обратно, убирала в доме, гладила рубашки мужа и работала в саду. Все это шло вразрез с ее натурой, но, как ни странно, она ничего не имела против.

Когда они уехали из Нью-Йорка, Саре казалось, что она оставила там какую-то часть себя, часть, которая все еще сражалась с замужеством и материнством. Она вдруг почувствовала себя частью окружавшего ее спокойного маленького мирка. Сара встречалась с другими мамашами, своими ровесницами, в уик-энды, в компании других супружеских пар, они с Олли играли в теннис и бридж, в больнице и школе от миссис Ватсон ждали все новой помощи, и сопротивление, борьба были почти забыты. А с ними и писательство. Сара даже по нему не скучала. Все ее желания свелись к тому, что она имела: к счастливой, полной забот семейной жизни.

Крикливое младенчество Бенджамина постепенно стиралось из памяти, он становился очаровательным ребенком, не только внешне похожим на нее, но и, судя по всему, пережившим ее интересы, увлечения, достоинства и недостатки. Он, как маленькая губка, впитывал от Сары все и во многом становился ее копией. Оливер это замечал и посмеивался, а Сара в душе гордилась и радовалась, что Бенджамин так на нее похож.

Мелисса тоже была прелестным ребенком, но гораздо более покладистым, чем Бенджамин в ее возрасте. Улыбчивостью и оптимизмом она сильно напоминала отца. К тому же не требовала многого от родителей. Книжка, кукла и мама

рядом – вот что ей нужно было для счастья. Иногда Сара даже забывала, что дочь находится в соседней комнате. Как и у Оливера, у Мелиссы были светлые волосы и зеленые глаза, но внешнее сходство с отцом этим ограничивалось. На самом деле она была больше похожа на свою бабушку, мать Оливера, что та непременно отмечала, к большому неудовольствию Сары.

Сара никогда по-настоящему не подружилась со свекровью. Миссис Ватсон была откровенной женщиной и до женитьбы высказала Оливеру, что думает о Саре. Она считала ее девушкой своевольной, с тяжелым характером, способной причинить боль ее сыну. Но пока Сара была ему хорошей женой, и миссис Ватсон это признавала в спорах с мужем, защищавшим невестку. Однако Сара все время чувствовала, что свекровь наблюдает за ней, словно поджидая какой-нибудь неверный шаг, какую-нибудь роковую ошибку, которая в конце концов подтвердила бы ее правоту. Единственное, что было общим у этих двух женщин, – это любовь к детям, которых миссис Ватсон обожала, как, впрочем, и Сара, но свекровь помнила, что поначалу все обстояло иначе. Оливер никогда ничего матери не говорил, но она и так чувствовала, что происходит. Она была умна и проницательна и прекрасно понимала, что Сара не испытывает радости от беременности и возни с маленьким Бенджамином, хотя и признавала, что тот был трудным ребенком. Он и ее выводил из себя своими пронзительными воплями. Но все это теперь за-

былось, так как дети выросли, и Сара и Оливер жили хорошо, в заботах и радостях. Да и Сара, судя по всему, забыла о своих писательских претензиях, которые всегда казались миссис Ватсон несколько преувеличенными.

– Она хорошая девушка, Филлис. Не суди ее так строго. Когда они поженились, Сара была молода. Оливер с ней очень счастлив.

Мистер Ватсон всегда смотрел на вещи более философски, чем его супруга.

– Я знаю... но у меня всегда ощущение, что она хочет еще чего-то, чего-то недостижимого... что будет дорого стоить Оливеру.

Филлис даже не догадывалась, каким пророческим было это ее замечание. Но Джордж Ватсон в ответ снисходительно улыбался и качал головой.

– Олли знает, как ее сдерживать.

– Не уверена, хочет ли он это делать. Думаю, что Оливер во всем ей потакает, чего бы это ему ни стоило. Уж такой он человек.

Она ласково улыбнулась мужу, которого любила на протяжении уже почти сорока лет. За такой срок они стали словно единой плотью, единой душой. Филлис даже не могла припомнить времени, когда Джорджа в ее жизни еще не было.

– Он в точности как ты. Слишком добрый. Иногда это может быть опасно, все зависит, какой женщине попадешь в руки.

Филлис Ватсон всегда беспокоилась за сына и даже по прошествии многих лет все еще чуть-чуть не доверяла Саре.

Комплимент не остался незамеченным, и мистер Ватсон улыбнулся супруге, одарив ее взглядом, который все еще вызывал у нее волнение.

– Окажи ей немного доверия, Филлис. Она не обидела нашего мальчика, да еще подарила ему двух очаровательных ребят.

Нельзя было отрицать его правоту. Хотя ни один из детей не был в точности похож на папу, что-то от его классической красоты присутствовало. Оливер был высоким, стройным, атлетически сложенным, с копной густых, прямых светлых волос, которым завидовали все мамы, когда он был ребенком, и все девушки, когда Оливер учился в колледже. И хотя Сара редко сообщала это ему, поскольку не хотела, чтобы Олли слишком зазнавался, она неоднократно слышала мнение, что Оливер Ватсон – самый симпатичный мужчина в Перчесе. Шесть месяцев в году он был смуглым от загара, а его зеленые глаза сияли озорством и юмором. Однако он не задумывался о своей внешности, что делало его еще более привлекательным.

– Как ты думаешь, Джордж, у них еще будут дети?

У Филлис часто возникал такой вопрос, но она никогда бы не решилась спросить об этом сына, а тем более Сару.

– Не знаю, дорогая. Мне кажется, у них и так достаточно полная жизнь. Теперь ведь нет никакой уверенности в зав-

трашнем дне. У Оливера такая ненадежная работа. Реклама – это не то что банковское дело, которым занимался я, когда был молод. Сейчас ни на что нельзя полагаться. Возможно, для них будет мудрее ограничиться двумя. – Джордж Ватсон говорил так на протяжении последнего года. Он прожил достаточно долгую жизнь и видел, как многие из его капиталовложений, некогда казавшиеся такими надежными, начинали усыхать. Жизнь дорожала не по дням, а по часам, и им с Филлис надо было проявлять максимум осторожности. У них был небольшой дом в Вестчестере, купленный примерно пятнадцать лет назад, когда Оливер учился в колледже. Родители знали, что он уже не будет жить дома подолгу, и потому не имело смысла дальше содержать большой дом в Нью-Лондоне.

Джорджа постоянно беспокоил вопрос финансов. Это ни в коем случае не означало, что они нуждались, но проживи родители Оливера еще лет двадцать пять, что было вполне реально, учитывая его и ее возраст – шестьдесят и пятьдесят семь лет, – и их сбережения могли сократиться до опасной черты. Ватсон-старший только-только ушел из банка и получал приличную пенсию. За последние годы он сделал целый ряд разумных вложений капитала, но все же... береженого Бог бережет. Именно это он говорил Оливеру каждый раз, когда с ним встречался. Он повидал в жизни многое, пережил одну большую войну и несколько малых. В 1929-м, году Великого кризиса, Джорджу было двенадцать лет, и он ви-

дел, как долго сказывались его последствия. Он хотел, чтобы сын был осторожнее.

– Я не думаю, что им нужно иметь больше детей, – добавлял обычно Джордж.

И Сара полностью с ним соглашалась. Это был один из немногих вопросов, по которым их мнения совпадали. Когда эта тема всплывала в разговорах с Оливером, ночью в кровати или на прогулке в лесу, она всегда говорила мужу, что глупо это даже обсуждать.

– Зачем нам еще дети, Олли? Мелисса и Бенджамин подрастают. С ними нет забот, у них свои дела. Через несколько лет мы сможем делать все, что нам заблагорассудится. К чему снова вся эта головная боль?

Сара содрогалась от одной мысли об этом.

– Ну, сейчас все было бы по-другому. Мы могли бы позволить себе нанять домработницу. Не знаю... Мне просто кажется, что это было бы здорово. Когда-нибудь мы пожалеем, что не решились завести еще детей.

Он нежно посмотрел на жену тем своим взглядом, который так покорял женщин, но Сара, казалось, не замечала его.

– Даже детям эта идея не понравилась бы. Бенджамину сейчас семь, а Мелиссе пять. Малыш покажется им незванным гостем. Подумай об этом. С ними тоже надо считаться.

Она говорила так убедительно, так безапелляционно, что Олли лишь улыбнулся и взял ее за руку, когда они возвращались к машине. Он только что купил первый в жизни «мер-

седес», а Саре на Рождество собирался подарить шубу, которую уже выбрал в магазине «Бергдорф Гудман», и заказал вышить на подкладке монограмму жены.

– Ты до конца в этом убеждена? – Олли был явно разочарован.

– Абсолютно.

К сожалению, такова была правда. Не было никакой возможности уговорить ее еще на одного ребенка. Саре был тридцать один год, и ей нравилась именно такая жизнь, какую она вела. Чуть ли не все свое время она отдавала работе в родительском комитете, отвозила детей в школу, привозила домой, отвозила их на сборы скаутов, а Мелиссу еще и в балетную студию. Сара считала, что хватит с нее и этого. Двое детей, загородный дом, еще и сеттер, купленный год назад, – взять на себя больше забот она просто была не в состоянии, даже ради Олли.

– Как ты насчет того, чтобы поехать с детьми кататься на лыжах после Рождества? – спросил Оливер, когда они сели в машину.

Ему нравилось проводить праздники дома. Он считал, что в праздник нигде так хорошо не бывает, да и родителям было бы приятно. У родителей Сары была еще младшая дочь, которая с детьми каждое Рождество приезжала из Гросс-Пойнта в Чикаго, а у его родителей не было больше ни детей, ни внуков. Да и Сара не горела желанием проводить праздники в родительском доме. Раз они туда поехали, и Сара три года

об этом сожалела. Сестра раздражала ее, с матерью Сара тоже никогда не ладила, поэтому план Оливера казался очень удачным.

– Это было бы здорово. Куда? В Вермонт? А что, если в этом году выбрать что-нибудь поинтереснее? Может, в Аспен?

– Ты серьезно? Ты что, огреб кучу денег на прошлой неделе?

Ему удалось найти фирме самого серьезного клиента за всю ее историю. Он пока не сказал Саре, какую получил премию, да и ей расспрашивать было некогда.

– Хватит, чтобы немного пошиковать, если захочешь. Или, может, остаться здесь и уехать потом, когда дети снова пойдут в школу? Моя мама их попасет.

Так бывало и раньше, а теперь дети стали старше и проблем не предвиделось.

– Что ты думаешь?

– Я думаю, что это гениальная идея!

Сара обняла мужа, и они стали целоваться в новом автомобиле, пахнущем мужским одеколоном и новой кожей.

В конце концов они сделали и то и другое. Поехали в Аспен с детьми между Рождеством и Новым годом, а месяц спустя отправились в романтическое путешествие на Ямайку, где провели неделю одни в вилле на берегу залива Монтего. Они со смехом вспоминали свой медовый месяц на Бермудах – как не хотели выходить из комнаты даже на

ужин. Этот отпуск во многом напоминал то свадебное путешествие. Сара и Оливер каждое утро играли в теннис, плавали и загорали на пляже, но ближе к вечеру, уединившись в вилле, предавались любви, а ужин, как правило, заказывали в номер. Это была самая романтическая из всех их поездок, и оба, покидая Ямайку, словно заново родились. Сара не переставала удивляться, как страстно она продолжает любить мужа. Она знала его двенадцать лет, была замужем восемь, а все еще воспринимала их роман очень остро. Оливер, несомненно, чувствовал то же самое по отношению к Саре. Он набрасывался на нее с энергией восемнадцатилетнего юноши. С сексом у них всегда было в порядке, а теперь и их взгляды уже не так разительно отличались, как прежде. С годами они медленно срастались, и Олли шутил, что Сара становится консервативнее, а он либеральнее. Но он чувствовал их постепенное слияние в одно целое, с единым разумом, единым сердцем и едиными устремлениями.

Они вернулись с Ямайки несколько ошалевшие, разомлевшие, выбитые из привычной колеи. На следующее утро Олли за завтраком заявил Саре, что ему ужасно не хочется расставаться с ней и ехать в офис. Оба понимающе переглянулись поверх голов детей. Сара сожгла тост, оставила сгустки величиной с яйцо в пшеничной каше, а бекон подала почти сырым.

– Классный завтрак, мамуля! – пошутил Бенджамин. – У тебя был такой хороший отпуск, что ты забыла, как надо го-

товить!

Он хохотал над собственной шуткой, а Мелисса хихикала. Она все еще была гораздо застенчивее Бенджамина и обожала брата – ее первого и единственного героя, кроме отца, конечно.

Дети отправились в школу, Оливер на работу, а у Сары все валилось из рук. Весь день она была не в своей тарелке. До вечера так и не вышла из дома, хваталась за какие-то дела, ни одно из которых не закончила. Она подумала, что причина, вероятно, в слишком уж хорошо проведенном отпуске.

Однако такое состояние затянулось на недели. Сара едва дотягивала до конца дня. Дела, казалось бы, такие обычные, поглощали всю ее энергию, и к десяти вечера она была уже в постели и посапывала.

– Наверное, уже старость пришла, – простионала она, обращаясь к Оливеру однажды субботним утром, когда безуспешно пыталась рассортировать пачку счетов, не в состоянии преодолеть усталость и рассеянность.

– Может, у тебя малокровие?

Раз или два у нее действительно был пониженный гемоглобин, и казалось, что это объяснение было достаточным. За месяц она ни одного дела не довела до конца, а предстояло организовать еще два весенних благотворительных концерта.

В понедельник утром Сара отправилась к врачу, чтобы сделать анализ крови и обследоваться, а когда во второй по-

ловине дня забирала детей, уже почувствовала себя лучше.

– Наверное, это самовнушение, – сказала она Оливеру, когда тот позвонил предупредить, что будет работать допоздна и к ужину не вернется. – Я была сегодня у врача, и мне уже лучше.

– И что сказал врач?

– Ничего особенного.

Она не сказала, что врач спрашивал, не ощущает ли она себя подавленной и несчастной и нет ли у нее проблем с мужем. Известно, что состояние хронической усталости – один из симптомов депрессии. Что бы это ни было – наверняка ничего серьезного, она была в этом уверена. Даже врач сказал, что у нее вид вполне здоровой женщины, она даже поправилась на пять фунтов за три недели, прошедшие после возвращения с Ямайки. Да это и неудивительно – ведь она ничего не делала все это время, только сидела дома и спала. Даже чтение забросила и в теннис играть перестала. На следующий день она как раз договорилась с друзьями поиграть и уже собралась выходить, хотя чувствовала усталость, когда зазвонил телефон.

– Все в порядке, Сара, – раздался в трубке голос доктора. Поначалу ее расстроило, что он ей сам позвонил, но потом она решила, что это просто любезность, в конце концов, они столько лет знакомы.

– Со здоровьем у тебя в порядке. Ни малокровия, ни серьезных расстройств.

Она по голосу поняла, что врач улыбается, а поскольку чувствовала упадок сил, ее это разозлило.

– Тогда почему я все время такая чертовски усталая, едва ноги таскаю?

– Тебя память подводит, моя дорогая.

– Прекрасно. Ты хочешь сказать, что у меня склероз? Великолепно! Только это и мечтала услышать с утра пораньше.

– А может, для разнообразия желаешь хорошую новость?

– Какую, например?

– Например, о новом ребенке.

Голос доктора звучал так радостно, словно он вручал ей приз в миллион долларов. Сара же почувствовала, что сейчас свалится в обморок, прямо тут, на кухне, с теннисной ракеткой в руке.

– Ты шутишь? Лучше не надо. Мои дети уже большие... Я... Я не могу... черт возьми!

Она тяжело опустилась на ближайший стул, подавляя слезы. Не может быть, это неправда. Но она знала, что это правда. Просто она боялась себе признаться. Месячных не было не по причине малокровия, переутомления или возраста. Она даже не сказала Олли, не придала значения. Теперь было ясно, она беременна. Но Сара знала, что делать на этот раз. На дворе 1979 год. Дети подросли. Ей самой тридцать один. Аборты не запрещены. На этот раз Олли не удастся ее переубедить. Она не намерена рожать.

– Какой у меня срок?

Но она и так знала... Это, конечно, случилось на Ямайке... как в свое время на Бермудах был зачат Бенджамин... Чертов отпуск.

– Когда у тебя последний раз были месячные?

Сара быстро прикинула и сказала ему. Получалось, что она на шестой неделе, то есть времени на аборт было предостаточно. Она даже подумала, что сделает его, не ставя в известность ни Олли, ни их семейного врача. Она позвонит своему гинекологу и договорится о приеме.

– Поздравляю, Сара. Тебе повезло. Надеюсь, Олли будет рад.

– Я в этом не сомневаюсь.

Сара едва выдавила из себя слова благодарности, попрощалась, а потом дрожащими пальцами набрала номер телефона гинеколога и условилась прийти на следующее утро. Тут только она спохватилась, что теннисные партнеры ждут ее на корте в Вестчестерском клубе. Она бы с радостью не пошла, но раз обещала – делать нечего. Сара выбежала из дома, села в машину. Поворачивая ключ зажигания, она заметила в зеркале свое отражение. Это не могло случиться с ней... Это было несправедливо... Она собиралась стать писательницей... когда-нибудь... А может, нет?... Может, ее судьба – быть домохозяйкой? Это самое ужасное, что она себе представляла в колледже. Никогда не хотела ею быть, а теперь вот... домохозяйка. Она произнесла это, сидя в машине, будто бранное слово... Ребенок... Господи... ребенок... И что

за разница, даже если они наймут домработницу, если дом позволяет им всем удобно разместиться? Ребёнок все равно будет кричать по ночам, придется его купать, переодевать, кормить, заботиться о нем, воспитывать, возить в школу, из школы, к зубному... У нее никогда не будет возможности заниматься тем, чем хочется. Никогда. Сара чувствовала, что этот еще не родившийся ребенок, одна лишь мысль о его существовании представляет для нее угрозу. Она этого не допустит.

Сара включила заднюю передачу и резко выехала из ворот. Через десять минут она была на теннисном корте, бледная, едва сдерживая тошноту.

Она с трудом заставила себя поддерживать разговор, а вечером благодарила судьбу, что Олли допоздна задержался на работе. Он готовил рекламную кампанию для нового клиента, очень серьезного. Но какое значение имело то, какие у него клиенты? Сара считала, что ее жизнь кончена.

В тот вечер она уже спала, когда вернулся Олли. Утром ей удалось кое-как собрать завтрак. Муж спросил ее, в чем дело, и она сказала, что ужасно болит голова.

– Ты узнала результаты анализов? Ей-богу, у тебя наверняка малокровие.

Он казался очень расстроенным, а Сару захлестнула волна ненависти, как только она подумала о том что он в ней посеял.

– Еще нет. Они не звонили.

Сара отвернулась, чтобы поставить тарелки в посудомоечную машину. Ей не хотелось, чтобы Олли заметил в ее глазах ложь. Спустя несколько минут он уехал на станцию, а дети в школу, на соседской машине. А еще через час Сара была в кабинете гинеколога, рассчитывая на аборт, но доктор искоса взглянул на нее и спросил, что думает о ее намерениях Олли.

– Я... он... вообще-то...

Нет, не могла она ему лгать. Он знал ее слишком хорошо и к тому же был ей симпатичен. Она посмотрела на него со странным блеском в глазах и решилась сказать правду:

– Я не говорила ему.

– Про аборт или про ребенка?

Врач был удивлен. Он всегда думал, что у них очень счастливый брак, что они полностью доверяют друг другу и ничего не скрывают.

– Ни про то, ни про другое. И не собираюсь говорить. Его лицо застыло, когда он ее слушал. Затем доктор медленно, неодобрительно покачал головой.

– Я думаю, Сара, что ты поступаешь неправильно. Он имеет право знать. Это и его ребенок тоже.

Вдруг ему стало неловко. Может, он чего-то не знает? Все возможно.

Сара долго не отвечала. Ей не хотелось признаваться, что Олли всегда хотел иметь больше детей.

– Я это с ним не обсуждала.

– По-моему, зря. Позвони мне, Сара, через несколько дней. У тебя есть время, чтобы принять решение и сделать все без риска для здоровья.

– Отсрочка ничего не изменит.

Покидая кабинет, она чувствовала разочарование и злость. Именно гинеколог должен был решить за нее проблему, но не сделал этого.

Сара вернулась домой и расплакалась, а когда в одиннадцать вечера вернулся домой Оливер, она была в постели, симулируя очередную мигрень. Дети давно уже спали, она смотрела телевизор и ждала Олли, хотя все еще была уверена, что ничего ему не скажет.

– Ну, как было сегодня? У тебя усталый вид, – спросила она, печально взглянув на мужа, когда он входил в спальню.

– Нормально, – ответил он, присаживаясь на край кровати, и, улыбнувшись ей, ослабил галстук. Его светлые волосы рассыпались, словно их растрепал ветер. Он выглядел усталым, но был по-прежнему невероятно хорош собой.

Как ему это удастся? Жизнь для него так проста. Его заботы – это каждый день ходить в офис и иметь дело с реальными людьми в реальном мире. Он занимается чем-то толковым, а она все свое время проводит только с женщинами и детьми. В жизни очень много несправедливого, и это одна из таких несправедливостей.

Сара временами жалела, что не родилась мужчиной, что жизнь так сложилась, что пришлось погрязнуть в домашних

делах. Но это был такой легкий путь: двое детей, дом в пригороде и ли одной мечты. А теперь еще один ребенок... то есть нет, конечно, нет... она ведь сделает аборт.

– Что случилось, Сарри? – спросил Оливер и наклонился, чтобы ее поцеловать. Он знал ее слишком хорошо и умел распознать в ее глазах душевную боль, порожденную не чувством вины за то, что она собиралась сделать, а досадой.

– Ничего. Я просто устала.

– Ребята тебя замучили?

– Нет, они вели себя хорошо.

– Так в чем же дело? – настаивал он.

– Ни в чем, – соврала Сара.

Олли снял пиджак, расстегнул рубашку и подвинулся к ней:

– Пожалуйста, не надо. Не пытайся меня обмануть. Ты ужасно чем-то расстроена.

И вдруг внезапный страх охватил его. Это приключилось с его товарищем по работе полгода назад. У его жены нашли рак, и через четыре месяца она умерла, оставив мужа одного с тремя детьми. Оливер знал, что не пережил бы потери Сары. Он ее любил слишком много лет. Она была . для него всем.

– Анализы готовы? Ты мне ничего не хочешь сказать?

Какое-то мгновение она подумала о том, что ей порекомендовал врач... «Ты должна ему сказать, Сара... Он имеет право знать... Это и его ребенок тоже...» «Но я не хочу!» –

кричало что-то у нее внутри.

– Анализы в порядке.

А потом, чувствуя стыд, что приходится врать, она сказала то, о чем тут же пожалела:

– Более или менее.

Чувство тревоги пронзило его как кинжал, и он ласково взял ее руку в свою.

– Что это значит? – произнес он с трудом, не сводя с нее глаз. – Что они тебе сказали?

Сара моментально догадалась, что Олли подумал, и решила его больше не терзать. Она любила его, но не хотела больше иметь детей.

– Не то, что ты думаешь. Не бойся.

Сара наклонилась, чтобы поцеловать мужа, и когда Олли обнял ее, то почувствовала, что он дрожит.

– Тогда что же?

Она медленно подняла на него глаза и полным отчаяния, сдавленным голосом произнесла:

– Я беременна.

После этих слов сначала никто из них не пошевелился. Олли явно спало напряжение, державшее его как в тисках.

– О Господи... почему же ты мне не сказала?

Олли сел удобнее и улыбнулся, но его улыбка поблекла, когда он увидел выражение ее глаз.

– Я узнала только вчера. Глупо как-то. Это, наверное, произошло на Ямайке.

Олли не мог сдерживать улыбку, и Саре захотелось его ударить.

– Ну надо же, никогда бы не подумал. Столько времени прошло. Все уже забылось.

Слова и взгляд Оливера были очень нежные, но Сара вынула руку из его ладоней и снова откинулась на подушки, будто желая держаться от него подальше. Это была его вина.

– Я сделаю аборт.

– Вот как? Когда ты это решила?

– Через тридцать секунд после того, как узнала. Олли, я не могу...

– А в чем дело? Сара медленно покачала головой, понимая, какое тяжелое сражение с мужем ей предстоит выдержать. Но на этот раз она не собиралась уступать. Она не хотела этого ребенка.

– Я слишком стара. Да и по отношению к детям это несправедливо.

– Чушь, ты сама это знаешь. Они наверняка будут в восторге, если мы им сообщим.

– Нет, мы им не скажем. Через пару дней с этим будет кончено.

– Уму непостижимо! – Он поднялся и стал расхаживать по комнате. – Как все просто! Да что с тобой творится? Каждый раз, когда ты беременеешь, у тебя появляется этот чертов бзик насчет аборта!

– Это не бзик. Бзик будет, если я рожу еще одного ребен-

ка. Я этого не хочу. Ты каждый день ходишь на работу, у тебя своя жизнь. А я должна торчать на родительских собраниях и развозить детей по школам. Но я не намерена гробить еще двадцать лет своей жизни. Десять я уже угробила и считаю, что половину срока оттрубила. И не думай меня уговаривать.

– И что? По-твоему, из-за этого надо убить малютку? Ты что, собираешься стать нейрохирургом, что ли? Да Господи, ты же делаешь очень важное дело, ты растишь наших детей. Ты находишь, что это слишком большая жертва для выпускницы Редклиффа? Я знаю, что когда-то ты считала, что должна жить в Сохо, среди богемы, и писать романы. А я считаю твои теперешние занятия более важными и полезными, и мне казалось, что ты тоже это поняла. Ради Бога, Сара, стань ты наконец взрослой!

– Я взрослая, черт подери. Я не только повзрослела, но и состарилась и не собираюсь гробить свою жизнь до конца ради кого бы то ни было. Дай мне шанс, пожалуйста! Подумай обо мне. В мире ведь существуют не одни лишь дети, Оливер, или ты этого не замечал?

– Я замечаю, что у тебя тут чертовски легкая жизнь. Пока я лезу из кожи вон в Нью-Йорке, ты играешь с подружками в теннис или печешь с Мелиссой печенье. Но этим ты и должна заниматься. Только не говори мне, Сара, что это ужасно тяжело и так далее, я все равно на это не клюну. А ребенок ничего не меняет.

– Да ну тебя!

Они спорили до двух часов ночи, и следующую ночь тоже, и еще одну. Споры продолжались весь уик-энд и всю следующую неделю. С обеих сторон были и слезы, и хлопанье дверьми, и обвинения. Оливер умолял Сару не делать аборт, но в конце концов махнул рукой и сказал, что она вольна, черт подери, поступать как хочет.

Сара дважды откладывала аборт, имела глупость позвонить сестре, разговор с которой был еще более резким. Та сказала, что считает Сару безнравственной и полоумной идиоткой.

Так продолжалось неделями, и в результате оба впали в отчаяние, были измучены и издерганы. Кончилось тем, что они сумели снова привести свои отношения в порядок, и Сара аборт не сделала. Оливер, однако, согласился, что после этого ребенка она сделает себе стерилизацию. Он не считал это хорошим решением, но в то же время понимал, что ни он, ни Сара не перенесли бы еще одного удара по самым основам их брака, к тому же Сара категорически заявила, что ни при каких условиях не намерена больше рожать.

Ребенок появился на свет в день выборов. Оливер во время родов стоял рядом с женой, подбадривал ее, а она при каждой схватке проклинала его. Впрочем, на протяжении последних восьми месяцев Сара чуть ли не ежечасно повторяла, что будущий ребенок ее ни капельки не интересует. Олли же говорил, что будет любить малыша за двоих и что дети ждут его с восторгом. Бенджамину тогда было восемь,

все это событие его чрезвычайно интриговало, а шестилетней Мелиссе ребенок представлялся чем-то вроде куклы. Одна Сара не разделяла их энтузиазма. Наконец показалась головка младенца – изумленному взгляду Оливера предстал Сэм Ватсон, который громким криком прокладывал себе дорогу в мир и тарасил глазенки на папу. Малыша сперва вручили Оливеру, а он осторожно передал его Саре. Та лежала вся в слезах, вспоминая, какие гадости говорила про этого малютку. У него были черные волосики, зеленые, как у Олли, глаза, обещавшие недюжинный ум и большое чувство юмора. Он принадлежал к детям, в которых влюбляешься с первого взгляда, и сколь безапелляционно Сара отвергала его, столь же пылко полюбила, как только взяла в руки. Это был *ее* ребенок: с самого начала не крикун, не плакса, спокойный, радостный, не капризный. Он стал главной в ее жизни страстью, и когда Оливер вечером возвращался с работы, Сара потчевала его рассказами о гениальности и успехах Сэма. Малыш был просто лапочка, и все были от него без ума: Олли, Сара, Бенджамин, Мелисса, бабушка и дедушка. Ребенок рос замечательный, что доказало правоту Оливера, но он был настолько великодушен, что не напоминал об этом, и оба супруга благодарили судьбу за то, что аборт не состоялся. Сэм был хорош во всех смыслах и не стал обузой, как того боялась Сара.

Чтобы облегчить ей бремя забот, Олли нанял домработницу, женщину из местных, которая пятнадцать лет прора-

ботала у епископа и хотела теперь устроиться в дом, где было бы больше жизни. Агнес, так ее звали, обожала Мелиссу и Бенджамина и, подобно остальным, с первого взгляда полюбила Сэма, что, впрочем, неудивительно. У него были круглые, как у херувимчика, щечки, премилая улыбка, полненькие ручки и ножки, которые нельзя было не обнимать, не тискать и не целовать. Часто случалось так, что Агнес и Сара сталкивались лбами, целуя одну и ту же пухленькую щечку. Они при этом смеялись, а Сэм радостно пищал. Агнес отвечала всем требованиям Сары, которая сожалела лишь о том, что не имела такой помощницы, когда Бенджамин сотрясал своими воплями стены их квартиры на Второй авеню, но тогда они не могли себе этого позволить. Теперь очень многое изменилось и, как предвидел Олли, все давалось удивительно легко.

Саре больше не нужно было готовить завтраки и ужины, пылесосить, заниматься стиркой и уборкой. Два раза в неделю к ним приходила женщина, которая убирала в доме, а кроме того, была великолепная Агнес. Она с радостью поселилась в уютной маленькой комнатке на втором этаже, отделенной от комнаты для гостей, в которой теперь была спальня Сэма.

Малыш день и ночь был окружен заботой. Сестра проверяла, не описался ли он, брат подавал мячики, мама, папа, Агнес души в нем не чаяли. И что удивительно, он не превратился в избалованного тирана – напротив, оставался необык-

новенно приятным ребенком, радовавшим всех в доме. Опасениям Сары, что это дитя разрушит всю ее жизнь, не суждено было сбыться. Сэму не требовалось дополнительное внимание, в школе его хвалили, он с одинаковым удовольствием играл и с мамой, и с Агнес, и с Мелиссой, а особенно, конечно, с Бенджамином или с отцом. У Сары больше не оставалось оправданий для творческого застоя.

Не успела она оглянуться, как Бенджамину исполнилось семнадцать, он был в выпускном классе. Пятнадцатилетняя Мелисса не отходила от телефона, который непонятно для чего затаскивала в кладовку наверху, сидела там, скорчившись, среди куч зимних вещей и болтала с какими-то неизвестными ребятами. Сэму было девять, он играл в комнате, занимаясь своими делами, и лишь изредка нужно было уделять ему время. Таким образом, условия для того, чтобы писать, были. Она не могла сваливать на детей вину за то, что бумага остается чистой, а пишущая машинка молчит.

Глядя на падающий снег, она думала, что скажет Оливеру. Уж лучше бы он не спрашивал, как ей пишется. В последние два года он проявлял к этому откровенный интерес, чем бесил Сару. Она не могла ему сказать, что ничего из этого не выйдет, что в сорок один год ее самые плохие опасения оправдались. Ее жизнь в самом деле была кончена. Она никогда не чувствовала себя такой старой и выдохшейся, но теперь-то она точно знала, что не беременна: как и было условлено, после рождения Сэма она сделала стерилизацию. При-

чина была иная. Это было медленное, разрушающее психику осознание того, что жизнь зашла в тупик, что мечты, которые у нее были в двадцать лет, давно развеялись и скорее всего никогда уже не исполнятся. Не быть ей уже писательницей. Если бы Саре было тридцать пять, эта новость могла бы стать для нее ударом, в тридцать девять – могла ее убить. Но Саре был сорок один, и ей стало просто очень грустно. Ей не оставалось ничего, кроме домашних будней, в то время как Олли поднимался к новым успехам. Сару не покидало странное ощущение, что даже дети уже что-то собой представляют, в то время как она деградировала. Бенджамин был прекрасным спортсменом и великолепно учился. Мелисса имела выдающиеся артистические способности, мечтала о профессии актрисы и становилась настоящей красавицей. Оба, и брат и сестра, собирались поступать в Гарвард. Сэм обладал ангельским голосом, пел в хоре и был необыкновенно сердечен и ласков, за что все его любили. А чем могла похвалиться она? Детями. Мужем. Домом. Фактом, что училась в Редклиффе двадцать лет назад. Ну и что? Кому до этого дело? Кто об этом знает? Кто помнит? Ей осталась лишь одна надежда, причем очень маленькая и иллюзорная. Да и как ее осуществить? Как? Живя здесь, где она всем нужна. Но нужна ли в самом деле? У них есть Агнес... С Олли она так поступить не может...

Сара грустно улыбнулась про себя, глядя, как собака, которую Агнес выпустила на улицу, с лаем носится по снегу.

Они так счастливы. Все, даже Агнес. Почему же ей так тоскливо на душе? Что ушло? Что она потеряла? Чего никогда не имела? Чего желала теперь? Чего-то. Всего. Она желала всего-всего. Славы. Успеха. Больших дел. Знакомств с известными людьми. И знала, что никогда этого не получит. Она всегда будет тут так сидеть, смотреть на снегопад, а жизнь будет проходить мимо, и Олли будет по-прежнему гоняться за клиентами. У нее теперь были свой «мерседес», две меховые шубы, трое детей – благодаря настойчивости Оливера, прекрасный муж... но ничего своего, что было бы на самом деле значимо. Никаких достижений, никакого таланта. Все ушло. Та девушка, которой она когда-то была, ушла безвозвратно.

– Почта, миссис Ватсон, – негромко произнесла Агнес и положила на письменный стол корреспонденцию.

– Спасибо, Агнес. Что интересного?

– В основном тут счета. И, кажется, письмо Бенджамину из университета, правда, адресовано оно вам.

Бенджамин действительно заполнял заявки на поступление в Гарвард, но еще их не выслал. Оттуда не могли писать ни ему, ни Саре о нем. Это было кое-что другое, и Сара знала, что именно. Она дрожащими руками взяла конверт, мину-другую в нерешительности глядела на него, вспоминая времена, когда все было иначе... но то все кануло. «Все», – напомнила себе Сара, вскрывая конверт. Она повернулась к Агнес спиной, а потом прошла в гостиную, где светлые обои

в цветочек напоминали о лете даже среди зимы.

Сара медленно извлекала письмо, словно раскалывала скорлупу своей жизни... Но нет, нельзя позволять себе даже думать об этом. Она опустилась в кресло и стала читать, не обращая внимания на Агнес, которая удивленно за ней наблюдала... Сара читала письмо медленно, с трудом, затаив дыхание... Нет, это невозможно. Это ошибка... Она не так поняла... Но ошибки не было. Все написано черным по белому... Господи Боже... Вдруг она почувствовала, что ее тело наполняется светом и музыкой. Она больше не ощущала пустоты. Как будто там, внутри, что-то было. Нечто лучшее, чем ребенок... Это была она сама. Там была она. Она вернулась. Сара перечитывала строчки письма снова, и снова, и снова...

«...Рады сообщить Вам, что вы зачислены в аспирантуру Гарвардского университета...» Рады сообщить... рады сообщить... Слова смазались, когда на глазах у нее выступили слезы и стали медленно стекать по щекам... Это была мечта, только лишь мечта. Осуществить ее нет никакой возможности. Нельзя оставить их одних, а самой уехать учиться.

Она послала заявку давно, в сентябре, когда у детей снова начались занятия и ей было так грустно и одиноко. Послала так просто... на всякий случай... а теперь они пишут, что зачислили ее. Но она не может...

Сара подняла глаза. Снег все падал, собака носилась по двору с радостным лаем, а Агнес выжидательно глядела, стоя

в дверях. И Саре стало ясно, что ехать надо. Они поймут. Обязательно поймут... Это не продлится долго... но она снова станет личностью. Обретет себя... Станет собой... Станет Сарой.

Глава 2

– Плохие новости, миссис Ватсон?

Агнес заметила, что Сара побледнела, а потом увидела слезы у нее на щеках. Но ей не дано было понять чувства, которые обуревали Сару в тот момент. Волнение... неверие... надежда... и страх. Она оставила хозяйку наедине с ее мыслями.

Прошел целый час, прежде чем Сара появилась на кухне.

– Да нет... это просто сюрприз...

У Сары был отсутствующий вид человека, потрясенного непонятно чем-то ли радостью, то ли горем. Она рассеянно слонялась по кухне, переставляла предметы, даже не глядя на них, придвинула стул к столу, подняла с пола бумажку. Казалось, будто она не знает, что предпринять, будто видит свой дом в первый раз или в последний. Что же теперь делать? Ехать в Гарвард она никак не могла. Нельзя же их оставить одних.

Она задавала себе вопрос, зачем вообще подавала документы. Это была глупая, нереальная мечта, Олли будет насмехаться над ней... и все же... предложение не было смешным. Оно было пугающим, но великолепным, и ради семьи Сара не хотела отказываться от такого шанса. Никогда в жизни она не стояла перед таким выбором. Конечно, она не скажет Олли. Пока не скажет. Может, после праздников, до

Рождества осталось всего две недели. Может, они соберутся на пару дней покататься на лыжах, тогда кстати было бы и сказать. Но что сказать?.. «Олли, я еду учиться... Я уезжаю в Бостон на год или два... Мне придется уехать...» Но на глазах у Сары снова выступили слезы, и она в отчаянии подумала, что ни за что их не покинет.

Агнес посмотрела на нее недоверчиво. В том письме был не просто сюрприз. А если и сюрприз, то очень приятный.

– В котором часу дети придут домой?

Сара рассеянно посмотрела на сухонькую, маленькую женщину, занятую приготовлением ужина. Обычно Сара была ей благодарна, теперь же вдруг почувствовала себя при ней бесполезной. Серые волосы Агнес были собраны в узел, она с серьезным лицом, поджав губы, накрывала на стол. Дети ели с ней на кухне, когда родители куда-то уходили. Иногда здесь ужинали всей семьей. Но чаще всего, если Сара и Олли были дома, накрывали в столовой. Оливеру это нравилось, он любил ритуал семейного ужина, когда все чинно сидят за столом и обсуждают итоги прошедшего дня. Ему это позволяло отключиться от работы и быть в курсе домашних, прежде всего детских, дел. Но в тот вечер они с Сарой собирались отправиться с друзьями в новый ресторан в местечке Рей.

Раздумья Сары прервал телефонный звонок. Опередив Агнес, она подняла трубку. Может, это Олли? Ей вдруг захотелось быть с ним рядом, слышать его голос, прижаться к

нему. Внезапно, в один момент, это письмо все изменило.

Звонили друзья. Им пришлось отказаться от ужина в ресторане. Сара, повернувшись, задумчиво посмотрела на Агнес:

– Наверное, мы сегодня останемся дома и поужинаем с детьми. Наши знакомые не поедут в ресторан. Они не могут.

Агнес кивнула, взглянула на Сару и спросила:

– А почему бы вам с мистером Ватсоном не поехать с нами?

Ей показалось, что Саре нужно развеяться.

Сара в ответ улыбнулась. Они знали друг друга очень хорошо, и все же Агнес оставалась сдержанно-уважительной. Она не боялась высказывать свое мнение или спорить, настаивая на своем, особенно когда дело касалось детей. Но даже в таких ситуациях неизменно обращалась к ним «мистер Ватсон» и «миссис Ватсон».

– К тому же мистер Ватсон не особенно любит жаркое.

Сара снова улыбнулась. Агнес была права. Он не любил жаркого. Может, им в самом деле следовало бы поужинать вне дома. Но ей не хотелось быть с Оливером наедине. Пока она размышляла, хлопнула входная дверь, и в следующую минуту на кухне появился Бенджамин, семнадцатилетний юноша шести футов ростом, рыжий, голубоглазый – в мать. Щеки у него покраснели от мороза, он снял вязаную шапку и бросил ее на стол.

– Ты, неряха! – Агнес замахнулась на него деревянной

ложкой, но по глазам видно было, как она его любит. – Сейчас же убери это с моего стола!

Бенджамин рассмеялся, ласково посмотрел на нее, взял шапку и запихнул ее в карман куртки.

– Извини, Агги... Привет, мама. – И швырнул на стол на этот раз стопку учебников. – Ну и холодина на улице.

Руки у него были красные: он никогда не носил перчаток и целый квартал шел до дома пешком от места, где его высадил приятель. Бенджамин направился прямехонько к холодильнику, чтобы подкрепиться, пока не готов ужин. Он поглощал пищу непрерывно и в чудовищных количествах, но все равно был тощий как щепка. От отца он унаследовал стройную фигуру и широкие плечи.

– Отойди от холодильника. Ужин будет готов меньше чем через час. – Агнес опять с улыбкой замахнулась на него ложкой.

– Ну, чуть-чуть, Агги... Не беспокойся... Я голодный как волк... – произнес Бенджамин и запихнул в рот кусок салами.

Сара наблюдала за ним. Он стал уже мужчиной, и к тому же привлекательным мужчиной. У него своя жизнь, свои друзья, а через несколько месяцев он станет студентом. Нужна ли она ему, по совести говоря? Какая ему разница? Саре вдруг подумалось, что ее присутствие здесь не имеет для него никакого значения.

Бенджамин обернулся, посмотрел на нее и сразу заметил

грусть в ее глазах.

– Ма, что-то случилось?

– Нет, нет. Ничего. – Сара энергично замотала головой. – Я просто думаю, поехать ли нам с папой ужинать в ресторан или остаться дома. А ты что будешь вечером делать? Опять готовиться к экзаменам?

Бенджамин кивнул. Он хороший ученик, замечательный парень, предмет ее восторгов, ее первенец, и по-прежнему во многом похож на нее, хотя и не такой бунтарь, как она в его годы.

– Да. Завтра сдаю последний. Химию. Поеду к Биллу, по-занимаемся вместе. Можно взять машину?

Вот и все, что на самом деле ему было от нее нужно. Холодильник и ключи от машины. Сара улыбнулась. Она будет скучать по нему, если уедет. Она будет скучать по ним всем... особенно по Сэму... и Олли...

– Конечно... только езжай осторожно. Если еще похолодает, можешь не завести машину. А он не мог бы к тебе приехать?

Бенджамин решительно покачал головой. Он не изменял своих решений, как и она когда-то.

– Он был у меня три последних раза. Я обещал, что приеду сегодня. Мел тоже вечером не будет дома. Она тебе звонила?

Сара покачала головой:

– Еще нет.

Мелисса никогда не звонила, всегда забывала это сделать.

Она тихо и уверенно вела собственную жизнь, занималась тем, что ей нравилось. В свои пятнадцать лет Мел была воплощением независимости.

– Что значит «не будет дома»? Сегодня же вторник. Ей было разрешено ходить на свидания только с этого года, с сентября, причем раз в неделю в уик-энд, с мальчиками, чьих родители знают, и в места, которые одобряют.

– И как она доберется домой?.

– Я обещал, что заеду за ней. – Бен взял яблоко из корзинки, стоявшей на кухонной стойке, и стал его грызть. – У нее вечером репетиция. Она участвует в спектакле драмкружка. Все о'кей, мам.

Снова хлопнула входная дверь. Сара заметила, что Агнес с улыбкой взглянула на часы, а потом торопливо проверила жаркое.

Раздались тяжелые шаги, словно в дом вошел взрослый мужчина, потом тяжкий вздох, что-то глухо стукнуло, хлопнула еще одна дверь, раздался лай, и вдруг Сэм и Энди, ирландский сеттер, ворвались на кухню. Пес везде оставлял следы мокрых лап и терся о мальчика, темноволосого, с зелеными, как у отца, глазами. Сэм широко, радостно улыбался, вся голова у него была мокрая. На лапах и на ботинках они принесли жуткое количество снега, который быстро превращался в лужи на полу. Энди то и дело вставал на задние лапы, опираясь передними Сэму на плечи, и лизал его в лицо.

– Всем привет! Ну и классно здесь пахнет. Что на ужин?

Жаркое?

Агнес обернулась, широко улыбаясь, и увидела погром, который Сэм учинил у нее на кухне. Сара и Бенджамин хохотали. Сэм был неисправим, он в момент мог превратить любую комнату в помойку.

– Убирайся отсюда, негодный мальчишка! А где твоя шапка? Простудиться захотел, ходит с мокрой головой!

Она погрозила ему ложкой, как до того Бенджамину, только на этот раз энергичнее, и пошла за полотенцем, не переставая причитать, ворчать и браниться.

– Привет, мам.

Сэм подбежал ее поцеловать. Энди глядел на них и что есть мочи вилял хвостом, а Сэм его гладил, одновременно стягивая башмаки. Наконец он их стянул и оставил посреди кухни, к радости Энди, который схватил один башмак и унес на диван в гостиной, пытаясь спрятать, на что Агнес отреагировала пронзительным криком.

– Убирайтесь отсюда! Оба! Наверх и в ванну! – кричала она вслед Сэму, устремившемуся за Энди.

Подбегая к лестнице, озорник сбросил на пол куртку, и теперь уже Сара крикнула ему:

– Вернись и подбери свои шмотки!

Но его уже и след простыл, доносился только лай Энди. Агнес вытирала пол на кухне, Бенджамин пошел наверх в свою комнату, чтобы приготовить учебники, и когда Сара медленно поднималась за детьми по лестнице, она невольно

думала, как ей будет их не хватать.

Приблизившись к спальне, она услышала телефонный звонок. Звонила Мелисса. Она сообщила то, что Сара уже знала, – дочь допоздна останется в школе на репетиции драмкружка, и Бенджамин заедет за ней по пути домой. А потом позвонил Олли, ему захотелось в тот вечер поужинать не дома, пусть даже без друзей, именно это и предлагала Агнес.

– Мы спокойно посидим вдвоем. Думаю, так будет даже лучше.

Она чувствовала тепло, которое излучал его голос, несмотря на большое расстояние, и отложила трубку со слезами на глазах. Что она ему скажет? Ничего. Сегодня ничего. Надо подождать. Она же обещала себе, что скажет ему только после Рождества.

Сара слонялась по комнате, переставляя вещи, вслушиваясь в голоса детей за стеной, прикасалась к знакомым предметам и думала о муже. А потом легла на кровать и стала думать о них всех, о том, что они для нее значили, чего ей стоили. Даже не подозревая об этом, каждый из них что-то у нее отнял, но и чем-то поделился... Однако теперь вдруг того, что она получала, стало недостаточно, и это было не то, чего ей хотелось... Как ужасно об этом думать. Как ужасно сказать им такое... Нет, она никогда не скажет... Но ей хочется иметь свою жизнь. Она для этого созрела. Ей недостаточно, как Агнес, стоять у плиты и каждый день ждать их

возвращения или ждать, когда они разъедутся навсегда. Да и случится это совсем скоро. Бенджамин уедет осенью. Еще через два года Мелисса. Останется Сэм... но свои планы, о которых сейчас размышляет, она осуществит задолго до того, как он покинет дом. Так что за разница? Почему наконец нельзя поступить так, как хочется?..

И все-таки, говоря себе это, она испытывала невыносимые угрызения совести.

Ее мысли снова прервал телефонный звонок. Это был свекор. В его голосе чувствовались усталость и беспокойство. Последнее время у него были проблемы с сердцем, да и Филлис чувствовала себя неважно.

– Привет, Джордж, как дела?

– Оливер дома?

Против обыкновения, в этот раз он не был с ней любезен.

– Нет, его нет.

Сара сильно расстроилась, она питала к нему симпатию, гораздо большую, чем к Филлис.

– Что-нибудь случилось?

– Я... нет... не знаю. Филлис в полдень ушла в магазин и до сих пор не вернулась. В такую погоду... Знаешь, я беспокоюсь, она не звонила. Это на нее не похоже.

Свекрови было шестьдесят девять лет. Она казалась еще крепкой, но в последнее время стала какой-то рассеянной. Несколько месяцев назад она перенесла воспаление легких и с тех пор не оправилась. Сара знала, что Джордж очень за

нее беспокоится. В свои семьдесят два года он, сухощавый и подвижный, был крепче и энергичнее жены. Будучи все еще привлекательным, высоким, стройным, с добрыми глазами и обворожительной улыбкой, он, однако, временами казался старше своих лет, что огорчало Оливера.

– Я думаю, она просто потеряла счет времени. Ты же знаешь, что бывает с женщинами, когда они ходят по магазинам.

Сара хотела его утешить. С его сердцем нехорошо было волноваться по каждому пустяку, а Филлис, несомненно, с минуты на минуту должна была вернуться.

– Я думал, может, пойти поискать ее... Может, Оливер...

В последнее время он больше полагался на Оливера, что тоже не было для него характерно.

– Я скажу, чтобы он позвонил, как только придет.

И это означало, что из их вылазки в ресторан ничего не выйдет, разве что свекровь вернется раньше. Но с другой стороны, может, оно и лучше – у Сары вдруг пропало желание провести вечер наедине с мужем.

Но Джордж позвонил снова до того, как вернулся Оливер. Филлис уже была дома, цела и невредима. Она никак не могла поймать такси, и мелочи не было, чтобы позвонить. Джордж не сказал Саре, что жена все же показалась ему какой-то странной, что, по словам таксиста, она с трудом вспомнила свой адрес и что из разговора с ней он, к своему ужасу, понял, что она не помнит номера их телефона и именно поэтому не позвонила.

– Извини за беспокойство, дорогая.

– Ну что ты, Джордж. Ты можешь звонить нам в любое время, ты же знаешь.

– Спасибо.

Он с огорчением взглянул на жену, которая что-то мурлыкала себе под нос и бесцельно слонялась по кухне. В последнее время готовкой занимался он, и оба делали вид, что так происходит потому, что ему нечего делать, да и готовит он якобы лучше.

– Передай Оливеру от меня привет, когда он вернется, и, если у него будет время, пожалуйста, попроси его позвонить мне.

– Обязательно, – пообещала Сара и тут же забыла, когда несколькими минутами позже появился Оливер.

Он торопился принять душ, переодеться и настаивал, что заберет ее куда-нибудь поужинать.

– Но Сэм останется один дома.

Сара предпринимала все, чтобы остаться дома и не быть с ним наедине за столиком. Она ничего не могла ему сказать. Пока. И легче было спрятаться здесь, в их доме, за спинами детей и за телевизионным экраном. Спрятаться за что-нибудь. Лишь бы не смотреть ему в глаза.

– А Агнес куда-то уходит? – спросил Олли.

Он брлся и одновременно смотрел по телевизору новости, почти не глядя на жену, но явно довольный перспективой провести вечер вдвоем. Он приготовил ей сюрприз. Его

повысили в должности. До верхушки лестницы в этой фирме было уже рукой подать. В сорок четыре года Оливер Ватсон мог служить примером блестящей карьеры в бизнесе. Он имел все и благодарил судьбу за это: работу, которую любил, жену, которую боготворил, и троих детей, от которых был без ума. Чего еще желать в жизни? Ничего больше ему и в голову не приходило.

– Нет, Агнес будет дома, но я думала...

– Нечего думать. Одевайся.

Он легонько шлепнул супругу ниже спины, когда та проходила мимо, а потом остановил ее и, отложив бритвенный станок, заключил в объятия.

– Я тебя люблю, ты это знаешь?

Она знала. Даже слишком хорошо. И сама тоже любила его, что весьма осложняло выполнение задуманного.

– Я тебя тоже люблю, – ответила Сара, но глаза у нее были грустные.

Олли сильнее привлек ее к себе:

– Тебя это определенно не радует. Что, был тяжелый день?

– Не особенно.

Тяжелые дни отошли в прошлое. Дети занимались своими делами, по большей части вне дома, Агнес вела хозяйство, а Сара гораздо меньше работала в родительском комитете и имела время писать, что, впрочем, у нее не очень-то получалось. Что тяжелого могло быть в столь безупречной жизни? Ничего, кроме постоянного ощущения опустошенности

и скуки.

– Я, наверное, просто устала. Ой, чуть не забыла. Звонил твой папа. Просил тебя позвонить.

– У них все о'кей?

Он очень беспокоился за родителей. Они старели, особенно сдал отец после инфаркта.

– Как он себя чувствует?

– Судя по голосу, нормально. Тем более что мама вернулась. Он позвонил, потому что она сегодня ушла днем в магазин и долго не возвращалась. Думаю, он волновался из-за погоды.

– Он слишком расстраивается по любому поводу. Из-за этого у него и инфаркт был. Я ему все время повторяю, что мама не нуждается в опеке, а он твердит, что у нее провалы памяти, но, по-моему, он преувеличивает. Я позвоню ему, когда мы вернемся, если не будет слишком поздно. Ну, шевелись, – с улыбкой поторопил Олли. – Прибавь темп. Столик заказан на семь.

Они поцеловали перед уходом Сэма, пожелав ему спокойной ночи, и оставили Агнес номер телефона ресторана. Бенджамин уже уехал, не попрощавшись с родителями. Он взял ключи от маминой машины и укатил, предварительно проглотив большую порцию жаркого, две тарелки овощного салата и кусок яблочного пирога, который испекла Агнес. Но Сара не сомневалась, что и у Билла он тоже будет есть, а может, еще и прикончит яблочный пирог, когда вернется. Рань-

ше она беспокоилась, что он может расползтись, но, по всей вероятности, это ему не грозило – все уходило как в прорву, и если бы не широкие плечи, он определенно был бы похож на пресловутую жердь.

Ресторан был симпатичный: уютный, оригинально оформленный в стиле французской провинции, в камине полыхал огонь. Еда была хорошей, Оливер заказал превосходное калифорнийское «Шардоннэ». Оба расслабились. Сара слушала, как Оливер рассказывал о повышении, и испытывала при этом странное чувство. Многие годы она была его тенью, а теперь у нее вдруг появилась своя жизнь. Она слушала мужа, словно кого-то чужого, но, радуясь за него, не намеревалась, однако, более разделять его успехи. Они принадлежали только ему. Теперь Сара знала это твердо.

Когда закончили ужин, Оливер откинулся на стуле и посмотрел на жену. Он чувствовал в ней какую-то перемену, но не мог понять, в чем она состоит. Он обычно хорошо угадывал ее мысли, но в этот вечер дело обстояло иначе. В ее взгляде была какая-то отстраненность и печаль, и в сердце Оливера закрался страх. Что, если у нее роман? Даже мимолетный... Какие бывают у жен, живущих в пригороде, со страховыми агентами, стоматологами или просто с друзьями. Но он не верил, что Сара на такое способна. Она всегда была такой порядочной. Это было у нее в характере: прямолинейность, порядочность и честность. И за это, в частности, он ее любил. Невозможно, только не это. Он тоже никогда

ее не обманывал.

Олли так и не смог понять, что с ней происходит. Принесли шампанское и десерт. Оливер смотрел на жену, освещенную пламенем свечей, и думал, что она, пожалуй, никогда не выглядела так молодо и привлекательно. В сорок один год она могла бы дать фору многим тридцатилетним. Темно-рыжие волосы по-прежнему блестели, фигура была безукоризненной, на талии не отразились трехкратные роды.

– Чем ты озабочена, дорогая? – ласково спросил Олли и взял ее руку.

Сара знала, что он хороший, порядочный человек и очень, очень любит ее.

– Ничем. А что? Почему ты спросил? Я в восторге от сегодняшнего вечера.

Она говорила неправду, потому что не хотела открываться ему. Но он и так всегда догадывался. Олли знал ее очень хорошо. Двадцать два года – это не шутка.

– Если считать по десятибалльной шкале, то, по-моему, сегодняшний вечер получил бы у тебя двойку. За ноль примем визит к зубному.

Она рассмеялась, а Олли, посмеиваясь, налил шампанское.

– Знаешь, ты все-таки сумасшедший, – сказала Сара.

– Ну конечно. По твоей милости. Представь себе, такой старый пень, как я, все еще балдеет от своей женушки. Забавно, а? После восемнадцати лет супружеской жизни!

– Как я поняла, ты записал себя в старики? И давно? Олли понизил голос до конфиденциального шепота и ответил:

– В прошлое воскресенье, когда я не смог сделать свое мужское дело три раза подряд. Это навсегда отпихнуло меня в разряд стариков.

Сара улыбнулась. Как любовник он почти всегда был великолепен.

– По-моему, два раза за полтора часа – это совсем неплохо. К тому же до того ты выпил уйму вина, не забывай об этом.

Олли посмотрел на пустые бутылки от вина и шампанского, стоявшие на столе, и с усмешкой заметил:

– Сегодня тоже, наверное, ничего не выйдет, а?

– Не знаю. Может, стоит поехать домой и проверить, пока ты еще в форме.

Сара подтрунивала над ним. Она была рада, что в конце концов они все же поехали ужинать в ресторан. Это помогло ей снять напряжение.

– Спасибочки. Но прежде я хотел бы знать, чем ты озабочена.

– Абсолютно ничем.

В тот момент она не кривила душой.

– Может, сейчас ничем, но до этого что-то было. Когда я пришел с работы, у тебя был такой вид, словно ты лишилась лучшего друга.

– Да нет, неправда.

Но доля истины в этом была. Олли, в конце концов, ее лучший друг, и если она уедет учиться, то в некотором смысле потеряет его.

– Не говори глупостей, Ол.

– Не пытайся меня обмануть. Тебя что-то мучает. Это связано с твоими писательскими делами?

Оливер знал, что Сара ничего не написала за последние два года, но для него это было не важно. Он просто хотел, чтобы жена была счастливой.

– Возможно. У меня ничего не получается. Может, я уже вообще не могу писать? Может, это был только проблеск в молодости...

Сара пожала плечами. Впервые за два года ей это показалось не имеющим никакого значения.

– Я в это не верю. Ты писала хорошо. Я думаю, со временем это к тебе вернется. Может, ты просто еще не решила, о чем писать? Может, тебе следует не замыкаться на доме... Заняться еще чем-то?

Сам того не зная, он открыл ей дверь, но Сара боялась в нее войти. Что бы она ни сделала, или ни сказала, или как бы ни сказала, их жизнь изменится навсегда.

– Я об этом думала, – начала она осторожно.

– Ну и?.. Оливер ждал.

– Что и?

Она его боялась. Страх появлялся у нее вообще-то редко, а теперь впервые в жизни она боялась собственного мужа.

– Ты если о чем-то думаешь, то обязательно делаешь выводы или предпринимаешь какое-то действие.

– Ты меня хорошо знаешь, – улыбнулась Сара и снова погрузилась. Ей ужасно не хотелось открывать свою тайну.

– Что ты от меня скрываешь, Сарри? Я не успокоюсь, пока не узнаю, что у тебя на уме.

– Да ничего у меня на уме нет.

Но ей не удавалось убедить даже себя, ее хватало только на уклончивые ответы.

– Может, это возрастной кризис?

– Как, опять? – поморщился Олли. – У тебя же он был два года назад. А теперь моя очередь. Ну ладно, дорогая... говори, в чем дело.

– Не знаю, Олли...

– Речь идет о нас?

Когда он об этом спросил, глаза его стали грустными.

– Ну конечно, нет. Как это возможно? Ты молодчина... Это все я... Нарастающее беспокойство или, может, его отсутствие. Мне кажется, что все годы нашей супружеской жизни я простояла на месте.

Олли ждал затаив дыхание. Шампанское, вино, праздничная атмосфера – все было забыто.

– Я ничего не сделала. А ты добился очень многого.

– Не говори глупостей. Миллионы парней в рекламном бизнесе ничем не хуже меня.

– Не надо. Вспомни, что ты только что говорил мне. Через

пять лет, если не раньше, ты станешь генеральным директором фирмы «Хинкли, Берроуз энд Доусон». У тебя одна из самых блестящих карьер в твоей отрасли.

– Это ничего не значит, Сара, ты знаешь. Успех приятен, но он приходит и уходит. И что? А ты вырастила троих великолепных ребят. Это куда важнее.

– Какое теперь это имеет значение? Они выросли. Через год-два уедут, во всяком случае, Мел и Бенджамин, и что тогда? Сидеть и ждать, пока уедет и Сэм? А потом провести остаток жизни за телесериалами и разговорами с Агнес?

От такой перспективы Саре захотелось плакать. Оливер рассмеялся. Смотреть днем телевизор действительно было не в ее духе. Она предпочитала читать Бодлера или Кафку.

– Ты представляешь все в слишком мрачном свете, дорогая. Никто не мешает тебе делать что заблагорассудится.

Он на самом деле так считал, но не представлял себе масштаба ее устремлений. Сара давно похоронила их, упрятала куда-то в старый чемодан или сундук, вместе с дипломом Редклиффского колледжа.

– Ты не шутишь?

– Конечно, нет. Ты можешь работать внештатно, на полставки, снова писать рассказы. В общем, делать все, что тебе вздумается.

Сара сделала глубокий вдох. Момент был подходящий независимо от того, готова она или нет. Надо ему сказать.

– Я хочу продолжить образование. Ее голос едва было

слышно.

– Я думаю, это отличная идея.

Олли почувствовал облегчение. У нее не роман. Она просто хочет походить на лекции.

– Ты можешь посещать местный университет здесь, в Перчесе. А если это несколько растянуть по времени, ты могла бы даже и магистерскую диссертацию защитить.

То, как он это сказал, внезапно разозлило ее. Она может посещать местный университет и «растянуть это во времени». На сколько? На десять лет? На двадцать? Уподобиться тем бабусям, которые посещают литературные курсы и ни строчки не пишут?

– Я не это имела в виду.

Голос Сары вдруг стал тверже и громче. Теперь муж был врагом, тем, кто не дает ей поступать так, как она хочет.

– Что ты задумала? – спросил Олли в замешательстве. Она на мгновение прикрыла глаза, а потом раскрыла и посмотрела на него.

– Меня зачислили в аспирантуру в Гарвард. Наступило длительное молчание. Олли смотрел на нее и пытался понять, о чем она говорит.

– И что это значит?

Он вдруг перестал понимать то, что ему говорила эта женщина, которую, как ему казалось, он хорошо знал, с которой спал на протяжении двух десятков лет. За какое-то мгновение она стала ему чужой.

– Когда ты подала документы?

– В конце августа, – ответила Сара спокойно. В ее глазах горела та же настойчивость, что и в молодые годы. С каждой секундой она превращалась в другого человека.

– Очень мило. Ты могла бы мне вообще-то сказать. И как ты думала поступить в случае, если будешь принята?

– Я не думала, что меня могут принять. Я сделала это так... кажется, когда Бенджамин стал поговаривать о поступлении в Гарвард.

– Как трогательно, сынок и мама учатся вместе! Ну а теперь, теперь-то ты что думаешь делать?

Сердце у него стучало, ему вдруг захотелось быть дома, чтобы можно было расхаживать по комнате, а не сидеть как приклеенный к стулу в углу ресторана.

– О чем ты вообще говоришь? Ты что, серьезно? Глаза Сары напоминали две голубые льдинки. Она медленно кивнула:

– Да, Олли.

– Ты уезжаешь в Кембридж?

Он провел там семь лет, а Сара четыре, но это было так давно. Олли даже в голову не приходило, что туда можно еще когда-то вернуться.

– Я думаю об этом.

Для Сары все было решено, но она не решилась ему сказать. Это было бы слишком жестоко.

– А что прикажешь делать мне? Бросить работу и ехать

с тобой?

– Не знаю. Я как-то об этом не думала. Я не хочу тебе ничего навязывать. Речь идет только обо мне.

– Вот как? А как же мы? Что, по-твоему, нам делать, пока ты снова будешь разыгрывать студентку? Позволь тебе напомнить, если ты забыла, что Мелисса будет дома еще на протяжении двух лет, а Сэм девяти.

Оливер был взбешен, он нетерпеливым жестом подозвал официанта, чтобы рассчитаться. «Сара сошла с ума. Она просто сумасшедшая. Пожалуй, лучше, если бы у нее был роман. С этим было бы проще разобраться», – думал Олли.

– Я ничего не забыла. Мне просто нужно все обдумать, – спокойно сказала Сара.

Оливер вытащил пачку денег и положил ее на столик.

– Тебе нужна хорошая порка, вот что тебе действительно нужно. Ты ведешь себя как усталая неврастеничка.

Он поднялся. Сара глядела на мужа, все разочарования последних двадцати лет кипели в ней так, что она больше не могла себя сдерживать.

– Как ты можешь так говорить?

Она встала и продолжала разговор, глядя ему в лицо. Официанты наблюдали за ними со стороны, посетители за соседними столиками делали вид, что не слышат.

– Ты не знаешь, что это такое – отказаться от всего, о чем мечтал. У тебя есть все: карьера, семья, жена, которая, как преданная собачонка, ждет тебя дома, готовая принести га-

зету и домашние тапочки. А как же я, черт подери? Когда я получу то, что причитается мне? Когда смогу делать то, что хочу? Когда дети разъедутся, когда мне будет девяносто? Знаешь, я не собираюсь ждать так долго. Я хочу иметь это теперь, прежде чем стану такой старой, что мне ни до чего не будет дела. Я не намерена сидеть и ждать того дня, когда тебе придется звонить детям, чтобы выяснить, не пропала ли я без вести, выйдя в магазин или просто устав от жизни и решив не возвращаться домой. Я не собираюсь этого ждать, Оливер Ватсон!

Женщина за соседним столиком хотела встать и поддержать Сару. У нее самой четверо детей-, она не стала врачом, потому что вышла замуж за человека, который на протяжении двадцати лет обманывал ее. Но Оливер с невозмутимым видом покинул ресторан, а Сара, подхватив шубу и сумочку, последовала за ним.

Только на стоянке он снова с ней заговорил. На этот раз на глазах у него были слезы, но Сара не знала, явился их причиной мороз или обида и злость. Трудно было сказать. Сара не понимала, что разрушает все, во что он верил. Он хорошо к ней относился, любил ее, любил их детей, никогда не хотел, чтобы она работала, потому что хотел о ней заботиться, холить, лелеять и защищать ее. А теперь она ненавидит его за это и хочет уехать учиться в Гарвард, то есть бросить их. Он не имел ничего против учебы, но он был против ее отъезда, чреватого последствиями для всей их семьи.

– Ты хочешь сказать, что бросаешь меня? К этому все сводится? Ты нас всех бросаешь? И как давно ты это решила?

– Оливер, я только сегодня получила письмо, в котором они сообщили, что меня приняли. Я еще сама этого не осознала. Нет, конечно, я тебя не бросаю, – старалась его успокоить Сара. – Я могу приезжать домой на уик-энды и на каникулы.

– О Господи... А как нам-то быть? Что с Мел и Сэмом?

– У них есть Агнес.

Они стояли под снегом и кричали друг на друга. Сара искренне пожалела, что сказала ему теперь, не подождала. Она сама еще не во всем разобралась.

– А как я? У меня тоже есть Агнес? Она будет в восторге, когда это услышит!

Сара улыбнулась. Даже когда муж злился, он не кривил душой и умел шутить.

– Послушай, Олли... Давай не будем пороть горячку. Нам обоим надо это обдумать.

– Нет, не надо.

Олли вдруг посерьезнел. Сара никогда еще его таким не видела.

– Думать тут абсолютно не о чем. Ты замужняя женщина, у тебя трое детей. Ты никак не можешь уехать за двести миль отсюда и бросить нас, это ясно как день.

– Это не так ясно. Не упрощай, Олли. А если мне это в самом деле необходимо?

– Ты потакаешь своим прихотям.

Он открыл дверцу, сел за руль и, когда рядом села Сара, устремил на нее взгляд, полный новых вопросов.

– Как ты думаешь оплачивать свою учебу – или ты считаешь, что я буду содержать в Гарварде вас обоих, тебя и Бенджамина?

Нелегко было бы оплачивать учебу в университете одного ребенка, не говоря уже о двух, когда туда отправится и Мел. Поэтому перспектива расходов еще и на аспирантуру Сары казалась Оливеру полным абсурдом. Но Сара заранее это предусмотрела на случай, если ее примут.

– У меня еще остались деньги, завещанные бабушкой. Я из них брала только на новую крышу, а остальное не трогала.

– Я думал, что эти деньги предназначены детям. Мы же договорились, что они неприкосновенны.

– Может, для детей важнее, если их мать сделает что-то путное в жизни, например, напишет какую-то вещь, которую им будет интересно прочесть, или своей работой принесет людям добро, сделает что-то полезное.

– Прекрасная идея, но, честно говоря, я думаю, что твои дети предпочли бы иметь маму, а не литературный идеал, – с горечью заметил Оливер.

Они проехали небольшое расстояние от ресторана до дома. Олли припарковал машину и, съездившись, по-прежнему сидел за рулем.

– Ты ведь уже решила, да? Ты намерена это сделать, не

так ли, Сарри?

У него был такой грустный голос, а когда он повернулся, чтобы взглянуть на нее, Сара увидела в его глазах слезы и поняла, что они не от мороза и ветра, а от ее слов.

Глаза Сары тоже были влажные. Она задумалась, глядя на снег, а потом повернулась к нему.

– По-моему, Олли, мне это необходимо... Я не знаю, смогу ли объяснить... Но мне необходимо. Это не продлится долго, обещаю тебе... Я буду работать, не щадя сил, чтобы закончить быстрее.

Но это были пустые слова. Оба знали, что интенсивная программа рассчитана на два года.

– Как ты можешь так поступать?

Он хотел сказать «со мной», но это бы прозвучало слишком эгоистично.

– Мне это необходимо, – шепнула Сара.

Сзади них остановилась машина, и свет фар осветил их лица. Сара увидела, что по его щекам текут слезы, и единственным ее желанием в тот момент было обнять его.

– Извини... Я не хотела тебе теперь говорить... Я хотела сказать после Рождества.

– А какая разница?

Он глянул назад, на Бенджамина и Мелиссу, вышедших из другой машины, а потом снова посмотрел на жену, которую ему предстояло потерять, которая покидала их надолго, быть может, навсегда, хотя сейчас и убеждала его в другом.

Он знал, что все уже теперь будет по-другому. Они оба это знали.

– Что ты собираешься сказать им?

Дети непринужденно болтали и ждали, когда родители выйдут из машины. Сара поглядела на них, чувствуя на сердце камень.

– Еще не знаю. Давайждемся конца праздников. Оливер кивнул и открыл дверцу, другой рукой торопливо вытерев слезы, чтобы дети их не увидели.

– Привет, папа. Как поужинали?

У Бенджамина было прекрасное настроение; Мелисса, длинноногая, с длинными светлыми волосами, тоже улыбалась. Она еще была в гриме. У них была репетиция в костюмах, и Мел осталась ею очень довольна.

– Замечательно, – ответила за мужа Сара, радостно улыбаясь. – Это очень милое заведение.

Оливер посмотрел на нее и подумал, как она может вообще говорить с ними, как может притворяться и смотреть им в глаза. Может, он каких-то ее черт не знал или не хотел знать?

Он вошел в дом, пожелал детям спокойной ночи и медленно стал подниматься по лестнице, чувствуя себя усталым и лишенным иллюзий стариком.

Сара тихо прикрыла за собой дверь спальни, а потом устремила глаза на мужа.

– Мне очень жаль, Олли... Правда.

– Мне тоже.

Он все еще не верил в это. Может, она передумает? Может, это климакс... или опухоль мозга? Или признак общей депрессии? Может, она сумасшедшая и всегда такой была? Но для него это не имело значения. Сара его жена, и он ее любит. Он хотел, чтобы она осталась, взяла свои слова назад, сказала, что не оставит его ни за что на свете... его... не детей, а именно его... Но по ее угрюмому взгляду Олли понял, что она этого не сделает. Все сказанное за ужином не было шуткой. Она уезжает в Гарвард. Она их покидает. Сознание этого факта пронзило его сердце как нож. Он задал себе вопрос, что же делать без нее. Оливеру хотелось плакать уже от одной мысли об этом, хотелось умереть, когда в ту ночь он лежал рядом с Сарой, ощущая тепло ее тела. Но она словно уже отсутствовала. Олли тосковал о прошедших годах и испытывал к жене как никогда сильное влечение, но не прикоснулся к ней. Он медленно отодвинулся на свою половину кровати и отвернулся, чтобы она не видела его слез.

Глава 3

Предрождественские дни тянулись медленно. Оливеру почти опротивело возвращаться домой. Он метался между ненавистью и любовью к Саре, пытаясь придумать, как отговорить ее. Но решение уже было принято. Они постоянно об этом говорили, до поздней ночи, когда дети уже спали, и Олли вновь замечал в ней то крайнее упрямство, от которого, как ему казалось, она давно избавилась. Но в ее представлении она теперь боролась за свою жизнь.

Она обещала, что ничего не изменится, что будет приезжать домой каждую пятницу, что по-прежнему любит его, хотя оба понимали, что это самообман. Ей нужно будет писать, готовиться к экзаменам, и не будет возможности регулярно приезжать. Появление же дома только для того, чтобы закопаться в учебниках, вызывало бы лишь досаду у Оливера и детей. Ее решение о продолжении образования не могло не изменить всей их жизни. Это было очевидно, хотела она того или нет. Оливер пытался убедить ее поступить в другой университет, поближе к дому, даже Колумбийский был бы лучше Гарварда, но Сара решила ехать именно туда. Временами он задавал себе вопрос, не было ли это попыткой вспомнить юность, повернуть время вспять, вернуться к прежней, более простой жизни. Оливеру, правда, гораздо больше нравилась их нынешняя жизнь, к тому же он никак не мог по-

нять, как она может бросить детей, , которые все еще ничего не знали о планах своей мамы. Старшие замечали напряженность в отношениях родителей, и Мелисса неоднократно спрашивала Сару, не поссорились ли они, но та с равнодушным видом уклонялась от ответа. Сара решила не портить детям Рождество, так как знала, что новость их огорчит. Она собиралась сказать им на следующий после Рождества день, и Олли с этим согласился, поскольку думал, что еще сможет отговорить ее. Они ходили на спектакль, в котором играла Мелисса, а потом в полном семейном согласии нарядили елку. Пели, шутили, пока Оливер и Бенджамин сражались с лампочками, а Сэм съедал кукурузу быстрее, чем Мелисса и Сара успевали нанизать ее на веревочку. Оливер смотрел на них и чувствовал, что сердце у него вот-вот разорвется. Она не могла так с ними поступить, это было нечестно. А как ему заниматься детьми? Агнес, хотя все ее любят, все-таки лишь наемная домработница. Он сам целые дни проводит на работе в Нью-Йорке. Оливер уже представлял себе, что Бенджамин и Мелисса одичают, а Сэм заболит чахоткой, пока их мамочка будет разыгрывать из себя студентку в Гарварде.

В рождественский сочельник, когда они вдвоем сидели в библиотеке у пылающего камина, Оливер спокойно попросил ее отказаться от своих планов. Он решил про себя, что если понадобится, то будет ее умолять.

– Ты просто не можешь так поступить с нами.

За две недели он потерял десять фунтов. Атмосфера на-

пряженности убивала их обоих, но Сара была непреклонна. Неделю назад она написала в университет, что подтверждает свое прибытие, и собиралась уехать через две недели, чтобы найти жилье в Бостоне. Лекции начинались пятнадцатого января. Оставалось еще отпраздновать Рождество, собрать вещи и открыть все детям.

– Олли, давай не будем больше об этом.

Он захотел вскочить и встряхнуть ее. Но Сара была от него так далека, словно не желала делить его боль, которую сама же и вызвала. Дети развесили свои чулки у елки, и поздно ночью Сара и Олли положили в них подарки. Сара с помощью Агнес собирала их на протяжении нескольких недель. Она отдала этому много сил, словно это было их последнее совместное Рождество. За неделю до праздника Олли купил жене в магазине «Ван Клеф» кольцо – очень красивое, с мелкими бриллиантами, которые обрамляли квадратный, чудной огранки изумруд. Он знал, что Сара о таком мечтала, и хотел вручить его в рождественскую ночь, но теперь это больше напоминало бы подкуп, а не подарок, и Олли пожалел о приобретении.

Когда ложились спать, Сара поставила будильник на шесть, чтобы успеть приготовить начинку для индейки. Агнес тоже не собиралась долго спать, но Саре хотелось самой зажарить индейку – еще один прощальный подарок, да к тому же это была семейная традиция.

Погасили свет, Сара спокойно лежала и прислушивалась

к дыханию мужа. Она знала, что тот не спит, и легко могла догадаться, о чем думает. В последние две недели Олли был сам не свой. Они спорили, плакали, рассуждали, беседовали, но Сара знала, что поступает правильно, для себя во всяком случае. А теперь главным ее желанием было преодолеть все это, начать свою новую жизнь, уехать, отрешиться от них и от боли, которую – она это знала – причиняет Оливеру.

– Я бы предпочла, чтобы ты не вел себя так, словно я уезжаю навсегда.

Ее голос звучал мягко.

– А разве это не так?

В голосе Оливера сквозила такая печаль, она не могла этого вынести.

– Я же сказала тебе. Я буду приезжать домой по возможности на каждый уик-энд, да и каникул там очень много.

– И как долго это будет продолжаться, по-твоему? Нельзя ездить туда-сюда и заниматься в то же время. Мне непонятно, как это у тебя получится.

За последние две недели он говорил это уже тысячу раз. В мыслях он искал другую причину – какой-то свой промах или недосмотр, что могло стать поводом. Не могла же она вот так просто, ни с того ни с сего, захотеть начать другую жизнь, без него, если в самом деле его любила.

– Может, когда все уже будет позади, ты найдешь смысл в моем теперешнем поступке и оценишь его положительно, если в итоге я буду что-то собой представлять. В таком слу-

чае игра будет стоять свеч.

– Я и так ценю тебя. И всегда ценил.

Оливер повернулся, чтобы посмотреть на нее при свете луны. Сара казалась ему такой же очаровательной, как всегда, если не более, перспектива потерять ее напоминала о том, как он ее любит. Ему жаль было детей, которые еще не знали того, что знал он.

– Когда именно ты собираешься сказать детям?

– Я думаю, завтра вечером, когда уедут твои родители.

– Рождество будет испорчено.

– Мне кажется, больше ждать нельзя. Дети знают, что что-то грядет. Мел всю неделю задавала мне наводящие вопросы, а Бенджамин куда-то уходил. Он всегда так реагирует, когда дома возникают проблемы.

– Как, по-твоему, они воспримут эту новость?

– Как мы, наверное. Будут напуганы, обижены, может, взволнованы, как я. Думаю, Бенджамин и Мел поймут. Вот за Сэма я немного боюсь. – Слова Сары звучали мягко, потом она повернулась к Олли, ласково взяла его руку. Ее голос дрожал, когда она снова заговорила, думая об их младшем ребенке. – Позаботься о нем, Олли... В тебе он нуждается больше, чем во мне.

– В тебе он тоже нуждается. Я вижу его всего пару часов в день, да и говорим мы только о футболе, бейсболе и домашних заданиях.

– Это только начало. Может, теперь вы все сблизитесь.

– Я думал, что мы близки.

Особенно больно было сознавать этот факт. Он думал, что у них есть все. Идеальная семья. Идеальная жизнь. Идеальный брак. Теперь же оказалось, что он не дал ей всего, что она желала, и это было обидно.

– Я всегда думал, что между нами все в порядке... Я не знал, как ты относишься ко всему этому... То есть... ну, я знал, когда ты была беременна, но всегда думал, что потом, и даже до рождения Сэма, ты была счастлива.

– Я была... бывала... Я просто хотела чего-то, что ты не мог мне дать. Оно должно прийти изнутри, и, по-моему, я никогда этого так и не обрела.

Сара корила себя за то, что Олли испытывает из-за нее чувство неполноценности. Он всегда был идеальным мужем.

– А если не обретешь и в этот раз?

– Наверное, тогда сдамся.

Но она знала, что обретет это «что-то». Отчасти это уже произошло. Одно лишь принятие решения уже изменило ее.

– Я думаю, ты могла бы обрести это прямо здесь. Вероятно, тебе просто требовалось больше свободы.

Она придвинулась ближе к нему в их просторной, удобной кровати. Оливер обнял ее.

– У меня было столько свободы, сколько хотелось. Я просто не знала, что с ней делать.

– Ох, маленькая...

Он уткнулся лицом ей в волосы, и его глаза снова напол-

нились слезами, а когда Сара положила ему голову на грудь, он понял, что она тоже плачет, и почувствовал, как вздрагивают ее плечи.

– Почему мы это делаем? Неужели нельзя просто повернуть время на две недели вспять и забыть о случившемся?

Сара сквозь слезы покачала головой и посмотрела на него.

– Думаю, нет. Я бы всегда потом жалела об упущенной, возможности. Я вернусь... Обещаю... Клянусь тебе. Я слишком тебя люблю, чтобы не сдержать обещание.

Но внутреннее чутье подсказывало Оливеру, что ее словам не суждено сбыться. Надежнее было бы оставить ее дома, не пускать. А раз она уедет, все может случиться.

Они долго лежали, крепко обнявшись. Их лица соприкасались, губы время от времени сливались в поцелуе. Наконец его влечение к ней победило. Впервые за две недели он взял ее, и сделал это с давно позабытой страстью. В их любовном акте было какое-то ранее неведомое им отчаяние, была жажда, боязнь одиночества, неутолимая похоть. Сара это тоже чувствовала, как и вину, сожаление, грусть, охватившие ее в момент обоюдного наивысшего наслаждения. Потом они лежали и целовались, пока Олли не заснул в ее объятиях... Оливер... юноша, которого она когда-то полюбила, а теперь мужчина... любовь, которая началась и могла закончиться в Гарварде.

Глава 4

Рождественское утро выдалось ужасно суетным. Стол, индейка, подарки, телефонные звонки из Чикаго и три звонка от Ватсонов-старших. Позвонил Джордж и сообщил, что Филлис себя неважно чувствует, но Оливер это проигнорировал, считая, что отец опять волнуется по пустякам. Их ждали к двенадцати, а приехали они почти в два, с кучей подарков для всех, в том числе с кашемировой шалью для Агнес и огромной суповой костью для Энди. Вопреки предупреждению Джорджа, Филлис, казалось, была в великолепной форме, ей очень шло новое темно-красное шерстяное платье, купленное в тот день, когда она ушла за покупками, долго не возвращалась и заставила мужа беспокоиться.

Они все ужасно долго разворачивали подарки. Сару изумило кольцо с изумрудом, которое Олли вручил ей ранним утром, придя на кухню, где Сара начинала индейку.

В свою очередь, Сара подарила мужу дубленку, магнитофонные записи, которые ему хотелось иметь, несколько пар носков, несколько галстуков, красивый черный кожаный кейс и прочие мелочи. Олли приготовил еще и шуточные подарки: маленький красный рюкзачок, чтобы напомнить, что она для него «всего лишь дитя», и золотой компас с выгравированной надписью «Возвращайся скорее. Я тебя люблю. Олли» – чтобы Сара не забыла дорогу домой.

– Для чего это, папа? – допытывался Сэм, увидев подарок, когда Сара его развернула. – Вы с мамой собираетесь в поход? Такой классный компас!

– Твоя мама тоже классная женщина. Я подумал, что это может ей пригодиться, если она когда-нибудь потеряется.

Он улыбнулся, Сэм засмеялся, а Сара ласково коснулась руки мужа. Она нежно его поцеловала, и Олли последовал за ней на кухню, чтобы помочь резать индейку.

За столом все шло обычным порядком, если не считать, что в самый разгар обеда бабушка Филлис стала нервничать. Она без конца вскакивала со стула, пыталась унести тарелки, которые не надо было никуда уносить, приносила из кухни ненужные предметы и без конца всех спрашивала, не хотят ли они добавки.

– Что случилось с бабушкой? – шепнул Сэм отцу, когда Филлис семенила за Агнес, настаивая, что поможет ей. – Она никогда особенно не любила помогать на кухне.

Оливер тоже заметил странность в ее поведении, но подумал, что она чем-то обеспокоена. Она казалась чрезвычайно взволнованной.

– Я думаю, она просто хочет помочь маме и Агнес. У старых людей это бывает. Они стремятся всем доказать, что еще могут быть полезны.

– А-а.

Сэм кивнул, удовлетворенный ответом, но и другие обратили внимание на бабушку. Мел озабоченно посмотрела на

мать, однако та только покачала головой, не желая лишних вопросов за праздничным столом. Внезапно ей стало ясно, что со свекровью не все в порядке.

Несмотря на это, обед прошел хорошо. Все наелись, а потом, разомлев, уселись в гостиной. Сара, Агнес и Филлис убирались на кухне, Мелисса немного им помогла, но скоро присоединилась к мужчинам. В гостиной она села рядом с дедушкой Джорджем и, внимательно глядя на него, спросила:

– Что случилось с бабушкой? Она, кажется, так нервничает?

– С ней это в последнее время бывает. Ее очень трудно успокоить. Иногда проще дать ей утомиться, если она ничего не портит. Как она справляется на кухне, нормально?

– Вроде бы. Она там носится как угорелая.

Но на самом деле Филлис ничего на кухне не делала. Она только без умолку болтала и переставляла с места на место грязную посуду. Сара и Агнес это замечали, но ничего не говорили и в конце концов велели Мел идти в гостиную. Услышав ее имя, бабушка подняла голову и, глядя в упор на свою единственную внучку, задала вопрос:

– Мел? А она здесь? Как я бы хотела ее увидеть, где она?

Мелисса оторопела, мать вытолкала ее из кухни, но она была так потрясена, что обратилась к деду за разъяснениями.

– Она все путает. Я никогда раньше ее такой не видела.

– С ней теперь это бывает все чаще.

Джордж Ватсон грустно посмотрел на сына. Он только что пытался ему это объяснить. Иногда Филлис была в полном порядке, и он задавал себе вопрос, не преувеличивает ли ее болезнь. Он не знал, что и думать. Она то казалась совершенно невменяемой, то снова приходила в нормальное состояние, то менялась на глазах. Это и пугало, и сбивало с толку.

– Мел, я не знаю, что это такое. Сам хотел бы знать. Может, старческое, но для бабушки было бы рановато.

Филлис Ватсон было всего шестьдесят девять лет, а ее супруг был на три года старше.

Несколькими минутами позже Филлис и Сара вернулись в гостиную, причем Филлис казалась намного спокойнее. Она села в кресло и стала беседовать с Бенджамином, который рассказывал ей о планах поступления в Гарвард. Он также написал заявления в Принстонский университет, в Стенфордский, в университеты Браун, Дьюк и Джорджтаун. Его оценки и спортивные успехи позволяли ему выбирать лучшие учебные заведения. Однако он надеялся, что поступит в Гарвард, на это же надеялась и Сара. Здорово было бы заниматься в одном с ним университете. Может, в этом случае он простил бы маму за то, что она уезжает на восемь месяцев раньше его. Олли даже предлагал, чтобы она подождала и поехала вместе с Бенджамином, но Сара не хотела ничего откладывать. Она слишком много лет ждала, чтобы отложить отъезд хотя бы на час. Это был поступок, который Филлис предсказала много лет назад, хотя теперь об этом,

наверное, не помнила.

– А когда должны прийти ответы из всех этих университетов?

Джордж Ватсон волновался не меньше своего внука.

– Наверное, не раньше конца апреля.

– В твоём возрасте тяжело так долго ждать.

– Да, конечно.

Бенджамин улыбнулся и тепло взглянул на отца.

– Мы с папой собираемся весной съездить посмотреть ряд университетов, пока будем ждать ответы. Я большинство из них знаю, но никогда не был в Дьюке и Стенфорде.

– Это далековато. По-моему, тебе следовало бы поступать в Принстонский.

Джордж кончал этот университет, и все улыбнулись. Он всегда считал, что учиться надо непременно в Принстоне.

– Что ж, можно, если не поступлю в Гарвард. Или, может, ты уговоришь Мел.

Та застонала и бросила в брата надкусанное печенье.

– Ты же знаешь, что я хочу поступать в Калифорнийский на актерское отделение.

– Да, если ты до того не выскочишь замуж.

Обычно он говорил «если не забеременеешь», но постеснялся при родителях. У Мелиссы был серьёзный роман с парнем из её класса, и хотя Бенджамин не думал, что она уже решилась на крайнюю близость, но подозревал, что все к тому идет. И Мелисса недавно узнала о новом романе брата, с

Сандрой Картер – красивой блондинкой с умопомрачительной фигурой.

Вечерело. Ватсоны-старшие уехали домой, и сразу после этого Оливер вопросительно посмотрел на Сару. В последние полчаса она была необычно молчаливой, Оливер понял, что она обдумывает, что сказать детям. Вообще-то все устали, и было бы лучше подождать до утра, но Сара так долго об этом думала, что не могла больше откладывать.

Бенджамин как раз собирался попросить у нее ключи от машины, а Мелисса позвонить другу, Сэм зевал, когда в дверях появилась Агнес.

– Сэму пора спать. Если хотите, миссис Ватсон, я отведу его наверх.

Все на кухне было убрано, и Агнес хотела уйти к себе, чтобы посмотреть новый телевизор, который подарили ей на Рождество Ватсоны.

– Я сейчас его сама отведу. Нам сначала надо поговорить. Спасибо, Агнес, – улыбнулась ей Сара.

Агнес на мгновение замешкалась, в глазах ее хозяйки было какое-то странное выражение, но она только кивнула, еще раз поздравила всех с Рождеством и ушла к себе. Сэм посмотрел на мать широко раскрытыми, усталыми глазами:

– А о чем мы будем говорить?

– Мама... можно мне... я хотел уйти... – Бенджамину явно не терпелось уйти, он поглядывал на свои новые часы, но Сара покачала головой.

– Я бы хотела, чтобы ты подождал. Я кое о чем хочу поговорить с вами со всеми.

– Что-нибудь случилось? – озабоченно спросил Бенджамин.

Мел глядела на них сверху, она поднялась уже до половины лестницы, но Сара подождала, пока все снова соберутся и усядутся. Похоже, предстоял серьезный разговор. Оливер занял кресло в противоположном углу, у камина, и задавался вопросом, что она им скажет и как они это воспримут.

– Я не знаю, с чего начать...

У Сары вдруг к горлу подступил комок, когда она посмотрела на них всех: на своего высокого, симпатичного сына, на дочь – большого ребенка, и на Сэма, свернувшегося калачиком на диване рядом с ней.

– Речь идет о том, что я давно хотела сделать и намерена осуществить теперь, хотя с этим будут связаны сложности для всех нас. Перемена будет серьезная. Первое, что я хочу вам сказать, это что я вас очень люблю, болею за вас душой... но главным моим принципом, которому я учила и вас, является честность по отношению к самому себе. – Она сжала руку Сэма и, избегая взгляда Оливера, продолжала: – Надо делать то, что считаешь правильным, даже если это не всегда легко.

Сара сделала глубокий вдох. В комнате воцарилась гробовая тишина. Все испуганно ждали, что она дальше скажет. Сара внезапно стала очень серьезной. Бенджамин заметил,

что отец побледнел. Может, они разводятся или ждут еще одного ребенка? Ребенок – это неплохо, развод – ужасно. Никто не догадывался, в чем же все-таки дело.

– Я возвращаюсь за парту, – выдохнула Сара.

– Что?

Мел, казалось, была ошеломлена.

– Куда? – переспросил Бенджамин.

– Почему? – удивился Сэм. Он этого не понял. Ему своя школа надоела, и было странно, что взрослый человек возвращается за парту. Он бы так никогда, будучи взрослым, не поступил. – А папа тоже возвращается за парту?

Сара улыбнулась, но у Оливера на лице улыбки не было. Всем им было бы легче при таком варианте. Тогда все они переехали бы в Кембридж. Но переезжала только она, а семья оставалась здесь, вести свою привычную жизнь. Только ей понадобилось покинуть этот безопасный порт и отправиться в плавание по неизведанным морям. Но данная перспектива больше радовала ее, чем пугала. Когда-нибудь она им это объяснит, но не сейчас. Сейчас им надо знать, как ее отъезд отразится на них, что, несомненно, произойдет. Особенно на Сэме, который выжидательно смотрит на нее. Сердце у Сары разрывалось, и все равно она знала, что должна покинуть их.

– Нет, папа не возвращается за парту, а только я. Я через пару недель уезжаю в Гарвард.

– В Гарвард? – удивился Бенджамин. – Ты? Почему? Ему было непонятно, как она может уехать учиться в Бостон. А

потом до него постепенно стало доходить. Он поймал взгляд отца и заметил в нем все: одиночество, боль, грусть, которые Сара там посеяла. Но и в ее глазах тоже были тоска и печаль.

– Я собираюсь приезжать домой так часто, как смогу. А о вас по-прежнему будут заботиться папа и Агнес.

– Значит, ты нас бросаешь? – Сэм выпрямился и поглядел на мать расширенными от страха глазами. – Навсегда?

– Нет, не навсегда, – поспешно опровергла Сара. – Ненадолго. Я буду приезжать на уик-энды и на каникулы. – Она решила сказать им правду. Это был ее долг. – Программа рассчитана на два года.

– На два года?

Сэм расплакался. Все молчали. Сара попыталась обнять его, но он увернулся, вскочил и бросился к отцу.

– Ты уезжаешь и бросаешь нас? Почему? Ты что, нас больше не любишь?

Сара встала и протянула к нему руки, но Сэм больше не хотел ее ласк. У Сары на глазах тоже выступили слезы. Она ожидала, что это будет нелегко, но не до такой степени. Сару мучило, что по ее вине все они страдают, но убежденность в своей правоте не покидала ее.

– Ну конечно, я люблю тебя, Сэм... всех вас... Мне это просто нужно... ради меня самой...

Она пыталась объяснить, но Сэм не слышал ее за собственными рыданиями, подбежал к Мел, которая тоже начала плакать, и прижался к ней. Мелисса судорожно вцепилась

в брата, словно оба тонули, и с укором смотрела на мать.

– Почему, мама?

Никогда никакие слова не причиняли Саре такую боль, как эти два. Она взглядом попросила Оливера о помощи, но он на этот раз ничего не сказал. Его сердце так же разрывалось, как сердца детей.

– Это трудно объяснить. Просто я давно собиралась это сделать.

– Вы с папой что, поссорились? – спросила Мел сквозь слезы, обнимая Сэма. – Вы разводитесь?

– Нет, нет. Ничего не изменится. Мне просто надо на какое-то время уехать, чтобы самой достичь чего-то, завоевать авторитет своими силами, без вас.

Сара не сказала им, что они тянут ее вниз, что не дают творить, хотя дело обстояло именно так. Теперь это стало ей очевидно. В какой-то степени прав был и Оливер, но Сара в своей правоте не сомневалась. Они переживут, и она вернется к ним обновленным человеком. Если же останется, то умрет. Теперь она это знала наверняка.

– А ты не можешь посещать местный университет? – тихо спросил ее Бенджамин. Он тоже был ошеломлен, но возраст не позволял ему плакать. Он просто смотрел на мать, словно пытался понять, найти истинную причину ее отъезда. Может, они разводятся, но не хотят говорить об этом детям? Но тогда почему она не берет с собой детей? Во всем этом не было смысла. Ему было ясно одно – что семья их разва-

ливается, но почему – он не понимал. Бенджамин хотел верить, что у матери все же были веские причины для такого поступка. Он очень ее любил. Он хотел понять ее, но не мог.

– Не думаю, Бенджамин, что я могла бы сделать что-нибудь здесь. Гарвард – то, что нужно.

Сара грустно улыбнулась, чувствуя физическую боль от рыданий Сэма, но не решаясь приблизиться к нему. При каждой ее попытке сын отмахивался от нее с яростью. Оливер тоже предпочел держаться от него подальше.

– Может, осенью мы там будем вместе?

– Это было бы здорово, – улыбнулся в ответ Бенджамин. Он всегда верил в нее и в то, что она делает, но этот удар потряс его душу. Вся его жизнь в одно мгновение разрушилась, так он это воспринимал. Бенджамину в голову не приходило, что кто-то из родителей может куда-то уехать. Их место было здесь... должно быть здесь. Тем более он не ожидал, что может уехать мать. Бенджамин пытался собраться с мыслями и успокоиться, но ничего не выходило. Тогда он встал, посмотрел на отца, сидевшего в противоположном углу комнаты, и без обиняков спросил:

– Папа, а что ты об этом думаешь?

– Это мамино решение, сынок. Мы не можем ей препятствовать. Да и выбора особого она нам не дает. Она считает, что поступает правильно, и мы просто должны помочь ей.

Оливер посмотрел на жену, их глаза встретились. Теперь он воспринимал это по-иному. Сара причинила боль его де-

ням, не только ему, такого нельзя было забыть, но он также знал, что всегда будет любить ее.

– Мы будем по тебе скучать, Сарри.

Прелесть Рождества: смех, традиции, подарки – теперь была забыта. Это был самый трудный вечер в их жизни, хотя в будущем могло быть и хуже. Неизвестно, что их ждало. Она сказала, что это ненадолго. Два года. Теперь это казалось им вечностью. Сара снова попыталась приблизиться к Мел и Сэму, который только еще больше расплакался, а Мел, подняв руку, предостерегающим жестом остановила ее и смотрела на обоих родителей с одинаковой злостью.

– Я думаю, ты нам лжешь. По-моему, ты уезжаешь нас всем, только не решаешься признаться. Но если это так, почему ты нас не берешь с собой?

– Потому что это не навсегда. Да и что вам делать в Кембридже? Скучать по старым друзьям? Привыкать к новой школе? Жить в маленькой квартирке, где я буду постоянно что-то писать и готовиться к экзаменам? Бенджамин сейчас в выпускном классе, тебе учиться еще два года. Ты что, в самом деле захочешь все бросить? А я не смогу вами заниматься во время учебы. Вам будет гораздо лучше здесь, с папой и Агги, в знакомой обстановке, в своем доме, в своей школе, со старыми друзьями.

– Ты отказалась от нас.

Глаза Мел омрачали злость и боль, Сэм не переставая плакал. Тогда Мелисса обратилась к отцу:

– Наверное, ты сделал маме что-то очень плохое, раз она от нас отказалась.

Мел ненавидела их обоих и знала, что будет ненавидеть всегда.

Сара поспешила защитить мужа:

– Это неправда, Мел. Папа тут ни при чем.

– Люди не уезжают ни с того ни с сего. Во всяком случае, взрослые. Ты, видно, очень сильно нас ненавидишь, раз уезжаешь.

Рыдания Сэма переросли в рев. Мел встала, обнимая его. Он повернул к матери заплаканное лицо. На этот раз Сара не шагнула к нему. Сэм больше ей не принадлежал. Он был с ними. Захлебываясь от рыданий, он произнес:

– Э-э... это... правда? Т-ты... нас... ненавидишь, мама? У Сары заныло сердце и по щекам покатались слезы.

Она покачала головой:

– Нет, сынок. Я вас люблю всей душой... всех вас и папу.

Теперь расплакалась Сара. Оливер отвернулся, а остальные стояли, глядя друг на друга и не зная, что делать. Их семья развалилась от одного удара. А потом Оливер тихо подошел к Мел и Сэму и обнял своего младшего сына, а Сэм прильнул к отцу, как раньше, когда был маленьким.

– Все будет хорошо, сынок... с нами все будет о'кей. Он наклонился с намерением поцеловать Мел, но та отвернулась от него и убежала вверх, в свою комнату. В следующую минуту хлопнула дверь. Тогда Оливер стал медленно подни-

маться с Сэмом по лестнице, и Сара с Бенджамином остались одни. Старший сын смотрел на мать, все еще потрясенный. Он не мог поверить в услышанное, хотя знал, что все это правда.

– Мама... ну почему?

Он был достаточно взрослым, чтобы говорить с ним без обиняков, что Сара всегда и делала.

– Мне трудно ответить на твой вопрос. Я только знаю, что домохозяйкой больше быть не могу и что мое решение верно. Это все, что я знаю. Я хочу что-то собой представлять. Здесь же я только и делаю, что вожу детей в школу и дожидаюсь возвращения Сэма.

В первое мгновение Бен воспринял это так, словно ей опротивело быть их матерью.

– А ты не могла бы подождать? Так поступали другие матери.

– Нет, больше не могу. Я должна сделать это сейчас.

Сара высморкалась, слезы текли не переставая. Ужасно было причинять им боль, но они неосознанно причиняли боль ей. Причем на протяжении многих лет. В том числе и Олли.

Бенджамин кивнул, он стремился понять ее. Он любил мать и желал ей добра, но сам считал ее поступок страшным. Он не представлял себе, как можно бросить ребенка, и никогда не думал, что так может поступить его родная мать. Но это случилось, и все теперь менялось. Что осталось? Ниче-

го. Трое детей. Отец, с утра до вечера занятый работой. И нанятая кухарка. Ждать до осени ему показалось невыносимо долго. Если бы мог, он бы уехал раньше. Больше у него не было семьи. Только лишь группа людей, с которыми он жил. Это было почти так, как если бы его мама умерла, даже хуже, потому что при желании сейчас она могла бы остаться. Сознание того, что именно этого она не хочет, больше всего удручало его. И еще вся эта болтовня про то, как она их любит. Если бы любила, то осталась бы, а она уезжает. Это говорит само за себя. Бен посмотрел себе под ноги, потом снова на мать, чувствуя стыд за свои мысли и желание как можно скорее вырваться из этого дома. Она всегда была для него авторитетом, больше, чем отец, и вдруг ей так на всех на них наплевать.

Именно так. На него, на Мел, на Сэма, даже на отца. Бену было жаль его, но он не мог ничего изменить.

– Извини, что я тебя сейчас об этом спрашиваю... я только думал... как по-твоему, папа не будет возражать, если я ненадолго возьму машину?

Сара покачала головой, пытаясь проникнуть в его мысли. Старший сын был самым близким ей человеком.

– Я уверена, что он не будет возражать.

Получалось, что она больше не авторитет. Сара отдала ему ключи. Во время приездов на уик-энды будет происходить то же самое. Они отвыкнут от матери и не будут воспринимать ее. Нелегко было это сознавать.

– Как твое самочувствие?

Она знала, что хотя Бен и отмалчивался, но наверняка сильно переживал. В конце концов, ему было всего семнадцать. Сара переживала за него и не хотела, чтобы он куда-то отправился, напился там и потом ехал пьяный домой или выкинул еще какой-нибудь фортель.

– Куда ты собрался в такое время?

Было уже начало одиннадцатого, и Сара была не в восторге от перспективы его ночной поездки.

– Просто к другу. Я скоро вернусь.

– О'кей, – кивнула Сара.

Бен встал и собирался уйти, но она поймала его за руку:

– Я люблю тебя. Пожалуйста, всегда помни об этом...

Она снова расплакалась. Бенджамин хотел ей что-нибудь сказать, но так и не сказал. Мать сильно ранила и его, ранила всех их. Он только кивнул и пошел к входной двери, взяв по пути с вешалки куртку. Сара вздрогнула, когда за Беном хлопнула дверь, затем поднялась и медленно пошла наверх, в спальню. Из комнаты Мел по-прежнему доносились всхлипывания. Сара попробовала к ней зайти, но дверь была закрыта и Мел не отзывалась. У Сэма было тихо. Сара не решилась к нему заходить, чтобы не разбудить. Она зашла в спальню и села на кровать, чувствуя себя ужасно разбитой. Часом позже наконец пришел Оливер. Сара лежала и глядела в потолок, глаза ее все еще были полны слез.

– Как он?

Сара так и не зашла к Сэму. Теперь он принадлежал Оливеру, а не ей. Как и все они. Ее могло уже не быть. Она поняла, что следует уехать как можно скорее. Всем им от этого будет только легче.

– Спит.

Оливер с усталым вздохом повалился в кресло. День был долгим, вечер бесконечным, у него больше не было желания играть с ней в эти игры. Ради своих прихотей она губила их жизни. Права оказалась его мать. Но теперь уже было поздно. Водоворот затянул их по шею, и, чтобы спасти детей, ему надо было быстрее грести. С Сэмом он уже это прочувствовал, а ведь надо было еще позаботиться о Мел и Бенджами-не. Оливер видел глаза старшего сына. Хоть ему было сем-надцать, но и его потряс поступок Сары.

– Не знаю, придут ли они в себя после такого.

– Пожалуйста, не говори так. Я и без того чувствую себя ужасно.

– Не думаю. Если бы тебе было плохо, ты бы так не посту-пила. Они никому больше не будут верить, тем более мне. Если их собственная мать отказывается от них, что они мо-гут ожидать от других? Как, по-твоему, это на них отразит-ся? Они станут лучше? Ей-богу, нет. Дай Бог, чтобы они это пережили. Все мы.

– А если бы я умерла?

– Для них это было бы легче. Это не был бы твой выбор, дети не чувствовали бы себя сознательно отвергнутыми, что

имеет место сейчас.

– Благодарю покорно. То есть ты утверждаешь, что я последняя дрянь, не так ли?

В Саре снова закипала злость. Олли взывал к ее чувству вины, а она и без того чувствовала себя достаточно виноватой.

– Возможно. Может, я это говорю. Может, ты сама. А может, ты просто дикая эгоистка и мы тебя ни черта не волнуем. Это возможно, не так ли?

– Возможно. Ты хочешь сказать, чтобы я больше сюда не возвращалась?

– Я этого не сказал.

Проблема состояла в том, что Оливер желал ее возвращения, и всегда бы желал, независимо от того, как бы она поступила с ним и с детьми, но в тот момент он ненавидел ее за причиненную семье боль. Сэм цеплялся за пего, словно тонущий, и таким он в самом деле был. Его рана не будет заживать очень и очень долго. Оливер говорил совершенно серьезно. Он задавался вопросом, не останется ли у них эта рана на всю жизнь. У Сэма, конечно, останется, особенно если Сара не вернется, что было вполне возможно. Она это отвергала, но кто знает – все может измениться, попади она снова в Гарвард. В ее жизни появятся новые люди, а муж и дети будут далеко-далеко. Для них обоих гарантий больше не было.

– Я думаю, мне следует уехать в ближайшие дни. Всем нам

будет слишком тяжело, если я затяну с отъездом.

– Как хочешь.

Он пошел в ванную и разделся. Сара вдруг перестала быть ему близка. Только прошлой ночью они любили друг друга, а теперь она стала ему чужой. Чужой женщиной, которая пришла в его дом и оскорбила чувства его детей.

– И когда ты думаешь уехать? – спросил он, вернувшись в спальню.

– Вероятно, послезавтра. Мне надо собраться.

– Может, мне забрать куда-нибудь ребят, чтобы они не видели, как ты уезжаешь?

– Неплохая мысль.

Сара печально посмотрела на мужа. Говорить больше было не о чем. Они уже все высказали: обвинения, извинения, объяснения. Слезы тоже были.

– Я не знаю, что тебе еще сказать.

После прошедшего вечера, когда оба видели, как плакали дети, слова не требовались. Все же Сара своего решения не изменила.

– Я тоже не знаю.

Сара промолчала, она выглядела надломленной и оцепенелой.

Так они молча и лежали в темноте, пока наконец далеко за полночь Оливер не уснул. Сара же не спала до самого рассвета, слышала, как под утро вернулся Бенджамин, но ничего ему не сказала. Парень он был хороший, на его долю выпали

нелегкие переживания, да и будущее ему предстояло не из легких. А он все еще был лишь мальчиком. Так по крайней мере думала Сара.

В ту ночь Бен стал мужчиной, для него это стало удивительным и прекрасным переживанием. Родители Сандры уехали, и он впервые познал физическую близость. Получилось так, будто судьба подарила ему женщину взамен той, которую он потерял чуть раньше в тот же вечер. Ночь показалась Бену странной – горькой и сладкой одновременно. После любовных восторгов они до поздней ночи говорили о том, что произошло у него дома. Сандра понимала его с полуслова, как никто другой. Потом они опять занимались любовью, а когда наконец Бенджамин вернулся домой, то лег в свою постель и стал размышлять о любви, овладевшей им, о матери, которую потерял, и вдруг понял, что потеря эта не такая уж страшная, раз у него есть Сандра.

Сара лежала, вслушиваясь в тишину дома, где спала вся ее семья. Она снова хотела бы ей принадлежать, но уже больше не принадлежала. Она была кем-то посторонним, и единственное, что ей оставалось, – это добиваться успеха в новой жизни, перспектива которой радостно волновала ее, несмотря на высокую цену, оплаченную сердечными и душевными травмами.

Пока все еще спали, Сара встала и начала собирать вещи. Все, что хотела взять, она упаковала в три чемодана и, когда Оливер встал, была готова. Приняла душ, оделась, заказа-

ла билет на самолет и забронировала гостиницу, где уже когда-то останавливалась. Отъезд был намечен на вторую половину дня.

– Куда ты собралась в такую рань?

Оливер удивился, видя ее одетую, и понял, что, пока он спал, многое было сделано.

– Пока никуда. Я уезжаю вечером. Детям скажу, когда они встанут. Они не огорчатся больше, чем уже огорчены. Съезди с ними куда-нибудь, хоть ненадолго.

– Попробую. Надо проверить, какие есть возможности.

Оливер принял душ, оделся, сделал несколько звонков. А за завтраком оба объявили детям, что Сара уезжает раньше намеченного срока, а они с отцом отправятся в Вермонт кататься на лыжах. Агнес было поручено собрать Сэма. Бенджамин поначалу хотел отказаться от поездки. Он сказал, что намерен позаниматься.

– Во время рождественских каникул? – скептически спросил Оливер, а сам подумал, не в девушке ли тут дело.

– А на сколько мы едем?

– На три-четыре дня.

Для того чтобы отвлечься, вполне достаточно, если вообще возможно, а потом снова в этот склеп, в который превратится дом после ее отъезда. Впрочем, уже превратился.

Детей ошеломила новость о срочном отъезде Сары, но уже не так сильно, как объявленная накануне вечером, и они только покивали головами, едва притронувшись к завтраку.

Бенджамин выглядел усталым, ел вяло и мало говорил, Мел вообще ни с кем не разговаривала, а Сэм все посматривал на отца, словно хотел убедиться, что тот все еще здесь и не бросил их.

В конце концов Бенджамин согласился поехать с ними в Вермонт, и Оливеру удалось увезти их в четвертом часу, до того, как Сара отправилась в аэропорт. Прощание было тяжелым, Сэм снова расплакался, Агнес стояла в дверях, оцепенев от ужаса, и даже у Бенджамина на глазах выступили слезы. Сара не могла говорить, а Оливер плакал, не стесняясь, за рулем машины. Он только раз взглянул в зеркало и почти физически ощутил разрыв сердца, когда увидел, что Сара стоит перед домом и, подняв руку, в последний раз машет им. Вся его жизнь пошла насмарку, в один момент он потерял любимую женщину и все, что упорно создавал. Все это было принесено в жертву безумной идее, которая овладела Сарой. Оливер подумал, что детям не вредно увидеть, что он плачет, ведь ему было так же больно, как им. Он посмотрел на Сэма, сидевшего рядом, улыбнулся сквозь слезы и обнял его.

– Не плачь, старина. У нас все будет о'кей. И у мамы тоже.

– А мы ее еще увидим?

Именно этого Олли больше всего боялся. Сэм теперь не верил никому и ничему. Правда, Олли сам потерял всякую веру. Можно ли было винить за это мальчика?

– Ну конечно. Через пару дней нам станет легче, хотя сей-

час ужасно грустно, правда?

У Оливера опять сорвался голос. На заднем сиденье Бенджамин высморкался. Мел тоже плакала, но она была погружена в собственные мысли и с самого утра ни с кем ни о чем не говорила.

Странная перспектива маячила впереди – быть им и матерью, и отцом одновременно, взять на себя ее обязанности... водить их к врачу... к зубному... покупать Сэму обувь... Когда на все это найти время? Как справляться без нее? Но что важнее – как жить без любимой женщины, без ее ласки, ее смеха, ее добрых, заботливых рук?

Дорога до Вермонта была долгой и проходила в молчании, пока в Массачусетсе не сделали остановку, чтобы поужинать.

Сара прибыла в Бостон к десяти. Она была в двух шагах от Кембриджа, от новой, желанной жизни. Жизни без них.

Глава 5

В конце концов эта лыжная затея оказалась очень удачной, и вскоре они стали приходить в себя, кто быстрее, кто медленнее. Сэма по ночам мучили кошмары, он то кричал, то смеялся, а днем самозабвенно катался с отцом на лыжах. Бенджамин даже принял участие в соревнованиях; в свободное от лыж время он названивал друзьям, словно только они могли решить все его проблемы. Одна лишь Мел оставалась безучастной, каталась нехотя и избегала братьев и отца. Теперь она была единственной женщиной в их компании, Оливер несколько раз пытался поднять ей настроение, но Мел не хотела с ним разговаривать. Единственным, к кому она обращалась, был Сэм, но даже с ним она говорила как с неродным.

Оливер обо всех проявлял заботу: брал напрокат лыжи и ботинки, грузил и разгружал машину, организовывал питание, укладывал Сэма спать, присматривал за Мел, проверял, все ли одеты как положено. К восьми вечера он валился с ног от усталости, едва поужинав, ложился спать одновременно с Сэмом. Он решил жить с ним вместе в комнате, чтобы малышу не было так одиноко. Сэм дважды обмочился, и Оливеру пришлось среди ночи менять простыни, переворачивать матрас, искать другое одеяло. Было очевидно, что Сэм, как и все они, пережил сильный стресс. Оливер был так занят

детьми, что ему некогда было вспоминать о Саре. Только ночью, лежа в постели, он ощущал в сердце боль, да утром груз воспоминаний о жене придавливал его, словно гора. Она как бы умерла. Лишь на третий день пребывания в Вермонте Олли произнес ее имя. Он сказал что-то про «маму», дети со страдальческим выражением лиц повернули головы, и Олли моментально пожалел', что упомянул ее.

Домой они вернулись первого января, повеселевшие и подорожавшие. Но дом встретил их неприветливо. В нем было очень тихо, собака спала, даже Агги куда-то ушла. Оливер понял, что все они втайне надеялись, что Сара будет поджидать их, но такого не случилось. Сары давно не было, и хотя Оливер знал номер телефона ее кембриджской гостиницы, в этот вечер он ей не позвонил. Сначала с помощью Мел приготовил ужин, потом уложил спать Сэма. Бенджамин собрался уходить. Он появился па кухне, где остальные сидели за столом, одетый, как на свидание.

– Так сразу? – улыбнулся Олли. Никто из них даже не разложил вещи. – Ради кого ты при параде?

Бенджамин уклончиво улыбнулся отцу.

– Я к другу. Па, можно взять машину?

– Возвращайся пораньше, сынок. И будь осторожен. Сегодня на дорогах будет уйма пьяных.

К счастью, Бенджамин был осмотрителен и никогда под мухой не садился за руль. Неоднократно он звонил родителям, чтобы те приехали за ним, если у друзей выпил од-

ну-две банки пива. Сара вдолбила ему это раз и навсегда, как и многое другое. В каждом из них была ее частица, а теперь ее не было. Оливер задавался вопросом, когда она придет на обещанный уик-энд. С ее отъезда прошло всего шесть дней, а казалось, что вечность.

Странно было в этот вечер лечь в постель одному. Олли лежал и думал о ней, как и на протяжении всей этой недели, хотя и пытался убедить себя в обратном. В полночь он наконец зажег свет и попытался читать, кое-какие бумаги, которые захватил с работы. Его босс оказался неплохим мужиком, он дал Оливеру неделю отпуска, хотя не был заранее предупрежден. Олли теперь чувствовал себя лучше, правда, ненамного.

Он все еще не спал, когда в час ночи вернулся Бенджамин и заглянул пожелать спокойной ночи. Оливер оставил дверь открытой, чтобы слышать Сэма. Бенджамин положил ключи на столик и стоял, печально глядя на отца.

– Пап, тебе, наверное, тяжело... я имею в виду... без мамы.

Оливер кивнул. Что он мог сказать сыну? Всем им было тяжело.

– Я думаю, мы привыкнем, да и она скоро вернется. Бенджамин кивнул, хотя слова отца не звучали убедительно.

– Как провел время? Поздновато ты возвращаешься. Утром ведь в школу.

– Да... Я потерял счет времени. Извини, папа.

Бен улыбнулся и пожелал спокойной ночи. Еще через час

Оливер услышал, что Сэм плачет, и поспешил в его комнату. Мальчик продолжал спать. Олли сел рядом с ним на кровать и стал гладить его по голове. Темные волосы Сэма были влажные. Наконец он успокоился. Однако в четыре утра Оливер почувствовал, что Сэм нырнул под одеяло у него под боком и прильнул к папе. Олли хотел отнести его обратно, но в глубине души был даже рад, что он пришел, и поэтому только повернулся на другой бок и задремал. Так отец с сыном и проспали мирно до утра.

На следующее утро за завтраком царил обычный хаос. Агги приготовила всем гренки с беконом, что обычно подавалось на уик-энд или по особым случаям. Она словно знала, что надо чем-то их порадовать, поэтому и Сэму на второй завтрак положила все самое любимое. Агнес должна была отвезти детей в школу, а Олли отправился на электричку в самую последнюю минуту, хотя спешка и неорганизованность были нетипичны для него. Перед уходом ему пришлось раздавать всем инструкции и напоминать, чтобы вовремя пришли из школы и сели за уроки. Этим раньше занималась Сара. А может, не занималась? Когда она была в доме, все проходило так спокойно, даже радостно. Когда он уходил на работу, то знал, что все под контролем.

В офисе его ждали недельные залежи работы: доклады, разработки и прочее. Он смог уйти только в семь, а дома был почти в девять. Бенджамин опять отсутствовал, Мел болтала по телефону, Сэм, развалясь на отцовской кровати, смотрел

телевизор, забыв про уроки, а Агги ему и не напоминала. Она сказала Оливеру, что не хочет огорчать мальчика.

– Можно спать с тобой, па?

– А тебе не кажется, сынок, что следует спать в собственной кровати?

Олли испугался, что это может войти в привычку.

– Только сегодня... пожалуйста... Обещаю тебе, что буду хорошим.

Оливер улыбнулся и поцеловал его в макушку.

– Мне было бы приятнее, если бы ты сделал домашнее задание.

– Я забыл.

– К сожалению.

Он снял пиджак и галстук, поставил кейс рядом со столом и сел на кровать, думая, не звонила ли Сара, но не решился спросить об этом сына.

– Чем ты сегодня занимался?

– Ничем особенным. Агги разрешила мне смотреть телевизор, когда я пришел домой.

Оба знали, что Сара никогда ему этого не разрешала. Без нее все стало меняться, причем слишком уж быстро, как считал Олли.

– Где Бенджамин?

– Его нет, – равнодушно ответил Сэм.

– Я догадываюсь.

Предстояло иметь дело и с этим. Бенджамину не разреша-

лось отлучаться по вечерам в будни, хоть он и был в выпускном классе. Олли не намеревался в отсутствие Сары предоставлять ему полную свободу.

– Знаешь, старина, сегодня я разрешу тебе спать здесь, но в последний раз. Завтра возвращайся в свою постель. Договорились?

– Договорились.

Они ударили по рукам, Сэм улыбнулся, а Олли погасил свет.

– Я пойду вниз, поем чего-нибудь, а ты спи.

– Спокойной ночи, папа.

Сэм с наслаждением расположился на той половине их большой кровати, которая принадлежала Саре.

– Приятного сна...

Оливер постоял в дверях, глядя на сына.

– Я тебя люблю, – шепнул он и пошел проверить, как дела у Мел.

В ее спальне, куда она затащила телефон из холла, был жуткий беспорядок. Всюду валялись вещи, книги, бигуди, туфли. Странно, что ей вообще удавалось войти внутрь. Она вопросительно посмотрела на отца, пока тот дождался конца ее разговора, но трубку так и не положила, а лишь прикрыла ее рукой.

– Па, ты что-то хотел?

– Да. Поздороваться и чмокнуть папу не мешало бы. Ты домашнее задание сделала?

– Здравствуй. Да. Сделала.

Казалось, одно то, что ей задается вопрос, уже ее раздражало.

– За ужином компанию мне составить не хочешь?

Мел подумала и нехотя кивнула. Она бы предпочла телефонный разговор с другом, но слова отца прозвучали как команда. На самом деле ему просто не хотелось есть одному, а она была единственной в доме кандидатурой, кроме Агги.

– О'кей. Я жду внизу.

Оливер осторожно выбрался из комнаты и пошел вниз посмотреть, что ему оставила Агги. Тарелка была завернута в фольгу и оставлена на плите, чтобы не остыла, но когда он развернул блюдо, там было мало съедобного: пережаренная баранья отбивная, недопеченная картошка и вялый салат. Даже запах не будоражил аппетит. Олли все это выбросил, сам приготовил яичницу, надавил свежего апельсинового сока и стал ждать Мел. Скоро он понял, что это бесполезно – когда она спустилась, Олли заканчивал есть.

– Где Бенджамин?

Оливер думал, что она знает, но Мел лишь пожала плечами:

– Наверное, у друзей.

– В будний день? Это не очень разумно.

Она снова пожала плечами, будто была обижена, что приходится сидеть с отцом.

– Ты занимаешься Сэмом, когда приходишь домой? Боль-

ше всего он беспокоился за Сэма, особенно по причине своих поздних возвращений с работы. Мальчику теперь требовалось больше внимания. Агги было недостаточно.

– Папа, у меня куча домашних заданий.

– То, что я только что видел у тебя в спальне, мало напоминало их выполнение.

– Он уже лег, да?

– Когда я пришел, он еще не спал. Он сейчас нуждается в тебе, Мел. Мы все нуждаемся. – Оливер улыбнулся. – Теперь, когда мама уехала, ты осталась за хозяйку.

Но эта ответственность не была желанной для Мелиссы. Она хотела быть свободной, общаться с друзьями, хотя бы по телефону. Она не была виновата в том, что ее мама уехала. Виноват был он, отец. Мелисса все еще не могла понять, чем он обидел маму, но в ее отъезде винила только его.

– Я хотел бы, чтобы ты уделяла ему время. Поговори с ним, побудьте вместе, проверь домашнюю работу.

– Зачем? У него есть Агги.

– Это не одно и то же. Серьезно, Мел, будь с ним поласковее. Ты же всегда относилась к нему как к своему ребенку.

Она действительно даже баюкала его в ту ночь, когда Сара сообщила о своем отъезде. Но теперь она словно не хотела иметь с ними ничего общего. Неожиданно Оливеру пришла в голову мысль, не произошла ли и у Бенджамина аналогичная реакция. Казалось, что он избегает дома, этому тоже следовало положить конец. Оливер сожалел, что не мо-

жет уделять им больше времени, помогать им в решении их проблем.

Во время разговора с Мел зазвонил телефон. Оливер тяжело вздохнул, услышав в трубке голос отца. Он слишком устал, чтобы говорить с ним. Был уже одиннадцатый час, ему хотелось только принять душ и улечься в кровать с Сэмом. Прошедший день был нелегким и на работе, и вечером дома.

– Привет, папа. Как дела?

– У меня в порядке, – ответил отец неуверенно. Оливер заметил, что Мел, пользуясь моментом, улизнула. – А вот у мамы нет.

– Да? Она что, заболела?

Усталость не давала Оливеру даже серьезно расстраиваться.

– Это долгая история, сынок.

Джордж Ватсон вздохнул. Оливер ждал продолжения.

– Сегодня ей сделали сканирование мозга.

– Боже ты мой... Зачем?

– Она вела себя как помешанная... и потерялась на прошлой неделе, когда вас не было. На этот раз на самом деле потерялась, к тому же упала на лестнице и растянула голе но сто п.

Оливер почувствовал себя виноватым, что не звонил из Вермонта, но он весь был в заботах.

– Ей еще повезло, в ее возрасте она могла сломать бедро, что гораздо хуже.

Но, конечно, не это была самая плохая новость.

– Папа, но сканирование мозга не делают при растяжении голеностопа. Что это?

Отец, казалось, задавал себе тот же вопрос. У Оливера не было сил слушать долгий рассказ. Джордж Ватсон снова замялся:

– Я подумал, если... Можно мне приехать поговорить с тобой?

– Сейчас? – опешил Оливер. – Папа, скажи, что случилось?

– Мне просто надо с тобой поговорить, вот и все. А наша соседка Маргарет Портер за ней присмотрит. Она мне очень помогает. У ее мужа было то же самое.

– Что то же самое? О чем ты говоришь? Что они нашли?

Оливер был нетерпелив в разговоре с ним, что случалось редко, но он устал и теперь очень расстроился.

– Не опухоль, нет. Хотя такая вероятность, конечно, была. Смотри... если ты считаешь, что поздно....

Но было очевидно, что ему надо было с кем-то поговорить, и Олли не решился ему отказать.

– Нет, папа, нормально, приезжай.

Он заварил кофе и налил себе чашку, раздумывая, где может быть Бенджамин и когда он вернется. В будний день возвращаться следует раньше – Оливер хотел сказать ему только это. Но первым прибыл отец, он был бледным, изможденным и явно постарел за неделю, прошедшую с Рождества,

что снова напомнило Оливеру, что у отца большое сердце. Оливер подумал, что ему ни к чему отлучаться из дома и ездить одному среди ночи, но не стал это говорить, чтобы еще больше его не расстраивать.

– Заходи, папа.

Олли проводил отца в уютную, просторную кухню, надеясь, что звонок не разбудил Сэма. Ватсон-старший отказался от кофе, однако согласился на чашку растворимого без кофеина и медленно опустился на стул.

Оливер посмотрел на него:

– У тебя утомленный вид.

Может, и не надо было разрешать ему приезжать, но отцу явно хотелось поговорить. Он рассказал Оливеру о результатах сканирования мозга.

– У нее болезнь Альцгеймера, сынок. Ее мозг заметно уменьшается, как показало сканирование. Они, конечно, не уверены на сто процентов, но ее поведение в последнее время, похоже, подтверждает диагноз.

– Чепуха какая-то. – Оливер не хотел верить. – Сходи к другому врачу.

Но Джордж Ватсон только покачал головой. Он знал лучше.

– Не имеет смысла. Я знаю, что они правы. Ты ведь не в курсе, что с ней происходит в последнее время. Она теряет, все путает, забывает простые вещи, известные ей всю жизнь, забывает, как пользоваться телефоном, как зовут дру-

зей.

На глазах у него выступили слезы.

– Иногда она даже меня не узнает. Думает, что я – это ты. На той неделе несколько дней звала меня Оливером, а потом рассердилась, когда я ее поправил. Употребляет выражения, которых я от нее никогда не слышал. Стыдно появляться с ней на людях. На днях обозвала «засранкой» кассиршу в банке, где мы бываем каждую неделю. Бедная женщина чуть в обморок не упала.

Оливер невольно улыбнулся. Но все это не было забавно. Это было очень грустно. Вдруг Джордж с удивлением огляделся:

– А где Сара? Уже легла?

Оливер хотел сказать ему, что Сары просто нет дома, но подумал, что нет смысла скрывать от отца правду. Раньше или позже он должен узнать. Глупо, что Олли этого стеснялся, будто не смог удержать дома жену, будто вина была целиком его.

– Она уехала, папа.

– Куда уехала? – Отец побледнел еще больше. – Не понимаю, в гости?

– Нет, уехала в университет. В Гарвард.

– Она тебя бросила?

Джордж был ошеломлен.

– Когда это произошло? Она была здесь с тобой на Рождество...

Это было непостижимо, но он увидел печаль в глазах сына и все понял.

– О Господи, Олли... Извини меня... Когда все это случилось?

– Сара мне сказала об этом три недели назад. Прошлой осенью она подала документы в аспирантуру, но дело не только в этом. Она говорит* что вернется, в чем я сомневаюсь. По-моему, она так себя успокаивает. Я уже не знаю, чему и верить. Поживем – увидим.

– Как дети это восприняли?

– Внешне – нормально. На прошлой неделе я возил их кататься на лыжах, нам это пошло на пользу. Я потому и не звонил тебе. Она уехала на следующий после Рождества день. Но на самом деле, я думаю, все мы еще переживаем шок. Мел во всем обвиняет меня, Сэма каждую ночь мучают кошмары, а Бенджамин спасается тем, что целыми днями и ночами пропадает где-то у друзей. Может, я зря его обвиняю. Может, случись такое со мной в его возрасте, я бы поступал так же.

Но мысль о том, что Олли могла бросить его мать, оказалась обоим невероятной. Заговорили опять о Филлис.

– Что ты думаешь делать с мамой?

– Я не знаю. Они говорят, что болезнь быстро прогрессирует. В конце концов она не будет узнавать никого, и меня в том числе.

Его глаза снова наполнились слезами, ему невыносима

была эта мысль. Джорджу казалось, что он теряет жену день за днем, и тем острее он сопереживал боль Оливера от потери Сары. Но Олли еще молодой, найдет себе кого-нибудь. Филлис была единственной женщиной, которую когда-либо любил Джордж. После сорока семи лет совместной жизни даже думать о ее потере казалось невыносимо. Он достал носовой платок, высморкался, глубоко вздохнул и продолжал:

– Они сказали, что это может продлиться от шести месяцев до года, а потом она полностью перестанет двигаться. Тогда ухаживать за ней дома станет очень тяжело, так они считают. Я не знаю, что делать...

Голос у него задрожал. У Оливера разрывалось сердце. Он взял руку отца. Невозможно было поверить, что речь идет о его собственной матери, женщине, которая всегда была умной и сильной. А теперь ум ее меркнет. Ее болезнь доконает и без того больное сердце отца.

– Тебе не следует так сильно переживать, а то ты тоже заболеешь.

– То же самое мне говорит Маргарет. Она наша соседка, я тебе уже говорил. Она всегда очень хорошо к нам относилась. Ее муж страдал болезнью Альцгеймера на протяжении нескольких лет, и ей в конце концов пришлось отдать его в дом престарелых. У нее самой было два сердечных приступа – она не могла больше за ним ухаживать. Это тянулось шесть лет, умер он в августе прошлого года. – Джордж полным отчаяния взглядом посмотрел на сына. – Олли... я не могу сми-

риться с мыслью, что потеряю ее... или что она полностью потеряет память... Это все равно что наблюдать ее медленное угасание... С ней сейчас так трудно. А ведь она всегда была такой доброй.

– Я заметил, что на Рождество она была несколько взволнованна, но не отдавал себе отчета, что все так серьезно. Я, наверное, был слишком занят своими собственными проблемами.

Это было ужасно, он терял мать и жену, а дочь не хотела с ним разговаривать. Женщины покидали его, но теперь надо было думать об отце, а не о себе.

– Чем я могу тебе помочь, папа?

– Просто будь здесь, больше ничего пока не нужно. Их взгляды встретились, и Оливер почувствовал близость к отцу, которой не ощущал многие годы.

– Папа, я люблю тебя.

Теперь Олли не стеснялся сказать то, что когда-то могло смутить его отца. В юные годы Оливера отец был очень суров. Но с возрастом он смягчился и теперь нуждался в сыне, как ни в ком прежде.

– Я тебя тоже люблю, сынок.

Оба откровенно расплакались, и Джорджу – пришлось опять сморкаться. В этот момент Оливер услышал, как открылась – и тихо закрылась входная дверь, он обернулся и, увидев, что Бенджамин поспешно поднимается по лестнице, позвал его:

– Не торопитесь, молодой человек. Где вы изволили пребывать до половины одиннадцатого в будний день?

Бенджамин повернулся, покрасневший от холода и смущения, и очень удивился, обнаружив дома бабушку.

– Я был с друзьями... Извини, пап. Я не думал, что ты будешь против. Привет, деда, что ты здесь делаешь? Что-нибудь случилось?

– Бабушка нездорова, – сухо ответил Оливер, вновь чувствуя себя бодро. Душевная теплота отца словно придала ему новые силы, хоть кто-то о нем думал. Пусть Саре он больше не нужен, но нужен отцу и детям. – А тебе очень хорошо известно, что нельзя уходить по вечерам в будни. Заруби себе это на носу и чтоб в течение двух недель – никуда. Усек, мистер?

– Ну ладно, ладно... Я же извинился.

Оливер кивнул. Парень имел странный вид. Не был ни пьян, ни расстроен, но все же в нем произошла какая-то перемена. Он казался более мужественным, не был склонен препираться.

– А что с бабушкой?

У Джорджа был такой удрученный вид, что Оливер быстро ответил за него:

– Бабушка серьезно заболела.

– Она поправится? – испуганно спросил Бенджамин, словно боялся предположить, что можно потерять кого-то еще.

Он озабоченно посмотрел на отца и на деда, но Оливер

похлопал его по плечу:

– Поправится, поправится. Просто дедушке надо помочь, вот и все. Может, ты найдешь и для него немного времени, несмотря на обилие столь привлекательных друзей.

– Конечно, деда. Я заеду к тебе в этот уик-энд.

Бен очень любил его, а Джордж Ватсон был без ума от своих внуков. Иногда Оливеру казалось, что он их больше любит, чем собственного сына в свое время. Он стал мягче, и дети льнули к нему.

– Мы с бабушкой будем очень рады.

Джордж встал, чувствуя себя старым и утомленным, и оперся о плечо внука, словно желая получить от него заряд молодости.

– Спасибо вам обоим. Я, пожалуй, поеду. Надо отпустить домой миссис Портер. Она осталась с бабушкой.

И медленно пошел к входной двери, сопровождаемый Бенджамином и Оливером.

– Как ты себя чувствуешь, папа?

Оливер хотел отвезти его домой, но отец сказал, что доедет сам.

– Тогда позвони, когда приедешь.

– Не выдумывай! – фыркнул Джордж. – Я в порядке. Вот мама – та плоха.

Но его лицо снова подобрело, он обнял Оливера и произнес:

– Спасибо, сынок... за все... И... жаль, что так... Он с со-

чувствием посмотрел на Бена и Олли.

– ...с Сарой. Звони, если что понадобится. Если маме будет лучше, мы могли бы взять Сэма к себе на уик-энд.

Оливер подумал, что вряд ли тут может идти речь об улучшении.

Оба дождались, пока машина Джорджа скрылась. Тогда Олли со вздохом запер входную дверь. Все стало очень сложно. Для всех. Но самое непоправимое – это болезнь матери.

Затем Оливер повернулся и посмотрел на Бенджамина, пытаясь понять, о каких проблемах сына он может не знать.

– Итак, где ты все время пропадаешь?

Олли внимательно приглядывался к нему, пока они гасили свет и поднимались по лестнице.

– Просто с друзьями. Все в той же компании.

Но что-то в движении его губ подсказывало Оливеру, что он врет.

– Я бы хотел услышать от тебя правду.

Бенджамин вздрогнул и взглянул на него.

– Почему ты решил, что это неправда?

– Это девушка, верно?

Оливер был сообразительнее, чем думал Бен. Он отвел глаза со смущенной улыбкой, которая говорила все.

– Ну, допустим. Так, ерунда.

Но это была не ерунда. Это было его первое серьезное увлечение, которое вскружило парню голову. Все свободное время Сандра и Бен проводили в постели. Ее родителей по-

стоянно не было дома, оба работали, ездили куда-то по делам. Сама она была младшим ребенком, старшие уже жили отдельно, поэтому времени у ребят было предостаточно, и они знали, как им распорядиться. Сандра – это была его первая большая любовь. Они учились в одном химическом классе, и Бен помогал ей справляться с учебой. Сандра постоянно не успевала, но не расстраивалась по этому поводу. Бен интересовал ее гораздо больше, чем оценки, а его восхищало тело Сандры, ее страсть. Он обожал в ней все.

– Почему бы тебе не привести ее когда-нибудь сюда? А Мел ее знает? Я хотел бы с ней познакомиться.

– Да... может... как-нибудь... Спокойной ночи, папа. Бен поспешно скрылся в своей комнате, а Оливер про себя улыбнулся. Только он переступил порог спальни, как зазвонил телефон. Олли схватил его, унес в ванную комнату и там приглушенным голосом ответил. Он думал, что звонит отец. Но у него замерло сердце. Это была Сара.

– Алло?

– Это ты?

– Да.

Наступила длительная пауза, во время которой он попытался прийти в себя.

– Как ты там, Сара?

– Хорошо. Сегодня я нашла себе квартиру. Как дети?

– Нормально.

Он слушал, до боли тоскуя по ней и вновь испытывая

ненависть за то, что она их бросила.

– Им было нелегко.

Сара не отреагировала на эту фразу.

– Как покатались на лыжах?

– Отлично. Ребята хорошо провели время.

«Но без тебя это было не то...» – хотел он ей сказать, но не сказал. Вместо этого сказал фразу, которую обещал себе не говорить:

– Когда ты приедешь на уик-энд?

– Я уехала всего неделю назад.

А ведь она обещала приезжать каждые выходные. Олли знал, что это будет именно так, несмотря на ее горячие заверения. Теперь же она говорила так равнодушно и бессердечно. Трудно было поверить, что она в самом деле перед отъездом плакала вместе с ним. Можно было подумать, что звонит просто знакомая, а не жена, с которой он прожил восемнадцать лет.

– Я думаю, всем нам нужно время, чтобы привыкнуть к ситуации. После того, что было на прошлой неделе, думаю, всем нам надо передохнуть.

Так вот для чего она их покинула. Чтобы «передохнуть».

– И сколько это будет продолжаться?

Он ненавидел себя за то, что давит на нее, но ничего не мог с собой поделать.

– Неделю? Месяц? Год? Я думаю, детям необходимо с тобой видеться.

– Мне тоже необходимо с ними видаться. Но я думаю, мы должны отвести пару недель на то, чтобы все улеглось, дать им такой шанс.

«А как же я?» – хотел он прокричать, но не прокричал.

– Они по тебе очень скучают. Он тоже скучал не меньше.

– Я по ним тоже скучаю.

В голосе Сары звучало нетерпение, словно она хотела поскорее положить трубку. Она не могла вынести чувства вины от разговора с ним.

– Я хотела дать тебе адрес моей новой квартиры. Я перееду туда в субботу, и как только там установят телефон, я тебе позвоню.

– А до того? Что, если с детьми что-то случится? Лишь упоминание о такой возможности приводило его в панику, но ведь он имел право знать, где она находится. Ему необходимо было знать хотя бы для себя.

– Не знаю. Ты можешь оставить для меня сообщение в гостинице. Или, в конце концов, послать телеграмму, если будет нужно. Телефон мне должны установить быстро.

Холодность его тона лишь маскировала боль:

– Странная квартира – без телефона.

– Самая лучшая, какую смогла найти. Послушай, я буду заканчивать.

– Почему? Тебя кто-то ждет?

За эти слова Олли тоже себя ненавидел, но в нем разгоралась ревность.

– Не говори чушь. Сейчас поздно, вот и все. Знаешь, Ол... я по тебе скучаю...

Ничего более жестокого она не могла бы сказать. Никто не заставлял ее быть там. Она уехала по своей воле, растерзав ему сердце, а теперь осмеливалась говорить, что скучает по нему.

– Откуда у тебя столько наглости, Сара? Я не понимаю твоей игры.

– Это не игра. Ты прекрасно понимаешь, почему я сюда приехала. Мне это необходимо.

– Но ты также утверждала, что будешь приезжать домой каждый уик-энд. Ты лгала.

– Я не лгала. Но я это обдумала и считаю, что всем от этого будет только тяжелее. Тебе, мне, детям.

– А выносить твой странный отпуск нам не тяжело? Скажи на милость, что мне делать, пока тебя нет? Брать «Плейбой» и закрываться с ним в ванной?

– Олли... не надо... пожалуйста... нам обоим это тяжело. Но выбор-то принадлежал ей, а не ему.

– Я тебя не оставлял. Я бы никогда этого не сделал.

– У меня не было выбора.

– Сколько в тебе пакости! Моя мать в свое время была права. Ты эгоистка.

– Давай не будем начинать это снова. Ради Бога, Олли, уже первый час. – Вдруг ее разобрало любопытство: – А почему ты говоришь шепотом?

Она ожидала, что Оливер в постели, но услышала эхо от его слов.

– В нашей кровати спит Сэм. Я в ванной.

– Он что, заболел? – спросила Сара обеспокоено и этим только разозлила мужа. Как бы она поступила в таком случае? Прилетела домой? Может, и надо было сказать ей, что он болен. Хотя правда была даже хуже.

– Его каждую ночь мучают кошмары. Он писается. Сегодня попросился спать со мной.

Наступило долгое молчание. Сара, представила их в постели, в которой еще несколько дней назад спала сама, и потом ласково произнесла:

– Сэму повезло, что у него есть ты. Береги его. Я позвоню, как только мне установят телефон.

Ему хотелось еще что-то ей сказать, но было очевидно, что Сара не желает больше говорить.

– Береги себя.

Он хотел сказать, что все еще любит ее, но и этого не сказал. Она обманывала себя во всем: и в том, что вернется назад, и в том, что не уезжает навсегда, и в том, что будет приезжать домой на уик-энды и каникулы. Теперь ясно, что она их оставила, покинула их всех. Но самое ужасное, что он знал: при любых обстоятельствах, в любом случае, без всяких на то оснований – он никогда не перестанет любить ее.

Глава 6

Первые недели без Сары были трудными. Каждый завтрак смахивал на катастрофу. Яйца оказывались переваренными, в апельсиновом соке было слишком много мякоти, тосты пережаривались или недожаривались, и даже вкус у кофе казался Олли каким-то другим. Он знал, что это чепуха. Агги готовила им на протяжении многих лет, и они ее любили, но просто выросли на завтраках Сары. Сэм постоянно хныкал, Олли неоднократно видел, как он пинал собаку. Мел все время дулась, а Бенджамин более не осчастливливал их своим присутствием. Он выскакивал из дома, утверждая, что завтраков не ест. Получалось, что Оливер только и делал, что препирался с ними. Мел хотела ходить на свидания и в пятницы, и в субботы. Бенджамин продолжал поздно приходить в будни и при этом утверждал, что занимается с друзьями. У Сэма по вечерам энергия была ключом, спать он соглашался только в отцовской кровати, что поначалу было спокойнее для Олли, но потом стало его раздражать. Некогда мирное семейство перестало таковым быть.

Сара позвонила, когда ей в конце концов установили телефон, на две недели позже, чем обещала, но так до сих пор и не приезжала. Она считала, что время еще не пришло. Все их разговоры теперь были краткими и сухими. Сара словно боялась детей, не имея возможности их утешить. Она дела-

ла вид, что когда-нибудь вернется домой более умная, образованная, добившаяся успехов. Но Олли-то знал лучше. За один вечер брак, который он лелеял на протяжении восемнадцати лет, рассыпался в прах. И это изменило его отношение ко всему: к дому, к детям, к друзьям, даже к клиентам на работе. Он был на всех зол, конечно, в первую очередь на нее, но и на себя тоже, втайне будучи убежденным, как и Мел, что сделал что-то неправильно и виноват сам.

Друзья приглашали его в гости. Слухи постепенно расходились, поскольку Агги вместо Сары стала возить детей в школу. Но Олли никого не хотел видеть. Все они были слишком любопытны и склонны к сплетням.

Вдобавок ко всему Джордж звонил день и ночь, сообщая жуткие новости об ухудшающемся состоянии матери. Она теряла память, что для нее самой становилось опасно.

Джордж был растерян и искал у сына утешения. Но Олли едва удерживал на плаву свою собственную жизнь. С детьми справиться было нелегко. Он думал, не отвести ли их всех к психиатру, но когда позвонил учительнице Сэма, чтобы посоветоваться, та утверждала, что все их реакции нормальны. Неудивительно, говорила она, что Сэм стал непослушным, капризным и хуже учится, как, впрочем, и Мел, и естественно, что она винит отца в отъезде матери. Школьный психолог тоже сказал, что это в пределах нормы. Ей нужно найти виновника, вот отец и стал козлом отпущения. Так же нормально, что Бенджамин отводит душу с друзьями, избегая

бывать дома, где в отсутствие матери все стало иначе. Все это пройдет, сказали специалисты, все привыкнут, но Олли порой задавал себе вопрос, дотянет ли до этого момента.

Каждый вечер он приходил домой усталый, отдав все силы работе, и оказывался в разрушенном доме, среди несчастных, озлобленных детей. Ужины теперь были несъедобны: Агги слишком долго держала их завернутыми в фольгу. Когда звонила Сара, Олли хотелось громко закричать и швырнуть телефон о стену. Он не желал слушать сообщений о том, какие там лекции и что она опять в этот уик-энд не приедет. Он хотел, чтобы Сара вернулась, спала с ним, любила его, готовила ему и присматривала за их детьми. Агги была великолепна, но то, что могла предложить детям она, не шло ни в какое сравнение с тем особенным теплом, что они получали от матери.

Как-то пополудни Олли сидел в своем офисе, глядя в окно на дождь и слякоть, типичные для Нью-Йорка в январе, и размышлял, вернется ли Сара когда-нибудь. Ну ладно, пусть приедет хоть на уик-энд. С ее отъезда прошел месяц, и ему было так одиноко, ну просто невыносимо.

– Хоть одно веселое лицо!.. Можно войти?

Это была Дафна Хатчинсон, помощница вице-президента фирмы. Олли знал ее четыре года, в последнее время они вместе разрабатывали проект рекламной кампании для нового клиента. Она была симпатичная, темные волосы были стянуты в узел, одевалась хорошо, в элегантном, европей-

ском стиле, вообще выглядела скромно и аккуратно. На ней всегда были шарф, дорогие туфли и что-то из неброских, но красивых украшений. Оливеру она нравилась своей смекалкой, тактичностью, трудолюбием. Почему-то замуж она так и не вышла. Ей было тридцать восемь лет, и ее попытки завязать дружбу с Оливером всегда были не более чем платоническими. С самого начала Дафна дала всем понять, что офисные романы – это не ее стиль, и, невзирая на многочисленные более или менее серьезные попытки, следовала этому принципу. Оливер уважал ее за это, работать с такой сотрудницей было значительно легче.

– У меня есть кое-какие наметки на следующую неделю. Она держала большую папку, но колебалась.

– Но у тебя, кажется, нет настроения. Может, в другой раз?

Она слышала, что Сара уехала, и видела, что Олли все время озабочен, но они никогда этого не обсуждали.

– Нет, нет, Даф, заходи. Сейчас самое время.

Дафна вошла и огорчилась, заметив, что Оливер похудел, побледнел и выглядел ужасно несчастным. Она села и стала показывать ему содержимое папки, но Олли, казалось, не мог сосредоточиться, и она в конце концов предложила перенести разговор. А сейчас она заварит ему кофе.

– Может, помочь тебе чем-то? Я, правда, не похожа на великана, – сказала она с ласковой улыбкой, – но плечи у меня широченные.

Оливер улыбнулся ей. У Дафны была такая великолепная фигура и такой вкус, что он почти и забыл, какая она миниатюрная. Она была прелестной женщиной, и Олли в очередной раз задал себе вопрос, почему она так и не была замужем. Наверное, из-за занятости или слишком большого внимания к работе. Это случалось со многими из сотрудниц, которые в сорок лет вдруг начинали паниковать. Но по Дафне нельзя было сказать, что она паникует. Она казалась довольной, уверенной в себе, и глаза у нее были добрыми.

Олли со вздохом откинулся в кресле и покачал головой:

– Не знаю, Даф... Думаю, ты слышала...

В его зеленых, устремленных на нее глазах было целое море страдания, и Дафна едва удержалась от горячего желания обнять его.

– Сара в прошлом месяце решила уехать учиться... в Бостон...

– Ну, знаешь, это не трагедия. Я думала, дело обстоит хуже.

Она слышала, что Олли с Сарой разводятся, но этого ему не сказала.

– Я полагаю, дело действительно обстоит хуже, просто у нее не хватает храбрости признаться в этом. Мы не видели ее почти пять недель, и дети сходят с ума. Я тоже. Я каждый день думаю уйти с работы пораньше, а получается, что сижу до шести или семи. Пока доберусь домой – уже восемь, дети предоставлены сами себе, ужин несъедобен, начинаем орать

друг на друга, дети плачут, а утром все начинается сначала.

– Да, веселого мало. А почему бы тебе не снять на время квартиру в Нью-Йорке? По крайней мере ты был бы ближе к работе, и детям перемена бы не повредила.

Он об этом даже не подумал, но в данный момент не видел в этом смысла – травмировать детей переменой школы. Олли знал, что для них знакомая обстановка необходима, она их успокаивает.

– Мне с трудом удастся держать семью на плаву, а ты говоришь о переезде.

Оливер рассказал Дафне о том, что Мел злится на него, что Бенджамин постоянно где-то пропадает, а Сэм мочится в постель и просится спать к отцу.

– Тебе нужно переменить обстановку, дорогой мой. Почему бы тебе не съездить с ними куда-нибудь? Например, на недельку на Карибские острова, или на Гавайи, или в другое теплое, солнечное и благодатное место?

А разве есть такое место, где они снова могли бы быть счастливы? В это верилось с трудом. Олли было немного неловко, что он выкладывает ей все подряд, но Дафна вроде бы не возражала.

– По-моему, я все еще надеюсь, что, если мы будем торчать на месте, она вернется и мы сможем повернуть стрелки назад.

– Обычно это не удается.

– Да.

Оливер усталым движением провел рукой по волосам.

– Я уже заметил. Извини, что я тебя всем этим утомляю.

Просто не могу иногда сдержаться. Не удается сосредоточиться на работе. Но все-таки здесь какая-то разрядка. Дома по вечерам очень тоскливо, а уик-энды – вообще кошмар. Кажется, как будто нас разбросало во все стороны и мы не можем найти друг друга. Раньше такого не было...

Да он уже и не помнил, как было. Ему представлялось, что Сары нет целую вечность.

– Помочь тебе чем-нибудь?

Дафна не была знакома с его детьми, но хотела бы с ними познакомиться. В уик-энды у нее была уйма свободного времени.

– Я бы с радостью как-нибудь с ними познакомилась. Как ты думаешь, это им пойдет на пользу или, может, они заподозрят меня в посягательствах на тебя?

– Не думаю, что они придадут этому значение.

Но оба знали, что речь совсем не об этом. Оливер улыбнулся, благодарный, что нашел в ней сочувствующую слушательницу.

– Ты как-нибудь могла бы приехать на целый день, когда все хоть немного уляжется, если уляжется. У меня недавно еще и мама заболела. Ты замечала: если что-то одно не ладится, то и все остальное идет из рук вон плохо.

Он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, от которой таяли женские сердца. Дафна засмеялась:

– Спрашиваешь! У меня вся жизнь такая. Как твоя собака?

– Собака? – удивленно переспросил Олли. – Нормально. А что?

– Следи за ней. Чего доброго, и она в расстройстве чувств покусает дюжину твоих соседей.

Оба засмеялись. Олли снова вздохнул:

– Знаешь, Даф, я никогда не думал, что подобное может с нами приключиться. Сара застала меня врасплох. Я не был готов к этому и дети тоже. Я думал, что у нас идеальный брак.

– Что ж, иногда так случается. Обстоятельства меняются, люди заболевают, умирают, внезапно влюбляются в кого-то другого или совершают какие-нибудь еще безумные поступки вроде этого. И ничего тут не поделаешь. Надо просто найти для себя оптимальный выход из данной ситуации, а потом когда-нибудь Оглянешься и поймешь, почему все так случилось.

– Наверное, все-таки я виноват.

Оливер по-прежнему так считал. По-другому быть не могло.

– Может, она считала, что ее обходят вниманием, игнорируют, эксплуатируют...

– Или ее одолела скука, или, возможно, она просто не такой уж идеальный человек, – подхватила Дафна.

Дафна была ближе к правде, чем думала, но Оливер не

был готов это признать. Она продолжила:

– Может, Сара просто захотела для разнообразия пожить для себя. Трудно сказать, почему люди совершают те или иные поступки. Наверняка твоим детям еще труднее это понять.

Для своих лет она была мудрой женщиной, и Оливер снова подумал, как сильно она всегда ему нравилась – не как объект флирта, а как человек, способный предложить надежную, стоящую основу для настоящей дружбы. С тех пор как Олли женился на Саре, у него не было женщины-друга.

– Если я сам не понимаю, ничего удивительного, что они не понимают. А Сара своим отсутствием только усугубляет дело. Уезжая, она обещала, что будет навещать нас каждый уик-энд.

– Это, конечно, тоже тяжело. Но, может, так лучше для всех вас. Она приедет, когда все успокоится.

Олли горько засмеялся. Такая перспектива казалась нереальной.

– Нашему дому покой только снится. Все начинают ворчать за завтраком, а когда я прихожу, они заняты тем же или их вообще нет, что еще хуже. Я никогда не думал, что дети могут доставлять столько беспокойства. Они всегда были такими послушными, хорошими, дружными и счастливыми. А теперь... Их трудно узнать: жалобы, обиды, капризы, споры. Только на работе я от этого отдыхаю.

Но и в офисе он не находил себе места. Возможно, она

права, может, следует снова взять отпуск.

– Не допускай, чтобы работа стала твоей жизнью, – сказала Дафна со знающим видом. – За это тоже приходится расплачиваться. Предоставь Саре шанс, если она вернется – прекрасно. Если нет – измени свою жизнь. Свою настоящую жизнь, а не это дерьмо. Живого человека ничем не заменишь. Поверь моему опыту.

– Дафна, ты поэтому не вышла замуж? Доверительность их разговора позволяла задать этот вопрос.

– И поэтому тоже. Были и другие сложности. Я дала себе слово, что к тридцати годам сделаю профессиональную карьеру, потом была занята еще и другими вещами, а потом снова с головой ушла в работу. А потом... ну да это длинная история. Достаточно сказать, что мне мой образ жизни подходит, он мне нравится. Но многих он бы не устроил. У тебя есть дети. Тебе в жизни недостаточно одной работы. В один прекрасный день дети разъедутся, а ночью письменный стол – это не лучшая компания.

Все знали, что она иногда засиживалась на работе до десяти вечера. Отдавалась она работе с азартом и добивалась хороших результатов. Она работала не покладая рук и была высококлассным профессионалом.

– Ты мудрая женщина.

Олли улыбнулся ей и посмотрел на часы.

– Ну что, взглянем еще раз на твои материалы? Было почти пять часов, и он собирался идти домой, но рабочий день

еще не закончился.

– А почему бы тебе не пойти вместо этого раньше домой? Детям да и тебе это пойдет на пользу. Съезди с ними куда-нибудь поужинать.

Оливера удивила ее идея, он и не думал о таком, став рабом повседневной рутины.

– Хорошая мысль. Спасибо. Ты не против, если мы посмотрим это завтра?

– Да ну, о чем ты. Я только принесу тебе еще больше.

Она встала и направилась к двери, потом обернулась и через плечо посмотрела на Оливера:

– Держись, старина. Бури налетают внезапно, но хорошо, что длятся они не вечно.

– Обещаешь?

Она с улыбкой подняла вверх два пальца:

– Честное скаутское.

Она вышла, а Оливер позвонил домой. Подошла Агнес.

– Привет, Агги.

Настроение у него было лучше, чем в прежние дни.

– Не надо готовить сегодня ужин. Я приеду и заберу детей куда-нибудь.

Ему понравилась идея Дафны. Она была действительно чертовски умной женщиной.

– Ой, вы знаете... – ответила Агнес растерянно.

– Что-нибудь случилось?

Реальность снова напоминала о себе. Все теперь было

непросто. Даже вывезти детей на ужин.

– Мелисса опять на репетиции, у Бенджамина баскетбольная тренировка, а Сэм в постели с температурой.

– О Господи... вот незадача... ну, ладно, ничего. В другой раз. А что с Сэмом-то?

– Так, пустяки. Простуда, легкий грипп. Я еще вчера подзревала, что он болеет. А сегодня позвонили из школы вскоре после того, как я его отвезла, и попросили забрать.

И она не позвонила. Его ребенок болен, а он даже не знал. Бедный Сэм.

– Где он сейчас?

– В вашей кровати, мистер Ватсон. Он отказался ложиться в свою, и я подумала, что вы не будете возражать.

– Ладно, пусть.

Больной ребенок на его кровати. Это было так непохоже на то, что происходило на этой кровати в прежние времена, но их уже нет. Он с мрачным видом положил трубку. В этот момент Дафна снова появилась в дверях.

– Ой-ой, кажется, опять какие-то плохие новости. Собака?

Олли засмеялся. С ней у него поднималось настроение, словно от общения с кем-то родным.

– Еще нет. Сэм. У него грипп. А остальных нет дома. Сегодня ужин не состоится.

И вдруг ему пришла в голову мысль.

– Послушай, хочешь, приезжай в воскресенье. И куда-ни-

будь выберемся с ребятами.

– Ты уверен, что они не будут против?

– Абсолютно. Они будут рады. Мы съездим в итальянский ресторанчик, который они обожают. Там классные дары моря и замечательные макароны. Ну как?

– Здорово. Но давай договоримся, что, если твоя жена неожиданно приедет на уик-энд, все отменяется и не будет никаких обид, проблем и всего прочего. О'кей?

– Мисс Хатчинсон, должен сказать, что вы очень легки в общении.

– Это мой капитал. Ты думаешь, за счет чего я столького достигла? Не за счет внешности же.

Она была не только умной, но и скромной, к тому же обладала чувством юмора.

– Не говори глупости.

Дафна помахала ему и вышла из кабинета, а Олли размышлял, почему не испытывал к ней физического влечения. Она была красивой, имела великолепную фигуру, а свою миниатюрность удачно маскировала деловыми костюмами и простыми платьями. Может, сдерживало сознание того, что он все еще женат на Саре? Но дело было не только в этом. Дафна словно носила табличку: «Буду с тобой дружить, но близко не подходи, старина. Не трогай меня». Оливера интересовало, что было за этим – ничего серьезного, просто стиль поведения на работе или еще что то. Может, как-нибудь представится случай спросить ее об этом?..

Олли добрался домой в четверть восьмого. Сэм крепко спал в его кровати, голова у него была потная и горячая. Старших не было дома, и Олли пошел вниз приготовить себе яичницу. Ужин ему не оставили. Агги приготовила Сэму куриный бульон и блинчики и решила, что Оливер сам о себе позаботится. Он поел и стал ждать возвращения Бена и Мел.

Ждать пришлось долго. Мелисса пришла в десять, счастливая и взволнованная. Пьеса ей нравилась, к тому же она исполняла главную роль. Но, увидев отца, сразу надулась и, ни слова не сказав, убежала в свою комнату. Оливер же, в одиночестве сидя в кабинете, спокойно поджидал ее старшего брата.

Услышав, что хлопнула входная дверь, Олли быстро вышел навстречу сыну, выражение его лица говорило само за себя. Бену предстояла неприятная беседа.

– Где ты был?

– По вторникам у меня баскетбольные тренировки. По его глазам Олли не мог прочитать ничего, но на вид он был здоров и силен, и все в нем кричало о самостоятельности.

– До полуночи?

В такие байки Олли не верил.

– Я еще заезжал перекусить. Большое дело...

– Нет, не «большое дело». Я не знаю, что с тобой творится, но, по-моему, ты решил, что, раз мама уехала, можно делать все, что тебе нравится. Нет, это не тот случай. Все остается по-старому, ничто здесь не изменилось, кроме того, что она

уехала. Я по-прежнему хочу, чтобы вечерами в будни ты был дома, занимался, общался со всеми нами, хочу, чтобы ты был здесь, когда я возвращаюсь с работы. Это понятно?

– Да, конечно. Но не все ли равно? – сердито ответил Бен.

– Мы все еще семья. С ней или без нее. Сэму и Мел ты тоже нужен... как и мне...

– Это ерунда, пап. Сэму нужно только одно – мама. А Мел полжизни проводит, болтая по телефону, а вторую половину – закрывшись в своей комнате. Ты приходишь домой не раньше девяти, и такой усталый, что не можешь с нами разговаривать. Так какого же дьявола мне сидеть здесь и терять время зря?

Оливера явно обидели его слова.

– Такого, что ты здесь живешь. И я не прихожу в девять, а самое позднее в восемь. Я каждый вечер несусь как угорелый, чтобы успеть на эту электричку, думая, что ты дома. Не хочу тебе больше это повторять, Бенджамин. Все это продолжается уже месяц. Что ни вечер – тебя нет. Если не покончишь с этим, я намерен запретить тебе вообще отлучаться в течение месяца.

– Черта с два?

Бенджамин вдруг озлобился, и это задело Оливера. Сын никогда раньше так ему не отвечал, он бы не посмел. А теперь вдруг высказал открытое неповиновение.

– Именно так, мистер. Ты сам заслужил. Итак, с этой минуты запрет действует.

– Плевать я хотел!..

Был момент, когда Олли казалось, что Бен его ударит.

– Спорить бесполезно.

Они говорили на повышенных тонах, и оба не заметили, как по лестнице тихо спустилась Мел, которая встала у двери кухни и наблюдала за ними.

– Хоть мамы и нет, я все еще диктую здесь правила.

– С какой стати? – раздался за их спинами рассерженный голос. Оба с удивлением обернулись и увидели Мелиссу. – Кто дал тебе право нами командовать? Тебя вечно нет, тебе на нас наплевать. Если бы это было не так, ты никогда не прогнал бы маму. Она уехала только из-за тебя, а теперь ты хочешь, чтобы мы из осколков что-то склеили.

Слыша все это, Оливеру хотелось плакать. Они ничего не понимали. Да и как могли понять?

– Послушайте, что я вам скажу, – со слезами на глазах обратился к детям Оливер. – Я делал все, что мог, чтобы мама не уезжала. Но хотя я и виню себя за ее поступок, мне кажется, что внутренне она всегда хотела сделать это: продолжать образование, покинуть нас и вести свою жизнь. И независимо от того, виноват я или нет, – я всех вас очень люблю... – Голос у него дрогнул. Олли усомнился, сможет ли продолжать, но все-таки решился: – И ее тоже. Мы не можем допустить, чтобы наша семья теперь распалась, она слишком много для всех нас значит... Вы мне нужны, ребята...

Он стал плакать. На лице Мел застыл ужас.

– ...Вы мне очень нужны... и я люблю вас...

Оливер отвернулся и почувствовал на своем плече руку Бенджамина, а в следующее мгновение – объятие дочери, прижавшейся к нему.

– Мы любим тебя, папа, – прошептала она хрипловато. Бенджамин ничего не говорил, просто стоял с ними рядом. – Извини, что мы себя так ужасно вели.

Мелисса посмотрела на своего старшего брата. У того на глазах тоже были слезы, но хоть ему было и жаль отца, у него теперь была своя собственная жизнь и свои проблемы.

– Простите.

Дар речи вернулся к Оливеру только через несколько минут.

– Всем нам тяжело. Да и маме, наверное, тоже.

Олли хотел быть порядочным по отношению к Саре, не настраивать детей против нее.

– А почему она не приезжает, как обещала? Почему не звонит нам? – жалобно спросила Мелисса, когда они втроем пошли на кухню. Сара действительно почти не звонила с тех пор, как переехала в Бостон.

– Не знаю, дорогая. Наверное, ей приходится больше заниматься, чем она думала. Я предполагал, что так будет.

Но он не ожидал, что Сара на протяжении пяти недель ни разу не приедет. Это было жестоко по отношению к Сэму, к ним ко всем. Олли говорил это Саре по телефону, но та лишь твердила, что еще не готова приехать. Уехав из дома, что са-

мо по себе было болезненно для семьи, она теперь свободно порхала и не придавала значения их страданиям.

– На днях она приедет.

Мелисса задумчиво кивнула и села за кухонный стол.

– Но теперь это уже будет не то, что раньше?

– Наверное. Но, может, все сложится неплохо? Может, когда мы это переживем, окажется, что перемена была к лучшему?

– Ведь раньше все было так хорошо.

Дочь посмотрела на Оливера снизу вверх, и он кивнул. По крайней мере контакт восстановлен, хоть что-то сдвинулось в хорошую сторону. Потом посмотрел на сына:

– А как насчет тебя? Что с тобой творится, Бенджамин?

Оливер чувствовал, что тут дело серьезное, но Бен не собирался ему ничего говорить. Это тоже было ново. Он всегда был общительным и открытым.

– Да ничего особенного. – И потом смущенно: – Я, пожалуй, пойду спать.

Он повернулся, чтобы уйти. Оливер хотел протянуть руку и остановить его, но только позвал:

– Бенджамин...

Парень остановился. Оливера посетили смутные догадки.

– У тебя неприятности? Может, ты хочешь перед сном поговорить со мной наедине?

Бен подумал и покачал головой:

– Нет, папа, спасибо. У меня все в порядке. – Затем оза-

боченно спросил: – Твой запрет не отменяется?

Оливер не колебался ни минуты. Важно было дать им понять, что теперь он их контролирует, иначе наступит полная анархия. Для их же собственного блага он не мог этого допустить.

– Нет, сынок. Извини. Каждый вечер к ужину ты обязан быть дома, включая уик-энды. В течение месяца. Я тебя заранее предупреждал.

Олли был непреклонен, но его глаза говорили Бенджамину, что он это делает из любви к сыну.

Бенджамин кивнул и пошел к себе. Отцу было невдомек, какое отчаяние вызвал у Бена его запрет. Ему необходимо быть с ней вечером... необходимо... она в нем нуждается. И он в ней тоже. Он не знал, как они это переживут.

Оливер медленно подошел к Мелиссе и наклонился поцеловать ее.

– Я тебя люблю, моя хорошая. На самом деле. Мне кажется, всем надо сейчас набраться терпения. Скоро все наладится.

Мел медленно кивнула, глядя на отца. Она многое знала про Бенджамина, но не хотела говорить. Бесконечное количество раз она видела его с Сандрой, знала и о том, что он прогуливает занятия. В их школе сплетни расходились быстро. Мелисса также предполагала, что их отношения серьезные, настолько серьезные, что Бен может не подчиниться воле отца.

Сэм проспал ночь спокойно. Утром температуры уже не было, все, казалось, были спокойнее, и Оливер уходил на работу не с таким тяжелым сердцем. Он сожалел, что пришлось принимать к Бенджамину строгие меры, но надеялся, что тот поймет – ведь это для его же блага. Перелом же в отношениях с Мел стоил мучений, пережитых накануне вечером.

Придя на работу, он заглянул в свой ежедневник и вспомнил, что пригласил Дафну приехать в воскресенье. Впервые за прошедший месяц он радовался предстоящему уик-энду.

Глава 7

Дафна приехала в воскресенье на электричке. Олли встретил ее и отвез домой. По дороге они говорили о детях. Мел на протяжении всей недели была с ним приветлива, Сэм все еще хворал, а Бенджамин почти не разговаривал с отцом, но все-таки его требования соблюдал. Каждый вечер он приходил к ужину и тут же исчезал в своей комнате.

– Предупреждаю тебя, общаться с ними сейчас нелегко, но ребята они хорошие.

Оливер улыбнулся, радуясь ее приезду. Сара давно не звонила, все ощущали напряжение от ее молчания, особенно Олли.

– Я постараюсь дать им понять, что не представляю угрозы.

Дафна с улыбкой посмотрела на Оливера. На ней были замечательно сидевшие черные кожаные брюки и меховой полушубок.

– Почему ты это говоришь?

Олли показалось, что она хочет убедить его в отсутствии с ее стороны каких-либо амурных интересов.

– Потому что люблю во всем ясность и прямоту.

– А какова причина того, что тебя не интересуют мужчины?

Он старался говорить обычным тоном, да в тот момент

она и не интересовала его, но такой интерес мог когда-нибудь возникнуть. Ей было что предложить любому мужчине: ум, чувство юмора, внешность, шарм. Она в самом деле ему нравилась.

– Я знаю, ты следуешь принципу не флиртовать на работе.

– Поскольку в свое время я извлекла для себя урок. Суровый урок.

Дафна решила ему рассказать. Ей захотелось это сделать, возможно, потому, что она также находила его привлекательным.

– На третий год с начала моей первой работы после окончания Смитовского колледжа я влюбилась в председателя правления рекламного агентства, в котором работала.

Дафна слегка улыбнулась, а Оливер посмотрел на нее и присвистнул.

– Ты зря времени не теряла, а?

– Он был одним из самых потрясающих мужчин в рекламном бизнесе. Впрочем, и продолжает им быть. Ему тогда было сорок шесть. Женат, двое детей. Жил в Гринвиче. Католик.

– Значит, никаких разводов.

– Правильно. Тебе приз за догадливость – двести долларов.

Дафна рассказывала без горечи, очень буднично. Ей хотелось, чтобы Оливер это знал, хотя прежде она не говорила об этом никому. Просто были люди, которые знали, но их было

очень мало.

– Вообще-то фирма принадлежала его семье. Он – необыкновенный мужчина. Я влюбилась в него по уши и сказала себе, что меня не волнует его семья.

Дафна замолчала и стала смотреть на загородный пейзаж, словно вспоминая, но Олли поторопил ее. Он хотел знать остальное – что ей сделал тот тип, почему она избегает мужчин? Жаль было, что она гробит свою жизнь в одиночестве, хотя с виду несчастной ее назвать было нельзя.

– Ну и? Сколько это продолжалось? Что было дальше?

– Мы замечательно проводили время. Путешествовали. Встречались по вторникам и четвергам в квартире, которую он снимал в городе. Может, это нехорошо звучит, но, по-моему, ты вправе сказать, что я стала его любовницей. Ну и в конце концов он от меня избавился.

– Прелестно.

– Он решил, что нас могли бы «вычислить». Некоторые действительно знали, но очень немногие. Мы старались вести себя очень осторожно. Он всегда был честен со мной. Он любил свою жену, детей, тогда еще маленьких. Жена его была всего на несколько лет старше меня. Но и меня он любил. А я любила его. И была согласна на то немногое, что он мог мне дать.

Говоря о нем, Дафна не проявляла злости и гнева. Олли удивлялся ее спокойствию.

– И когда ты последний раз с ним виделась? Дафна рас-

смеялась и посмотрела на него.

– Три дня назад. Он устроил меня в другое место. У нас есть квартира. Три ночи в неделю мы проводим вместе, и ничего больше нам уже не светит. В марте будет тринадцать лет, как мы так живем. Тебе это может показаться безумством, но я счастлива и люблю его.

Она производила впечатление совершенно довольной жизнью. Оливер был шокирован. Дафна имела роман с женатым мужчиной и, похоже, действительно была счастлива.

– Ты это серьезно? И тебя все устраивает, Даф?

– Конечно, нет. Его дети уже в колледже, а жена – активистка клуба садоводов и около шестнадцати благотворительных обществ. Но, наверное, их жизнь ему чем-то нравится, поскольку у него никогда даже на секунду не возникло колебаний. Я знаю, что он никогда ее не бросит.

– Но это нехорошая сделка. Ты достойна большего.

– Кто знает? Если бы я вышла за кого-то другого, может, тот брак закончился бы разводом или был бы несчастлив. Гарантий никогда нет. Раньше я хотела иметь детей, но пять лет назад у меня были нелады со здоровьем, и теперь я не могу их иметь в любом случае. Я считаю, что мне большего не надо. Может, я чудачка или ненормальная, но при такой расстановке наша жизнь складывается удачно. Ну вот, дружище, тебе моя история. Я хотела, чтобы ты ее знал. – И, ласково улыбнувшись Оливеру, она добавила: – Потому что ты мне нравишься.

– Ты мне тоже нравишься, – смущенно улыбнулся Олли.
– Кажется, ты только что разбила мне сердце.

Но в общем-то он почувствовал облегчение. Ее исповедь сняла напряжение и с него, и теперь они могли быть настоящими друзьями.

– Так ты думаешь, он никогда не бросит свою жену?

– По-моему, нет. Да я, впрочем, не уверена, вышла ли бы я за него замуж, сделай он это. Нам и так удобно. У меня своя жизнь, карьера, друзья и он. Немного сложновато в уик-энды и праздники. Но, возможно, то, что мы имеем, для нас ценнее, поскольку ограничено.

Олли и не думал, что она такая умная. Он восхищался ею за ее честность и за все остальное.

– Хотел бы я быть таким же философом, как ты.

– Может, когда-нибудь и станешь.

Олли задавался вопросом, хватило бы ему двух дней в неделю с Сарой. Наверное, нет. Ему нужно было гораздо больше. Ему хотелось того, что было с ней прежде, но казалось нереальным, что он это снова получит.

Оливер затормозил перед домом и повернулся к Дафне лицом.

– Спасибо за твой рассказ.

Он был ей действительно благодарен.

– Я тебе доверяю. – Сказав так, Дафна как бы попросила его не разглашать ее секрет, но уже знала, что Олли этого делать не будет. – Я подумала, что тебе следует это знать. Я

не хочу, чтобы твои дети нас в чем-то подозревали.

– Отлично, – улыбнулся Оливер. – А что мне им сказать? «Эй, ребята, все о'кей, у нее роман с женатым мужиком и она его любит!» – Лицо его посерьезнело, но глаза оставались добрыми. – Даф, ты потрясающая женщина. Если я в состоянии что-нибудь для тебя сделать, если тебе нужен друг... только позови...

– Не волнуйся, непременно. Иногда становится ужасно одиноко, но привыкаешь заботиться о себе самой, не хватать трубку среди ночи, не звонить ему, если подозреваешь у себя аппендицит. Звонишь друзьям, рассчитываешь на себя. Считаю, что мне это все полезно.

Олли покачал головой.

– Я не думаю, что когда-нибудь стану таким взрослым.

В свои сорок четыре года он все еще ждал помощи от Сары, если у него болела голова.

– Не расстраивайся. Я, наверное, просто сумасшедшая. Так, во всяком случае, думают мои родители.

– А они знают? – изумился Олли. – Они явно очень либеральны.

– Я им давно рассказала. Мама несколько месяцев проплакала, но теперь они привыкли. Слава Богу, у моего брата шестеро детей. Это отводит огонь от меня.

Оба рассмеялись и вышли из машины. Первым их встретил Энди, который прыгал на кожаные брюки Дафны, но та не обращала на это внимания.

Когда они зашли в дом, Сэм смотрел телевизор, а Мел хлопотала на кухне с Агнес. Оливер представил Дафне Сэма. Дафна вела себя очень непринужденно, Сэм с интересом оглядел ее.

– Вы работаете с папой?

– Да. У меня есть племянник, твой ровесник. Он тоже любит смотреть борьбу.

Видно, она неплохо разбиралась в увлечениях девятилетних мальчишек. Сэм одобрительно кивнул.

– В прошлом году папа возил меня на соревнования. Классно было.

– Мы с Сином тоже однажды ходили. По-моему, это ужасное зрелище.

Сэм рассмеялся. Из кухни медленно вышла Мелисса, и Оливер представил ее:

– Моя дочь, Мелисса. Дафна Хатчинсон.

Они церемонно пожали друг другу руки.

Агнес незаметно исчезла. Она решила, что Олли стал водить в дом чужих женщин. На ее глазах все так менялось, впрочем, после того, что сделала миссис Ватсон, Агнес не решалась осуждать мистера Ватсона. Ему нужна была жена, и если Сара по глупости отказалась от подарка судьбы, его заслуживал кто-то другой.

Мелисса и Дафна легко нашли общий язык, и Олли заметил, что дочь внимательно разглядывает гостью. Она явно одобрила кожаные брюки, ухоженные волосы, меховой полу-

шубок и черную сумку от «Гермеса», небрежно висевшую на плече. Дафна всегда была элегантна, и теперь Оливер понял почему. На ее имидже отразились вкусы немолодого поклонника, покупавшего подарки и окружавшего ее изысканными вещами. Даже ее украшения были слишком дороги для большинства одиноких женщин. Интересно, что Мел словно интуитивно поняла, что между гостьей и ее отцом не было ничего, кроме дружбы. Вначале она следила за Дафной очень внимательно, но убедилась, что та не проявляет особого интереса к отцу.

– Где Бенджамин? – наконец спросил Олли.

– Наверное, куда-то отлучился, – ответила Мел. – А на что ты надеялся?

Она пожала плечами и улыбнулась Дафне.

– У меня тоже есть старший брат. Я ненавидела его на протяжении восемнадцати лет. Правда, с возрастом он стал значительно лучше.

Брат Дафны был ровесником Оливера, может, поэтому она и испытывала к своему коллеге симпатию.

Все четверо долго сидели и разговаривали в уютной гостиной, а потом пошли с Энди гулять. Перед самым ужином появился Бенджамин, какой-то взъерошенный и рассеянный. Он сказал, что идет играть с друзьями в регби, но, как всегда, умотал к Сандре. Ее родители теперь тоже разошлись, что было на руку влюбленным. Матери Сандры никогда не было дома, а отец вообще переехал в Филадельфию.

Бенджамин холодно поздоровался с Дафной и по дороге почти ни с кем не разговаривал. Они поехали в тот итальянский ресторанчик, о котором Оливер говорил Дафне, хорошо провели там время: смеялись, болтали, рассказывали анекдоты, в конце концов даже Бенджамин повеселел, хотя время от времени кидал вопросительные взгляды на отца и на Дафну.

Десерт ели дома, его приготовила Агнес. Энди лежал у камина, а остальные уплетали яблочный пирог и домашнее печенье. Это был замечательный день, первый такой день за долгое время, и все, похоже, были счастливы.

Телефон зазвонил, когда они слушали рассказ Сэма о духах. Оливер снял трубку. Звонил его отец. Гостья и члены семьи слышали только обрывки разговора.

– Да... хорошо, папа... не волнуйся... где она? Ты-то сам как?.. Я сейчас приеду. Оставайся там. Я тебя подвезу. Я не хочу, чтобы ты самостоятельно ехал домой. Ты же можешь оставить там машину и забрать ее завтра.

Оливер в замешательстве повесил трубку. Дети испуганно на него посмотрели, но он поспешил их успокоить, хотя руки у него дрожали.

– Не волнуйтесь. Это опять с бабушкой небольшое происшествие. Она сама уехала на машине и наехала на соседа. Никто серьезно не пострадал. У бабушки небольшой шок, и они хотят на ночь оставить ее в больнице, под наблюдением. Дедушка очень расстроен. К счастью, сосед оказался

проворным и прыгнул на капот машины, у него всего лишь перелом лодыжки. Исход мог быть гораздо хуже для обоих.

– Я думала, что ей больше нельзя водить, – сказала Меллисса, все еще очень испуганная.

– Нельзя. Но дедушка был в гараже, наводил там порядок, и она решила прокатиться.

Олли не сказал, что она объясняла доктору, что хотела забрать сына из школы, и что отец плакал, когда все это рассказывал. Врачи настаивают на интернате, где бы она была под постоянным наблюдением.

– Я очень сожалею, – сказал он, глядя на Дафну, – но мне придется поехать к отцу. Думаю, что он в большем шоке, чем мама. Подвезти тебя по пути на станцию?

Ближайшая электричка шла только через час, но Олли не хотел бросать Дафну на произвол судьбы.

– Я могу взять такси. А ты поезжай.

Она посмотрела на ребят, сидевших рядом.

– Я побуду с детьми, если они не против.

Мел и Сэм, казалось, были в восторге, Бенджамин же ничего не сказал.

– Это было бы замечательно.

Олли улыбнулся Дафне, а Мел поручил заказать такси на девять пятнадцать. Этого было вполне достаточно, чтобы успеть на станцию к девяти тридцати.

– Да и Бенджамин может отвезти тебя.

– Зачем, если есть такси. Я уверена, что у Бенджамина

найдутся дела поинтереснее, чем возить престарелых дам на станцию.

Дафна заметила его сдержанность и не хотела навязываться. Вскоре Оливер уехал, и Бенджамин исчез в своей комнате, оставив гостью в компании младшего брата и сестры.

Сэм пошел отрезать еще пирога, Мел убежала наверх за текстом пьесы, которую хотела показать Дафне, Агнес, по своему обыкновению, убрав на кухне, сразу пошла спать, и Дафна оказалась в гостиной одна, когда зазвонил телефон. Он звонил, и звонил, и звонил, Дафна нервно озиралась и наконец решила ответить, думая, что это может быть Олли и он будет беспокоиться, что никто не подходит. Может, он что-нибудь забыл? Так или иначе, она сняла трубку. На другом конце внезапно замолчали, а потом женский голос спросил Олли.

– Очень жаль, но его нет. Может, что-то передать? – поделовому ответила Дафна. Инстинкт подсказывал ей, что это Сара. И он ее не обманул.

– А дети дома?

В голосе звучало раздражение.

– Конечно. Позвать их?

– Я... да... – И затем: – Извините, а кто у телефона?

В гостиную вошла Мел. Дафна не растерялась и сказала в ответ:

– Я приходящая к детям помощница. Сейчас передам трубку Мелиссе.

Она с милой улыбкой передала трубку Мел и пошла на кухню посмотреть, как дела у Сэма. Тот кромсал пирог, запихивая себе в рот огромные куски и в то же время пытаясь отрезать следующую порцию Дафне.

– По-моему, звонит твоя мама. Она разговаривает с Мел.

– Правда?

Он, похоже, очень удивился, бросил свое занятие и убежал в гостиную. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем они вернулись, Дафна успела уже соскучиться. Дети погрузились, по их глазам видно было, как они тоскуют по матери. Сэм вытирал глаза рукавом, он явно плакал. У Мелиссы после разговора тоже, видно, испортилось настроение.

– Кому еще пирога?

Дафна хотела их отвлечь, но не знала, как это сделать. Мел вопросительно посмотрела на нее:

– Почему вы представились приходящей помощницей?

Дафна посмотрела ей в глаза, стремясь быть с ней честной, как с Олли:

– Потому что не хотела ее расстраивать. Мы с твоим папой просто друзья, Мел. У меня есть мужчина, которого я очень люблю, и с твоим папой мы никогда не будем более чем друзьями. Не имело смысла огорчать твою маму или создавать недоразумения. У вас всех сейчас и без того много сложностей, зачем добавлять к ним новые?

Мел кивнула. Она была благодарна, хотя и не высказала этого.

– Мама сказала, что не приедет в следующий уик-энд, потому что должна писать работу.

Как только она это произнесла, Сэм стал тихонько плакать, и Дафна, не задумываясь, обняла его и прижала к себе. Она рассеяла их возможные опасения, сказав о том, что есть человек, которого она любит. Дафна была рада, что так сделала и что Олли тоже в курсе. Теперь уже не оставалось поводов для подозрений. В то же время Дафна осуждала Сару. Как могла родная мать бросить своих детей?

– Может, ей было бы слишком больно сейчас приезжать? Она старалась быть объективной.

– Тогда почему нам нельзя съездить повидаться с ней? – логично спросил Сэм.

– Не знаю, Сэм.

Дафна вытерла ему слезы. Все трое уселись за кухонным столом. Аппетит пропал, яблочный пирог был забыт.

– Она говорит, что ее квартира еще не готова и нам негде спать, но это же глупо.

Сэм перестал плакать, они увлеклись разговором и не заметили, как пролетело время.

– Боже мой! – воскликнула Дафна, взглянув на часы. Было полдесятого. – А будет еще электричка?

В принципе она могла добраться в Нью-Йорк и на такси. Но Мелисса кивнула:

– Да. В одиннадцать.

– Ну тогда я поеду на ней.

– Вот и хорошо.

Сэм приник к ее руке, у детей был уже усталый вид. Дафна уложила Сэма, до начала одиннадцатого поболтала с Мел, а потом предложила лечь спать и ей. Договорились, что она посидит одна еще полчаса и сама вызовет такси. Мел ушла наверх, погруженная в собственные мысли.

В половине одиннадцатого приехал Олли и очень удивился, увидев в гостиной спокойно читавшую Дафну.

– Как твой отец?

– Вроде бы нормально.

У Олли был усталый вид. Он укладывал отца спать, как ребенка, и обещал снова приехать на следующий день, чтобы решить, что делать с матерью.

– Ситуация ужасная. У моей матери болезнь Альцгеймера, которая убивает и отца.

– Господи, какой кошмар.

К счастью, ее собственные родители были пока здоровы и моложавы. Семидесятилетней матери и семидесятипятилетнему отцу можно было дать не больше пятидесяти. Тут Дафна вспомнила о звонке Сары.

– Кстати, звонила твоя жена.

– Боже ты мой...

Олли провел рукой по волосам, задаваясь вопросом, сказали ли дети, что в доме гостья.

– И что они ей сказали?

– Не знаю. Когда они с ней разговаривали, меня не было

в комнате. Но когда раздался звонок, никого поблизости не оказалось, я сняла трубку и представилась ей как приходящая к детям помощница.

Дафна улыбнулась. Оливер усмехнулся в ответ:

– Спасибо тебе.

И опять с озабоченным видом спросил:

– Какие они потом были?

– Расстроенные. Я поняла, что она не приедет в следующий уик-энд и их пригласить к себе не может. Сэм плакал, но потом, когда я его укладывала, успокоился.

– Ты в самом деле изумительная женщина. Он с сожалением взглянул на часы.

– Очень жаль, но пора ехать на станцию. Мы как раз успеем к электричке.

– Я провела чудный день, Оливер, – поблагодарила Дафна по пути на станцию.

– Я тоже. Извини, что под конец пришлось сбежать.

– Да ну, о чем ты. У тебя забот полон рот. Но скоро все наладится.

– Если я доживу, – улыбнулся Олли устало.

Он дождался с ней электрички, обнял ее по-братски и простился до следующего дня. Дафна помахала из окна, когда электричка тронулась, и Олли медленно поехал домой, сожалея, что все не сложилось иначе. Может, если бы она была свободна... – сказал он себе, но знал, что все это чушь. Как бы Дафна ни была свободна, привлекательна, умна, ему

хотелось только возвращения Сары. Дома он набрал ее номер телефона, но там не ответили.

Глава 8

Джордж Ватсон поместил жену в интернат неделю спустя. В нем содержались больные, страдающие болезнью Альцгеймера и различными формами психических расстройств. Снаружи все было очень мило, но вид пациентов подействовал на Оливера удручающе, когда он приехал навестить мать. Она не узнала его, а за своего сына принимала Джорджа.

Когда они выходили, отец вытирал глаза. Дул пронизывающий ветер. Оливер взял его за руку, усадил в машину и отвез домой, а вечером, уезжая к себе, к детям, испытывал ощущение, что бросает отца на произвол судьбы.

Удивительно, думал Оливер, что и он, и отец теряют жен одновременно, хотя и по-разному. Для обоих это было тяжелое переживание. Но у Олли были дети, которые требовали заботы, и работа, которая отвлекала. У отца же не было ничего, кроме одиночества, воспоминаний и ежедневных, полных боли посещений жены.

А потом наступило долгожданное событие. Сара позвонила в день святого Валентина и сообщила, что хотела бы видеть детей в следующий уик-энд в Бостоне.

– Почему ты не хочешь приехать сюда?

Она уехала семь недель назад, и Оливер, как и дети, очень ждал ее дома.

– Я хочу, чтобы они посмотрели, где я живу.

Олли хотел возразить, но сдержался. Он согласился, и потом сам ей позвонил, когда узнал время их прилета в Бостон.

– Мы были бы у тебя около одиннадцати утра в субботу, если вылетим в девять.

Оливеру хотелось прилететь к ней уже в пятницу вечером, но это было слишком сложно из-за его работы и учебы детей, поэтому Сара предложила субботнее утро.

– А у тебя для всех нас хватит места? – спросил Олли с улыбкой, но на другом конце провода наступило неловкое молчание.

– Я вообще-то... Я думаю, что Мел и Бенджамин могли бы спать на двух старых диванах в моей гостиной. А... а Сэм бы спал со мной...

Сара запнулась. Оливер слушал – рука его словно примерзла к трубке, а в голове эхом звучало: «Сэм бы спал со мной...» Именно так она и сказала. Не «с нами».

– А где будем спать мы, или, может, следует спросить, я? Олли решил задать вопрос напрямую. Устав от неизвестности, он хотел определиться раз и навсегда.

– Я думала, может... – почти шепотом произнесла Сара, – ...ты бы согласился остановиться в гостинице. Так... так, Олли, было бы лучше.

Говорила она это со слезами в голосе, а Олли слушал ее с тяжелым сердцем.

– Лучше для кого? По-моему, ты обещала, что ничего не изменится, не так давно ты утверждала, что не покидаешь

нас насовсем. Или ты забыла?

– Я не забыла. Просто когда уезжаешь, многое видится по-иному.

Тогда почему для него это многое видится все так же? Почему его влечение к ней все так же сильно? Оливеру захотелось встряхнуть ее так, чтобы зубы клацнули, и еще захотелось зацеловать ее так, чтобы сама запросила взять ее. Но Сара не собиралась больше этого делать. Никогда.

– Ты хочешь сказать, что все кончено? Я правильно понял, Сара?

Он говорил чересчур громко, сердце у него колотилось.

– Я прошу тебя остановиться в гостинице, Олли... в этот раз...

– Прекрати! Перестань играть со мной, черт подери! Это была жестокая сторона ее натуры, о существовании которой он даже не подозревал.

– Извини... я в такой же растерянности, как и ты. В тот момент она говорила совершенно серьезно.

– Черт подери, Сара. Ты же прекрасно знаешь, что делаешь. Ты знала это уже в день своего отъезда отсюда.

– Я просто в этот уик-энд хотела быть одна с детьми.

– Чудесно. – Голос у Олли стал ледяным. – Я подброшу их к тебе в одиннадцать.

И бросил трубку, чтобы прекратить эту пытку. Ему предстояло провести уик-энд в одиночестве, а ей и детям – в радостном общении.

Он мог бы отправить их одних, но не хотел. Олли должен быть с ними, особенно после всего, на обратном пути. Он также понимал, что в глубине души ему хочется быть рядом с ней. Больше всего он беспокоился за Сэма и несколько меньше за остальных. Бенджамин не проявлял энтузиазма по поводу поездки, так как он из-за этого пропускал игру, но Оливер сказал ему, что ехать надо. Мел была рада, а Сэм – просто в экстазе. Но Олли задавал себе вопрос, каково будет их настроение после встречи с ней.

Полет прошел как праздник. Когда же они ехали по ее адресу, на Браттл-стрит, Олли невероятно волновался. Он обещал Саре подбросить их и, когда она открыла дверь, думал, что сердце у него остановится. Сара была столь же очаровательна, как прежде, если не более. Волосы отросли, она носила их распущенными, а джинсы так облегали фигуру, что Олли пришлось подавить взывавшую в нем страсть. Сара слегка поцеловала его в щеку, обняла детей и повела их на ленч, а Оливер уехал на такси, испытывая к ней влечение каждой клеточкой своего тела.

Сара снимала небольшую квартиру с удобной гостиной, уютной спальней и садиком. Дети набросились на суп, с аппетитом съели все остальное и счастливыми глазами смотрели на маму. Говорили все сразу, с облегчением давая выход накопившимся эмоциям. Сэм не отлипал от нее, и даже Бенджамин, казалось, расслабился как никогда. Все были счастливы, кроме Оливера, пребывавшего в одиночестве в гости-

ничном номере.

Итак, это наконец случилось. Она его бросила. Она его больше не любила. Сознание этого факта удручало Оливера. Вспоминая прошлое, он плакал, когда часами бродил по университетскому городку Гарварда. Он побывал всюду, где они в свое время бывали с Сарой, а вернувшись в гостиницу, осознал, что по-прежнему плачет. Олли не мог понять. Она говорила, что ничего между ними не изменится, а теперь не впустила его. Значит, все кончено, и они стали друг другу чужими. Он чувствовал себя ребенком, которого бросили родители. В тот вечер он позвонил ей из своего номера.

В трубке были слышны отголоски музыки, разговоров и смеха, отчего ему стало еще более одиноко и тоскливо.

– Извини, Сара, я не хотел тебе мешать, ты, наверное, с детьми.

– Нет, ничего. Мы на кухне готовим поп-корн. Можно, я сама позвоню тебе позже?

Она позвонила в первом часу ночи.

– Послушай, что все-таки происходит?

Ему необходимо было задать этот вопрос, необходимо было знать. На протяжении двух месяцев все его мысли были только о ней и ее возвращении, которого он и теперь желал, еще сильнее, чем прежде. Если она действительно не собирается к нему возвращаться, он должен это знать.

– Я ничего не понимаю. Когда ты уезжала, ты сказала, что будешь приезжать домой каждый уик-энд. Теперь, когда

прошло почти два месяца, ты держишь меня на почтительном расстоянии и ведешь себя так, словно мы в разводе.

– Я тоже не знаю, Олли.

Ее голос звучал мягко и ласково. Этот тембр он хотел бы забыть, да не мог.

– Попав сюда, я на многое стала смотреть иначе. Я поняла, как ужасно всего этого хотела и что не могла бы вернуться к нашей прежней жизни. Может, я когда-нибудь на это и решусь... но все тогда должно быть по-другому.

– Как? Скажи мне... Мне необходимо знать...

Олли ненавидел себя за это, но опять плакал. Он понял, что произошло нечто ужасное. Сара контролировала все, что было для него важно и дорого, и он был бессилён изменить это или сделать так, чтобы она вернулась.

– Я тоже не знаю ответов. Я только знаю, что должна находиться здесь.

– А мы? Ну почему, почему я не мог остаться у тебя?

Ему не было стыдно, не было зазорно. Он любил ее слишком сильно и желал слишком страстно.

– Я думаю, что боюсь с тобой видеться.

– Но это же глупо. Почему?

– Не знаю. Может, ты хочешь от меня слишком многого, Оливер. Я теперь словно стала какой-то другой, такой, как была когда-то и опять собиралась стать. Будто я все эти годы спала, пребывала в забытии, а теперь снова живу. И я не хочу этим пожертвовать. Ради кого бы то ни было. Даже ради тебя.

– А наша супружеская жизнь? Ты так быстро о ней забыла?

Прошло всего семь недель, а она говорила об этом, как о далеком прошлом.

– Я теперь уже не тот человек. И, наверное, никогда больше им не буду. Думаю, поэтому я и боюсь с тобой видеться. Я не хочу отвергать тебя. Но я более не тот человек, Олли. Возможно, и раньше им не была, просто не отдавала себе в этом отчет.

У Оливера перехватило дыхание, но он должен был спросить ее:

– У тебя есть кто-то другой?

Неужели? Так быстро? Но все возможно. Да и выглядела она так обворожительно, когда вышла встретить детей. Сара помолодела, с тех пор как покинула Перчес, стала еще красивее, на взгляд Оливера.

– Нет, – ответила Сара с некоторым колебанием. – Пока нет. Но я хочу быть свободной, чтобы встречаться с другими мужчинами.

Господи. Олли не мог поверить, что это она говорит. Но слух его не обманывал. Все было кончено.

– По-моему, этим все сказано, не так ли? Ты хочешь подать на развод?

Рука с трубкой дрожала, когда Олли задал этот вопрос.

– Пока нет. Я не знаю, чего хочу. Пока нет.

Он хотел бы, чтобы Сара в ужасе закричала, отвергая эту

перспективу, но было ясно, что она ее не сбрасывает со счетов. Стало быть, их совместной жизни в любом случае пришел конец.

– Сообщи мне, когда что-то решишь. И все-таки, помо-
ему, ты, Сара, ужасная дура. За эти восемнадцать лет у нас
было столько замечательного, а ты выбрасываешь все вон.

Его слова звучали горько и печально, из глаз все текли
слезы, а душа металась между чувством сожаления и злобы.

– Олли... – Судя по голосу, Сара тоже плакала. – Я все еще
люблю тебя.

– Я не хочу об этом слышать. – Олли не мог больше выно-
сить этих мук. – Я заберу детей завтра в четыре. Пусть ждут
у подъезда. Я подъеду на такси.

Ему вдруг не захотелось ее больше видеть. Он осторожно
оставил телефон, словно к шнуру вместе с аппаратом бы-
ло подсоединено его сердце. Женщины по имени Сара Ват-
сон, которую он знал и любил, больше не существовало. Она
ушла. А может, ее никогда и не было...

Глава 9

Когда на следующий день Олли заехал на Браттл-стрит, сердце у него гулко стучало. Он вышел из машины, позвонил в дверь и сел обратно. Ему не терпелось снова их увидеть, быть с детьми, ни минуты дольше не оставаться одиноким. Без них в Бостоне было ужасно тоскливо. Этот уик-энд останется в памяти навсегда.

Мелисса появилась первая – уверенная в себе, взрослая и очень хорошенькая. Она помахала отцу, и он обрадовался, что у нее хорошее настроение. Ей было полезно наконец повидаться с матерью. Следом за ней вышел Бенджамин, серьезный и озабоченный, но в последнее время он постоянно был таким. Бен сильно изменился с тех пор, как уехала Сара. А может, он просто повзрослел? Оливер не был уверен и беспокоился за старшего сына. Наконец появился и Сэм. Он нехотя плелся, держа в руках большой, кое-как упакованный сверток. Сара подарила ему плюшевого мишку, не будучи уверенной, понравится ли сынишке подарок, но Сэм сразу пожелал с ним спать, а теперь прижимал к себе как самое дорогое сокровище.

Бенджамин забрался на переднее сиденье. Мел уже сидела сзади. Сэм посмотрел на отца широко раскрытыми, грустными глазами. Легко было заметить, что он плачет.

– Привет, старина, что там у тебя?

– Мама мне подарила мишку. Знаешь, на счастье...

Он стеснялся признаться, как ему понравилась игрушка. Сара интуитивно угадала, что сыну нужно – она очень хорошо знала своих детей. Олли обнял Сэма и почувствовал запах духов жены. Сердце заболело от этого запаха и от мысли о ней. А потом, когда Сэм протискивался на сиденье, Оливер поднял глаза и увидел, что Сара стоит в дверях. Она махала им рукой, и в это мгновение Оливеру хотелось выскочить из такси, заключить ее в объятия и увезти. Может, ему еще удалось бы привести ее в чувство, а если нет, он по крайней мере мог бы прикоснуться к ней, обнять, ощутить ее близость. Но Олли заставил себя отвернуться и охрипшим голосом велел таксисту ехать в аэропорт. Когда машина тронулась, он наперекор себе все-таки обернулся. Сара все махала, стоя уже на мостовой, такая красивая и молодая. Глядя на нее, Оливер вдруг почувствовал, что Мелисса что-то сунула ему в руку. Это был маленький мешочек из белого шелка. Он открыл его и увидел кольцо с изумрудом, которое подарил Саре на Рождество. В маленькой записке она просила сохранить его для Мелиссы. Это был еще один удар. Уик-энд выдался для Оливера жестоким. Он молча, сжав зубы и устремив ледяной взгляд в окно, сунул мешочек в карман.

Олли долго ничего не говорил, а только слушал болтовню детей: про то, как готовили ужин, воздушную кукурузу, про квартиру Сары. Даже Сэм повеселел: ему явно пошло на пользу свидание с матерью. Все дети имели ухоженный вид,

а у Сэма волосы были причесаны именно так, как нравилось Оливеру. Ему было больно смотреть на них, словно заново родившихся после общения с матерью и снова отвергнутых. Он не хотел слышать о том, как было здорово, какая мама красивая, как она много занимается, какой у нее симпатичный садик. Он хотел слышать только о том, как сильно она тоскует по ним всем, и особенно по нему, когда она вернется, как ненавидит Бостон и жалеет, что туда поехала. Но теперь Олли знал, что не услышит этого никогда.

Полет в Нью-Йорк проходил скверно, но дети, казалось, даже этого не заметили. Домой добрались к восьми. Агги ждала их с ужином. Они рассказали ей все про Бостон, про то, что делала мама, что она говорила, чем она вообще занимается. Наконец Олли не выдержал. Он поднялся из-за стола и швырнул на пол свою салфетку. Дети в изумлении уставились на него.

– Мне осточертело все это слушать! Я рад, что вы отлично провели время, но, черт побери, неужели нельзя поговорить о чем-нибудь еще?

Ребята подавленно притихли, а Оливера вдруг охватило смущение.

– Извините... Я... так...

Он оставил их и пошел наверх, прикрыл дверь своей комнаты и сидел там в темноте, глядя в окно на луну. Больно было слушать их бесконечные разговоры о ней. Они снова нашли ее. А он потерял. Часы уже нельзя было повернуть

вспять. Она его больше не любит, хотя по телефону убеждала в обратном. Все кончено. Навсегда.

Так он сидел, не зажигая свет, на кровати, кажется, довольно долго. Потом лег и стал глядеть в потолок. Еще через некоторое время раздался стук в дверь, она приоткрылась и появилась Мел, но сначала она не разглядела отца.

– Папа!

Она зашла в комнату и увидела его, лежащего в лунном свете на кровати.

– Извини... мы не хотели тебя расстроить... просто...

– Я знаю, детка, я знаю. Вы имеете право радоваться. Она же ваша мама. На меня просто что-то нашло в тот момент. Даже папы иногда теряют самообладание.

Олли сел, улыбнулся ей и зажег свет. Ему было неловко, что дочь обнаружила, как он хандрит в темноте.

– Просто я по ней очень тоскую... как вы тосковали...

– Но, папа, она говорит, что по-прежнему любит тебя. Мел вдруг стало жаль отца, у него было такое тоскливое выражение глаз.

– Вот и замечательно, дорогая моя. Я ее тоже люблю. Просто иногда трудно понять происходящие перемены.

«...Когда теряешь кого-то очень любимого... когда чувствуешь себя так, словно кончается вся твоя жизнь...»

– Но я привыкну.

Мелисса кивнула. Она обещала матери, что будет помогать ему в меру своих возможностей, и была к этому готова.

Она в этот вечер уложила Сэма спать с его мишкой, сказав, что папу надо оставить в покое и лечь в свою постель.

– А что, папа заболел? Мел покачала головой.

– Он сегодня странно себя вел, – допытывался Сэм. – Он был очень обеспокоен.

– Папа просто расстроен, вот и все. Я думаю, он переживает свидание с мамой.

– По-моему, было классно.

Он радостно улыбнулся, обнимая мишку. Мел улыбнулась ему, чувствуя себя совсем взрослой.

– По-моему, тоже. Но я думаю, что им, родителям, тяжелее.

Сэм кивнул, будто тоже это понимал. А потом спросил сестру о том, о чем не решался спросить у мамы и папы:

– Мел... как ты думаешь, она вернется?.. Ну, как раньше... сюда, к папе и ко всем...

Сестра долго не отвечала ему, стараясь понять, что ей подсказывали ум и сердце, но, как и для ее отца, ответ для нее был уже ясен.

– Не знаю... но думаю, что нет.

Сэм снова кивнул. Теперь, после свидания с мамой, ему было легче с этим свыкнуться. Она обещала, что через пару недель он сможет опять к ней прилететь, но ничего не сказала, что сама приедет к ним в Перчес.

– Как думаешь, папа на нее очень сердится? Мел покачала головой:

– Нет, я думаю, ему просто грустно. Поэтому он и психанул за ужином.

Сэм еще раз кивнул и улегся на подушку.

– Спокойной ночи, Мел... Я тебя люблю.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его, и ласково погладила по голове, в точности как делала Сара в Бостоне.

– Я тебя тоже люблю, хотя ты иногда и вредничаешь.

Они оба рассмеялись. Мел выключила свет, закрыла за собой дверь, а когда возвращалась в свою комнату, то увидела, как Бенджамин вылез в окно и быстро спрыгнул на землю. Мел за ним наблюдала, но не сказала ни слова. Она только опустила жалюзи и легла. Ей было о чем подумать, как и всем им в эту ночь. Все они долго не спали и думали о Саре. А что касается «прогулки» Бена, то Мел решила, что это его личное дело. Впрочем, легко было догадаться, куда именно отправился брат. Несмотря на все еще действовавший запрет, он отправился к Сандре.

Глава 10

Дафна вошла в кабинет Оливера на следующее утро, в начале одиннадцатого, и сначала подумала, что у него все в порядке. Она знала, что Олли на уик-энд возил детей в Бостон к Саре.

– Ну и как?

Но едва она задала вопрос, как увидела ответ в глазах своего коллеги и друга.

– Лучше не спрашивай.

– Извини. Мне очень жаль.

Ей в самом деле было жаль и его, и детей.

– И мне тоже. Ты уже подобрала слайды?

Дафна кивнула, и опасной темы они больше не касались. Они работали без перерывов до четырех часов, работа наконец принесла Олли облегчение. Это было замечательно – не думать о Саре и даже о детях.

В тот вечер он вернулся домой в девять, так было и в последующие дни. Они срочно готовили материалы для важного клиента. Однако теперь дети были в порядке.

Через три недели после первого визита Сара снова пригласила ребят в Бостон, но на этот раз Оливер с ними не полетел. Он отправил Мел с Сэмом. Бенджамин уже запланировал катание на лыжах с друзьями и не хотел его отменять.

Вечером в пятницу Олли вернулся поздно. Дома было ти-

хо и темно. Даже Агги отпросилась на несколько дней и уехала к сестре в Нью-Джерси. Одиночество было непривычно, но в то же время давало возможность передохнуть. С тех пор как Сара уехала, миновало три месяца, три месяца забот, плача, беспокойства, ежечасной ответственности и ежедневной спешки из Перчеса в офис и обратно. Иногда ему казалось, что Дафна права. Переезд в Нью-Йорк решил бы многие проблемы, но Олли считал, что семья к этому не готова. Может, через год или два... Глупо было загадывать так далеко, когда Сары не было. Его жизнь напоминала выжженную пустыню.

В субботу вечером Олли поужинал со своим отцом, а в воскресенье пополудни поехал навестить мать. Она являла собой удручающее зрелище и говорила только о том, что хочет вернуться домой, работать в садике. Она не совсем понимала, где находится, но в некоторые моменты, казалось, сознание к ней возвращалось.

– Как тебе живется, папа? – спросил Олли у отца в тот вечер, когда они отправились на ужин.

– Помаленьку, – усмехнулся тот. – Ужасно одиноко без мамы.

Олли вздохнул и грустно улыбнулся ему в ответ:

– Я тебя понимаю, папа.

Какая-то ирония была в том, что они оба теряли жен в одно время. Ирония, трагедия и бесконечная боль.

– По крайней мере у тебя есть дети для компании.

– Ты бы чаще приезжал повидаться с ними. Сэм по тебе ужасно скучает.

– Может, завтра во второй половине дня?

Но Олли объяснил, что Мел с Сэмом в Бостоне с матерью.

И на этот раз они вернулись в прекрасном настроении, но Мел предупредила брата, чтобы при папе он слишком не увлекался рассказами о поездке. И специально велела не упоминать Жан-Пьера. Это был друг Сары, который заходил к ней в субботу вечером. Мел подозревала, что он неравнодушен к их матери. Ему было двадцать пять лет, он окончил университет во Франции, всех ужасно смешил, рассказывал анекдоты и из всякой всячины приготовил вкусную пиццу. Сэм считал, что он классный парень, но Мел заверила брата, что папа не хотел бы о нем слышать.

– А как ты думаешь, у него с мамой любовь?

Сэм всегда был любопытным; ему показалось, что они целовались, когда однажды он зашел на кухню взять банку кока-колы.

Но Мел поспешила опровергнуть его теорию.

– Не говори глупости.

Оба были радостно возбуждены еще и потому, что Сара пообещала им поездку на весенние каникулы.

– Как думаешь, куда мы поедем? – спросил Сэм.

– Не знаю, видно будет.

В конце концов, Сара решила забрать их всех на неделю кататься на лыжах в штат Массачусетс. Даже Бенджамин со-

гласился с ними поехать. Буквально за пять дней до их отъезда Оливеру на работу позвонили из школы, в которой учился Бен. Оказалось, что парень уже не один месяц прогуливает уроки и может лишиться аттестата.

– Бенджамин?

Оливер был в недоумении. Его вызвали к телефону с собрания, и он испугался, что с Беном произошел несчастный случай.

– Это невероятно. Он всегда считался одним из лучших учеников.

– Но не теперь, мистер Ватсон, – заметил заместитель директора. Звонил именно он. – С января мы практически не видели его на занятиях. В этом полугодии у него незачет почти по всем предметам.

– Почему же вы мне раньше не позвонили? Зачем было так долго ждать?

Оливер был возмущен и зол: на сына, на себя, на школу, на Сару, которая заварила всю эту кашу. Казалось, что бедствия никогда не кончатся.

– Мы на протяжении трех месяцев слали вам уведомления, но вы не отвечали.

«Ах, сукин сын...»

Олли моментально понял, что произошло. Бенджамин их скрыл от отца, чтобы тот ничего не знал.

– А что с его документами в колледж?

– Не знаю. Мы, конечно, уведомим вузы, которые он ука-

зал в заявлении, он ведь раньше всегда был сильным учеником. Мы понимаем, что в его случае имеются смягчающие обстоятельства. Может, если он согласится позаниматься летом... Во всяком случае, все будет зависеть от последнего полугодия.

– Я вас понял. – Оливер прикрыл глаза, пытаясь все это переварить. – Есть ли еще какие-то школьные проблемы, о которых мне следует знать?

Он чувствовал, что это не все, и со страхом приготовился слушать.

– Вообще-то, знаете, некоторые вещи от нас не зависят...

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду девушку по фамилии Картер. Нам кажется, она отчасти виновница проблем Бенджамина. У нее самой в этом году сложности, родители разошлись, да и в смысле учебы она никогда не блистала, не то что Бенджамин раньше. В общем, мне кажется, что их увлечение друг другом не идет на пользу занятиям. Поговаривают даже, что она бросит школу. Ее матери мы уже сказали, что дочь не получит аттестат со своим классом...

«Черт подери», – выругался про себя Оливер. Он подверг Бена наказанию, велел к ужину являться домой, а тот прогуливает занятия ради какой-то дурехи, которую вот-вот исключат из школы.

– Я этим займусь. И постараюсь, чтобы это не повлияло на поступление Бенджамина в колледж.

Оливер ждал, что в один прекрасный день ему сообщат: Гарвард... Принстон... Йель... И вот на тебе – аттестат на волоске.

– Может, вы смогли бы проводить с ним больше времени дома? Мы понимаем, что вам теперь, после отъезда миссис Ватсон, очень сложно...

Слова резанули его как бритвой, он делал все, что мог, чтобы быть с детьми, но фраза, сказанная однажды Бенджамином, продолжала звенеть у него в ушах: «Ты приходишь домой не раньше девяти...»

– Я сделаю что смогу. И поговорю с ним сегодня же.

– Очень хорошо. А мы со своей стороны будем вас информировать.

– Да, да. В следующий раз звоните мне прямо на работу.

– Непременно.

Оливер положил трубку и некоторое время сидел, повесив голову, с трудом переводя дыхание. А потом, не зная, что делать, набрал номер Сары в Бостоне. Но, к счастью, ее не было. Ведь теперь это была не ее проблема. Она их всех покинула. Проблему должен был решать он.

В тот день Олли ушел с работы в четыре и был дома около шести. Вскоре появился Бенджамин, на вид довольный собой, с учебниками под мышкой. Отец холодным как сталь взглядом остановил его.

– Зайди, пожалуйста, в кабинет, Бенджамин.

– Что-нибудь случилось?

Судя по отцовскому выражению лица, действительно что-то было неладно, но Бенджамин и не подозревал, что его ждет. Едва он переступил порог, как получил увесистую пощечину. Впервые в жизни Олли ударил кого-то из своих детей, если не считать шлепка четырехлетнему Бенджамину, когда тот воткнул вилку в электрическую розетку. В тот раз Олли хотел дать ему кое-что понять, и в этот раз тоже. Но кроме того, им владело чувство вины и разочарованности. Бенджамин даже покачнулся от удара, покраснел и сел, не сказав отцу ни слова. Оливер, закрыл за ним дверь. Теперь Бен понял, что отцу стало известно если не все, то по крайней мере большая часть, и представлял себе его реакцию.

– Прости... Я не хотел... Но я чувствую себя обманутым. Сегодня мне позвонили из твоей школы, мистер Янг... Что ты, черт подери, вытворяешь?

– И-извини, папа...

Бен уставился в пол, а потом снова поднял глаза на отца.

– Я просто не мог... Не знаю.

– Тебе известно, что твой аттестат на волоске?

Бенджамин кивнул.

– Ты понимаешь, что после такого тебя могут не, принять в порядочный колледж? Что могут оставить на второй год или назначить переэкзаменовку на осень? А куда, черт подери, делись все их уведомления, которые они якобы мне посылали?

– Я их выбросил.

Бенджамин был с ним честен и снова напоминал десятилетнего мальчишку, когда смотрел на отца полными отчаяния глазами.

– Я думал, что наведу порядок с учебой, и ты ничего не узнаешь.

Оливер прошелся по комнате, потом остановился и устремил взгляд на сына.

– А какое к этому имеет отношение та девица? Кажется, ее зовут Сандра Картер?

На самом деле Олли четко запомнил, как ее зовут. Он давно подозревал, что Бенджамин скрывает от него какой-то роман, но не думал, что дело зашло так далеко.

– Сдается мне, что ты с ней спишь. И как долго это продолжается?

Бенджамин долго смотрел в пол и не отвечал.

– Да отвечай же наконец! В чем дело? Янг сказал, что она собирается бросить школу. Что это за девушка и почему я ее до сих пор не знаю?

– Она отличная девушка, папа. – Бен вдруг строптиво посмотрел на отца. – Я люблю ее, и она нуждается во мне.

Он решил не отвечать на остальные вопросы.

– Отлично. Чтобы было с кем вылететь из школы.

– Она не собирается вылетать... но... у нее просто сложное время... ее отец бросил мать, и... да ладно. Это долгая история.

– Весьма тронут. И твоя мать тебя бросила, и вы, взявшись

за руки, друженько потопаете вон из школы. А что потом? Ты будешь всю оставшуюся жизнь работать заправщиком на бензоколонке, а она официанткой в баре? Я от тебя ожидаю не этого, да и ты сам хочешь другого. Ты способен на большее, и она, вероятно, тоже. Ей-богу, Бенджамин, возьми себя в руки.

Лицо у Оливера стало напряженным, черты заострились. Сын никогда его таким не видел, но переживания последних трех месяцев не могли не сказаться.

– Я хочу, чтобы ты прекратил встречаться с этой девушкой. Немедленно! Ты меня понял? В противном случае я отправлю тебя в какое-нибудь военное училище, будь они прокляты. Я не намерен позволять тебе выбрасывать свою жизнь коту под хвост только потому, что ты огорчен и все мы переживаем сложный период. Жизнь не раз будет подставлять тебе ножку, сын мой. И главное – не сломаться от этого, а, наоборот, стать сильнее.

Бенджамин спокойно поднял глаза. В его взгляде было отцовское, хуже – материнское упрямство.

– Папа, я исправлю свои оценки и перестану прогуливать школу. Но я не собираюсь прекращать свиданий с Сандрой.

– Да нет, черт подери, прекратишь, прекратишь, если я тебе велю. Ты меня понял?

Бенджамин встал. Его голубые глаза горели.

– Я не перестану с ней встречаться. Говорю тебе честно. И ты меня не заставишь. Или я уйду из дома.

– Это твоё последнее слово на данную тему?

Бенджамин только кивнул.

– Прекрасно. Тогда я запрещаю тебе встречаться с ней до конца школы, до тех пор, пока твои оценки не станут такими, как прежде, пока я не узнаю, что ты не отлучаешься из класса даже на пять минут в туалет, пока ты не окончишь школу и не поступишь в тот колледж, которого достоин. Вот тогда подумаем насчет Сандры.

Мужчины стояли, с яростью глядя друг на друга. Ни один из них не дрогнул.

– А теперь иди к себе в комнату. И предупреждаю тебя, Бенджамин Ватсон, я намерен контролировать тебя день и ночь, так что не пытайся ловчить. Если понадобится, я позвоню её матери.

– Не трудись. Её никогда нет.

Оливер кивнул, всё ещё не зная, как быть со старшим сыном. Его озадачила непреклонная верность Бена его девушке. Неужто она в самом деле такая стоящая?

– Можно идти?

– Ступай...

Когда Бенджамин уже был у двери, Оливер мягко добавил:

– Извини, что я тебя ударил. Я, по-моему, тоже на пределе, а тут ещё эта ерундистика с тобой совсем некстати.

Бенджамин кивнул и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Оливер медленно опустился в кресло, чувствуя

дрожь во всем теле.

Лишь неделю спустя, обдумав все как следует, он определил для себя, как надо поступить, чтобы по крайней мере улучшить ситуацию. Олли пошел к директору школы, поговорил с ним, тот сначала упорствовал, но потом согласился на план Оливера при условии, что тот найдет для Бена школу примерно такого же уровня. Выход был единственный, и, хотя детям поначалу могло быть тяжело, именно такой рецепт казался спасительным.

Сначала Оливер отправил их всех к Саре на зимние каникулы. Бенджамин не хотел ехать, но Олли всяческими запугиваниями все-таки заставил его. В течение недели, пока не было детей, Оливеру удалось найти очень хорошую школу, в которой согласились взять Бена. План состоял в том, чтобы перевезти детей как можно скорее в Нью-Йорк, снять квартиру и определить их в новые школы. Бенджамин в этом случае не смог бы общаться с девушкой, и друзья бы его не отвлекали от занятий, а Оливер мог бы каждый вечер к шести быть дома. Дафна предлагала это два месяца назад, и тогда Олли сказал, что никогда так не сделает, разве что через несколько лет, теперь же его поступок был продиктован отчаянием.

Обе школы дали согласие. Школа в Перчесе даже согласилась выпустить Бенджамина с его же классом, если он успешно проучится в Нью-Йорке два оставшихся месяца, сдаст экзамены и будет посещать в Перчесе же дополнительные лет-

ние занятия. Вариант был превосходным. Без особых хлопот Мел приняли в престижную школу для девочек «Аппер Ист-Сайд», а Сэма в «Коллиджит скул». Это были хорошие перемены, хотя и несколько поспешные. В последние два дня перед приездом детей Оливер бегал с Дафной по всему городу, пока наконец не нашел очень приличную квартиру, ее сдавал на год банкир, уезжавший с женой и детьми в Париж. В квартире были четыре спальни, большая удобная кухня с примыкавшей к ней комнатой для Агнес, из окон открывался приятный вид, в подъезде дежурили швейцар и лифтер. За наем нужно было выложить целое состояние, но Оливер посчитал, что квартира того стоит. Итак, за десять дней он сделал все, что от него зависело. Теперь оставалось сообщить новость детям, когда вернутся.

После подписания договора найма Олли сидел с Дафной в гостиной. Она с беспокойством присматривалась к коллеге. Для человека, который еще два месяца назад не хотел никаких перемен, теперь он действовал очень стремительно. Оливер стал таким после того, как понял, что Сара не вернется.

– Я думаю, нам всем это пойдет на пользу.

Олли словно оправдывался перед ней, хотя в этом не было нужды.

– Я тоже. Но что, по-твоему, скажут дети?

– Что они могут сказать? Я не могу контролировать Бенджамина, когда приходится ездить туда-сюда. Если они это

воспримут как трагедию и не привыкнут до июня, мы всегда можем вернуться обратно в Перчес, и осенью они пойдут в свои прежние школы. Но мне думается, так надо было сделать с самого начала.

Дафна снова кивнула. Он был прав. Всегда можно вернуться, а сейчас очень важно оградить Бенджамина от волн, которые его захлестывали в Перчесе.

– А твой шаг не кажется тебе слишком радикальным?

– Хочешь сказать, что я спятил?

Олли нервно улыбнулся ей. Он только что сам задавал себе этот вопрос, удивляясь, сколько всего натворил, пока дети были с матерью на каникулах. Он боялся им говорить, но в то же время был радостно взволнован. Для всех них наступала интересная новая жизнь, а для проблем Бенджамина, казалось, нет лучшего решения.

– По-моему, ты поступаешь правильно. Только для них это будет опять большая ломка.

– Может, на этот раз в хорошем направлении.

Олли прошелся по гостиной. Квартира была симпатичная, он подумал, что детям она понравится, особенно Мелиссе. Дом стоял на 84-й улице, по обеим сторонам обсаженной деревьями, в двух кварталах от Централ-парка. Именно этого хотел Оливер, когда решил искать квартиру в городе.

– А ты, Даф, что думаешь? Ты в самом деле считаешь, что я спятил?

Он вдруг испугался разговора с детьми. Что, если они

опять станут невменяемыми? А ведь, принимая это решение, он был так уверен в его правильности.

– Я не считаю, что ты спятил, и думаю, все будет хорошо. Просто не ожидай, что они будут прыгать от радости и кричать, какая это великолепная идея. Перемена их вначале испугает, хоть ты и делаешь все, чтобы ее смягчить. Дай им время привыкнуть.

– Да-да. Как раз об этом я и думал.

И все-таки Олли не ожидал, что реакция детей будет такой резкой. Новость он им сообщил на следующий день. Он встретил их в аэропорту и повез в город, обещая показать кое-какой сюрприз. Ребята были в прекрасном настроении, по пути рассказывали ему, где были, что видели, как здорово покатались с мамой на лыжах. На этот раз их болтовня его не расстроила, он слишком волновался, как они воспримут его нью-йоркский сюрприз.

– Папа, мы что, едем к Дафне? – спросила Мелисса.

Но Олли только покачал головой. Утром он сказал Агнес. Та была изумлена, но согласилась на переезд в Нью-Йорк. Для нее было важно оставаться с детьми.

Олли подъехал к дому, припарковал машину и повел их внутрь. Дети с любопытством озирались.

– Па, а кто здесь живет? – допытывался Сэм, но Оливер снова покачал головой, провел их в лифт и нажал на кнопку седьмого этажа.

– Да, сэр, – улыбнулся лифтер.

Швейцар сразу узнал в нем нового-жильца квартиры 7Н и поэтому не спросил, куда они идут.

Оливер встал перед дверью квартиры и позвонил. Никто не открыл. Тогда он пожал плечами, достал из кармана ключ, открыл дверь и широко распахнул ее, пропуская детей. Они стояли, уставившись на него, думая, не сошел ли папа с ума.

– Заходите, ребята, не стесняйтесь.

– А чья это квартира? – шепнула Мел, не решаясь войти, Сэм же спокойно вошел и стал озираться. Внутри никого не было, и Сэм дал знак остальным следовать за ним.

Тут Бенджамин догадался, вид у него был очень расстроенный. Но Мел стала громко восхищаться, какая замечательная старинная мебель в квартире.

– Я рад, что тебе нравится, моя милая, – улыбнулся Олли.
– Это наше новое нью-йоркское жилище. Ну, как вам?

– Ого! – Мелисса была в восторге. – Папочка, а когда мы будем здесь жить?

Раньше у них никогда не было квартиры в Нью-Йорке. Сэма это озадачило:

– Значит, на неделе ты больше не будешь приезжать домой, а, пап?

– Конечно, буду. Гораздо раньше, чем прежде. Мы все будем здесь жить до конца учебного года, а потом опять вернемся сюда в сентябре.

Олли старался увлечь их этой идеей, но вдруг понял, что у него не получилось и дети испуганы.

– Ты хочешь сказать, что мы сюда переезжаем? – в ужасе спросила Мел. – А как же наши друзья?

– Вы можете встречаться с ними в уик-энды и летом. А если нам не понравится, мы не будем сюда возвращаться осенью. Но я думаю, что нам надо хотя бы попробовать.

– Ты хочешь сказать, что мне сейчас придется менять школу?

Мелисса не могла поверить. Скрывать от нее правду не имело смысла. Олли кивнул и посмотрел на их лица. Сэм, казалось, был ошарашен, а Мел опустилась в кресло и расплакалась. Бенджамин вообще ничего не сказал, только смотрел на отца с каменным лицом. Он знал, что эта мера предпринимается в том числе и из-за него, но его гнева это не умаляло. Отец не имеет права так с ними поступать, никакого права. Мало того, что уехала их мать, а теперь они сами должны менять школы и переезжать в Нью-Йорк. Внезапно все круто поворачивалось. Но именно этого хотел Оливер, особенно в отношении старшего сына, и Бенджамин это понимал.

– Ну, что вы, ребята, все будет отлично. Подумайте, какая новая, интересная жизнь начинается.

– А как же Агги?

Сэм еще больше расстроился. Он не хотел больше расставаться с теми, кого любил, но отец быстро успокоил его:

– Она тоже переезжает.

– А Энди?

– И он может с нами жить, пока не начнет безобразни-

чать. А если будет грызть мебель, придется отправить его к дедушке и забирать в уик-энды.

– Он будет вести себя хорошо. Обещаю тебе.

У Сэма были широко раскрыты глаза, но он по крайней мере не плакал.

– А можно посмотреть мою комнату?

– Конечно, – обрадовался Олли. Хоть Сэм проявил интерес. Мелисса продолжала строить из себя обиженную, а Бенджамин угрюмо уставился в окно. – Пока это не бог весть что, но когда мы перевезем сюда часть твоих вещей, будет грандиозно.

К счастью, у владельца квартиры были двое – сыновей и дочь, поэтому две детские имели все признаки мальчишеских, а третья была оформлена в розовых тонах, оригинально обставлена и в два раза больше той, в Перчесе. Но Мел отказалась даже зайти в нее. Сэм все доложил сестре, когда вернулся в гостиную.

– Там все о'кей. Мел... она розовая... тебе понравится...

– Мне все равно. Я сюда не перееду. Поселюсь с Кэрол или с Дебби.

– Нет, дорогая моя.

Голос у Оливера был спокойный и твердый.

– Ты переедешь сюда со всеми нами. Я устроил тебя в отличную школу. Я понимаю, что это тяжело, но так будет лучше, поверь мне, Мел.

Как только Оливер замолчал, Бенджамин неожиданно по-

вернулся к брату и сестре:

– Он просто хочет держать меня под присмотром и подальше от Сандры. А как насчет уик-эндов, папа? В уикэнды тоже нельзя будет с ней встречаться?

– Нельзя, пока не исправишь свои оценки. Я же тебе сказал, это не шутки. Все твои шансы на поступление в приличный колледж могут развеяться как дым.

– Меня это не колышет. Это не имеет никакого значения.

– Но для тебя это имело значение, когда ты посылаешь документы, или ты забыл?

– С тех пор много воды утекло, – мрачно пробормотал Бен и снова отошел к окну.

– Так, посмотрели все, что хотели?

Несмотря ни на что, Оливеру удавалось сохранять веселый тон, но только Сэм его поддерживал.

– А двор здесь есть?

Оливер улыбнулся:

– Тут кое-что другое. В двух кварталах отсюда Централ-парк. На крайний случай сойдет, правда?

Сэм кивнул в знак согласия:

– Пошли, что ли?

Мелисса торопливо направилась к двери, Бенджамин медленнее, с задумчивым видом пошел за ней.

В Перчес ехали молча, все были погружены в свои собственные мысли. Лишь Сэм время от времени задавал вопросы.

Агнес ждала их дома с ужином, за которым Сэм рассказывал ей о новой квартире:

– Я смогу играть в футбол в Централ-парке... и комната у меня довольно большая... и мы сюда вернемся, как только кончатся занятия в школе, на лето. Как моя школа называется, па?

– Коллиджит.

– Коллиджит, – повторил он.

Агги внимательно слушала и поглядывала на двух старших ребят. Ни Бенджамин, ни Мел не проронили за столом ни слова.

– Когда мы переезжаем? – переспросил Сэм.

– В следующий уик-энд.

Только Оливер это произнес, Мелисса снова разревелась, чуть позже Бенджамин поднялся из-за стола. Он спокойно взял со столика в прихожей ключи от машины и, не говоря ни слова, на глазах у отца уехал.

В этот вечер Мел больше не появлялась из своей комнаты и даже заперла дверь. Один Сэм радовался переезду. Для него это было нечто новое и интересное. Уложив его, Оливер снова спустился вниз и стал дожидаться Бенджамина. С ним надо было серьезно поговорить насчет его поведения.

В два часа ночи его еще не было, и Олли все больше и больше нервничал. Наконец он услышал скрип гравия под колесами. У дома остановилась машина. Дверь тихо открылась, Оливер вышел в прихожую встретить его.

– Не желаешь пройти на кухню поговорить? Вопрос был чисто риторический.

– Нам не о чем говорить.

– С кем-то ты мог проговорить до двух часов ночи, а с отцом не о чем? Или это не тот разговор?

Не дожидаясь ответа, он прошел на кухню и выдвинул два стула. Но Бенджамин сел не сразу.

– Что происходит, Бенджамин?

– Ничего, о чем я бы хотел с тобой поговорить.

Они вдруг стали врагами. Это произошло в считанные часы, и было тем более обидно и больно.

– Почему ты на меня так злишься? Из-за мамы? Ты все еще меня винишь в этом?

– Это твоя забота. У меня есть свои. Мне не нравится, что ты стал указывать, что я должен делать. Я уже вырос из этого возраста.

– Тебе семнадцать лет, ты еще не взрослый, как бы тебе этого ни хотелось. И ты не можешь поступать вопреки всем правилам, рано или поздно тебе придется заплатить за это высокую цену. В жизни всегда есть определенные правила, нравится это тебе или нет. Вот теперь, например, ты можешь не поступить в колледж.

– Плевал я на колледж.

Его слова ошарашили Оливера.

– То есть как это?

– У меня есть дела поважнее, о которых надо думать.

Был момент, когда Олли подумал, что Бенджамин пьян, но на вид он был трезвый.

– Например, какие? Та девушка?.. Сандра Картер? В твоём возрасте это несерьёзно. А если и серьёзно, тебе придётся подождать с этим достаточно долго. Сначала надо окончить школу, поступить в колледж, получить профессию, чтобы содержать жену и детей. У тебя впереди долгий путь, и лучше с него сейчас не сбиваться, а то и глазом не моргнешь, как завязнешь в дерьме.

Бенджамин слушал и, казалось, внял доводам отца, но тут же поднял глаза и посмотрел на него в упор:

– Я не поеду с вами в Нью-Йорк. Не поеду.

– У тебя нет выбора. Тебе придётся. Дом будет закрыт, за исключением уик-эндов. И я не разрешу жить тебе здесь одному, это ясно как день. Если хочешь знать, мы переезжаем туда главным образом из-за тебя, чтобы ты мог одуматься, пока не поздно, а я смогу уделять всем вам больше времени по вечерам.

– Теперь уже поздно. Я не еду.

– Почему?

Наступило продолжительное молчание. Оливер ждал. А потом наконец Бенджамин ответил:

– Я не могу оставить Сандру.

– Но почему же? А если я разрешу тебе встречаться с ней в уик-энды?

– Ее мать переезжает в Калифорнию, и Сандре некуда

даться.

– И она что, не едет с матерью? – простонал Оливер.

– Они не ладят. И отца она ненавидит. Она к нему в Филадельфию тоже не поедет.

– Что же она думает делать?

– Бросить школу, устроиться на работу и остаться здесь.

Но я не намерен оставлять ее.

– Очень благородно с твоей стороны. Но она, судя по всему, очень самостоятельная.

– Нет. Я ей нужен.

Бен впервые открылся и говорил о ней. Оливера тронуло, но и испугало услышанное. Похоже, Сандра не была той девушкой, с которой следовало бы встречаться его сыну. С ней могли быть проблемы.

– Папа, я не могу ее оставить.

– Все равно тебе придется с ней расстаться осенью, когда ты поступишь в колледж. Лучше привыкнуть к этому сейчас, а потом будет труднее.

Но Бенджамин только покачал головой:

– Я не могу уехать.

Он был непоколебим. Оливера это совершенно сбilo с толку.

– В колледж или в Нью-Йорк? – спросил он.

– Ни туда, ни туда, – упрямо, с отчаянием на лице произнес Бенджамин.

– Но почему?

Снова наступило молчание. Наконец Бенджамин поднял глаза на отца, он решил все ему рассказать. Он достаточно долго носил это в себе, а раз уж отец так хочет знать, надо ему сказать.

– Потому, что она беременна.

– О Господи... О Господи!.. Почему же, черт подери, ты мне раньше не сказал?

– Я не знал... Я не знал, как ты отреагируешь... И потом, это моя проблема.

Он повесил голову, чувствуя, как и в предыдущие месяцы, тяжесть этого груза.

– И поэтому мать бросает ее и уезжает в Калифорнию?

– Отчасти. Но они вообще не ладят, и у матери есть новый друг.

– А что она думает по поводу беременности дочери?

– Она считает, что это проблема Сандры, а не ее. Она уговаривает ее сделать аборт.

– Ну?.. И Сандра сделает?

Бенджамин покачал головой и посмотрел на отца. В его взгляде была вера во все те ценности, в которые верил и Оливер.

– Я бы ей не разрешил.

– Бог ты мой, Бенджамин... – Оливер вскочил и стал шагать по кухне. – Ты бы ей не разрешил? Почему? Скажи на милость, на что семнадцатилетней девочке малютка? Или, может, она хочет отдать его в приют?

Бенджамин опять покачал головой:

– Она говорит, что хочет оставить его.

– Бенджамин, послушай. Ты гробишь три жизни, а не одну. Уговори ее сделать аборт.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Она на четвертом месяце.

Олли снова тяжело опустился на стул.

– Ну и в переплет ты попал. Ничего удивительного, что ты прогуливаешь уроки и проваливаешь экзамены. Но у меня для тебя есть новость: мы вместе преодолеем эти трудности, однако ты на следующей неделе переедешь со мной в Нью-Йорк, что бы ни случилось – конец света, всемирный потоп или еще что-нибудь.

– Пап, я же тебе уже сказал.

Бенджамин поднялся. Видно было, что терпение у него кончается.

– Я не намерен ее бросать. Она одна и беременна, беременна моим ребенком. И она, и ребенок мне небезразличны.

А потом его глаза вдруг наполнились слезами. Он устал и не хотел больше спорить. Да и чем мог помочь в его ситуации отец?

– Папочка, я люблю ее... Пожалуйста, не вмешивайся в это.

Бенджамин не сказал ему, что предложил Сандре жениться, но она считала брак глупостью. Она не хотела, чтобы все

кончилось разводом, как у ее родителей.

Оливер подошел и положил ему руку на плечо.

– Ты должен поступать разумно... правильно для вас обоих. А от того, что ты выбросишь свою жизнь коту под хвост, пользы никому не будет. Где она сейчас живет?

Во время их разговора у Олли в голове мелькали сотни вариантов, и одним из них было оплатить пребывание Сандры в общежитии для матерей-одиночек.

– Дома, но она переедет на квартиру в Порт-Честере. Я помог ей оплатить наем.

– Очень благородно с твоей стороны, но вскоре ей понадобится гораздо-гораздо больше денег. Ты представляешь себе, какое дорогое удовольствие – дети? Сколько стоит иметь одного?

– Что ты предлагаешь, пап? – В голосе Бена опять зазвучала горечь. – Сделать аборт, потому что это дешевле? У нее внутри мой ребенок. Я люблю его и люблю ее, и я их обоих не брошу, понимаешь? И в Нью-Йорк я не поеду. Я исправлю оценки здесь. И если надо будет, поселюсь с ней.

– Ну, я не знаю, что тебе еще сказать. Ты уверен, что она на четвертом месяце?

Бенджамин кивнул, а Оливер удрученно подумал, что этот небольшой «инцидент» совпал с отъездом Сары. Все они на некоторое время свихнулись, только вот безумство Бенджамина отразится на всей его жизни.

– А она не передумает?

Бенджамин в очередной раз покачал головой.

– Нет, мы не передумаем, папа. Забавно, знаешь, я всегда думал, что ты против абортов.

Удар был не в бровь, а в глаз. Оливер в свое время воевал с Сарой, чтобы спасти своих троих детей, а теперь хотел, чтобы жертвой аборта стал ребенок Бенджамина. Но сопоставлять те случаи и этот было нелепо.

– В большинстве случаев, да. Но то, что делаешь ты, может поломать тебе жизнь, и я пекусь больше о тебе, чем о том ребенке.

– Тот ребенок – это часть меня, тебя, мамы... Сандры... и я не позволю никому убивать его.

– На какие средства ты намерен содержать его?

– После окончания школы я могу устроиться на работу, если будет нужно. И Сандра может работать. Она не стремится что-то от меня получить. Просто, раз уж так произошло, мы стараемся делать как лучше.

Перспектива не была радужной, и Бен понимал это.

– Ты давно узнал?

Теперь стала понятна его серьезность в последние месяцы, постоянные исчезновения и неповиновение запретам.

– Да нет. Пару месяцев назад. Сначала она сомневалась, потому что месячные у нее вообще бывают нерегулярно, а потом я отвел ее к врачу.

– Так, молодец. А сейчас? Она наблюдается как положено?

– Раз в месяц я хожу с ней к доктору.

Это было уму непостижимо... его ребенок... его первенец... станет отцом.

– Этого ведь достаточно, да?

На лице у Бена снова появилась озабоченность.

– Пока. Как думаешь, она согласилась бы пойти в общежитие для матерей-одиночек? Там бы она была под наблюдением, да и с формальностями бы помогли, если что.

– Какими формальностями? – переспросил Бенджамин. Казалось, он все время что-то подозревает.

– Все зависит от нее... и от тебя... но, во всяком случае, у нее будет приличная крыша над головой и компания девушек в таком же положении.

Бенджамин кивнул. Над этим предложением стоило подумать.

– Я спрошу у нее.

– И когда предполагаются роды?

– В конце сентября.

– Ты к тому времени будешь в колледже.

– Возможно.

На эту тему мог разгореться новый спор, но оба слишком устали, чтобы его начинать. Было уже начало пятого утра.

– Ложись спать. Завтра поговорим.

Олли с нежностью и грустью коснулся плеча сына:

– Очень жаль, сынок. Очень жаль, что с вами такое приключилось. Что ж, будем эту проблему решать.

– Спасибо, папа.

Но ни тот ни другой, похоже, не знали, как ее решать, когда медленно поднимались на второй этаж, погруженные в свои мысли и заботы. Двери их спален тихо за ними закрылись.

Глава 11

Всю эту неделю они вели беседы до поздней ночи и так ни к чему и не пришли. В один из вечеров Оливер даже поехал познакомиться с Сандрой и был удручен. Она была хорошенькая, не слишком умная, испуганная и одинокая, и как бы не от мира сего. Лишь на Бенджамина она возлагала надежды на спасение. Только в одном она была тверда, в точности как Бенджамин – она была намерена родить их ребенка.

Оливером завладело такое отчаяние, что он в конце концов позвонил Саре:

– Ты знаешь, что происходит в жизни твоего старшего сына?

Олли понимал, что это звучит как фраза из телесериала, но что-то надо было предпринять, не мог же Бен навсегда связать свою судьбу с этой девушкой и их ребенком.

– Он мне вчера вечером звонил. По-моему, тебе не следует вмешиваться.

– Ты с ума сошла? – Оливер готов был удавить ее телефонным проводом. – Ты что, не понимаешь, чем это чревато для его жизни?

– А что, по-твоему, он должен сделать? Убить девушку?

– Не носи чушь, ради Бога. – Оливер не мог поверить, что она говорит серьезно. – Она должна сделать аборт или в крайнем случае отдать ребенка в приют. А Бенджамину надо

взяться за ум.

– Что-то на тебя это не похоже... С каких пор ты стал сторонником абортов?

– С тех пор, как мой семнадцатилетний сын сделал ребенка своей семнадцатилетней подруге и вознамерился из благородных побуждений поломать жизнь им обоим.

– Ты не имеешь права вмешиваться в то, что он считает правильным.

– Не могу поверить, что слышу это от тебя. Что с тобой? Тебя что, не волнует его образование? Ты понимаешь, что он хочет бросить школу и поставить крест на колледже?

– Он образумится. Вот увидишь, когда ребенок родится и начнет орать день и ночь, как он сам орал, тогда Бен будет умолять тебя помочь ему куда-нибудь сбежать, а пока пусть делает то, что считает правильным.

– По-моему, ты такая же полоумная, как он. Наверное, это наследственное. И ты дала ему такой совет?

– Я сказала, чтобы он поступал согласно своим убеждениям.

– Но это нонсенс.

– А ты что ему посоветовал?

– Засучить рукава, исправить оценки, не прогуливать школу, подругу устроить в общежитие для матерей-одиночек, а ребенка потом отдать в приют.

– Да, очень мило и во всех отношениях замечательно. Вот только жаль, что он с тобой не согласен.

– От него не требуется согласие, Сара. Он несовершеннолетний. И должен делать то, что мы ему скажем.

– А если он пошлет тебя к черту, что непременно случится, если ты будешь слишком на него давить?

– Как было в случае с тобой?

Олли кипел яростью; она играла в свой гнилой либерализм, когда речь шла о жизни Бенджамина.

– Мы говорим не о нас, мы говорим о нем.

– Мы говорим об одном из наших детей, который гробит себе жизнь, а ты мелешь чепуху.

– Будь реалистом, Оливер. Это его ребенок, его жизнь и он поступит так, как захочет, нравится тебе это или нет. Так что не наживай себе язву.

Говорить с ней было бесполезно, и в конце концов Олли повесил трубку, еще более расстроенный, чем раньше.

В субботу утром Бенджамин явился к отцу, когда к дому подрулил фургон, чтобы забрать то, что отправлялось в Нью-Йорк: постельное белье, необходимая одежда и кое-какие мелочи.

– Все собрал, сынок?

Оливер старался сохранять веселый тон, словно ничего не случилось. Но у Бенджамина вид был спокойный и решительный.

– Пап, я пришел попрощаться.

Воцарилась тишина.

– Ты должен ехать с нами, сынок. Ради твоего же блага. А

может, и ради Сандры.

– Я не еду. Я остаюсь здесь. Я так решил. Я бросаю школу и иду работать в ресторан, а жить буду с Сандрой в ее квартире.

В каком-то смысле Оливер ускорил события этим переездом в Нью-Йорк и теперь почти жалел о своем решении.

– А если я разрешу тебе жить в доме? Ты вернешься в школу?

– Мне осточертела школа. Я хочу заботиться о Сандре.

– Бенджамин, послушай, ты же сможешь лучше о ней заботиться, имея образование.

– Я потом всегда могу вернуться в школу.

– А в школе об этом уже знают?

Бенджамин кивнул и перечеркнул последние отцовские надежды:

– Я им сказал вчера.

– И что они ответили?

– Они пожелали нам удачи. Сандра еще раньше сказала своей классной про ребенка.

– То, что ты делаешь, просто чудовищно.

– Я хочу быть с ней... и с моим ребенком... Папа, ведь ты бы поступил так же.

– Возможно, но все равно иначе. Ты исходишь из правильного принципа, но идешь неверным путем.

– Я делаю то, что в моих силах.

– Да, конечно. А что, если тебе сдать экзамены экстерном?

Сейчас тебе не надо было бы ходить в школу, а осенью отправишься в колледж. Знаешь, это тоже вариант.

– Да, папа, но это уже не то, чего я хочу. Я хочу жить в реальном мире. У меня есть реальные обязанности и женщина, которую я люблю... и ребенок, который родится в сентябре.

Казалось, такое невозможно придумать, и все же это было реальностью. Оливер стоял на лужайке перед домом и смотрел, как грузчики под руководством Агнес носили коробки. Ему хотелось плакать. Все это смахивало на безумие. За четыре месяца Сара поломала жизни им всем. Олли вдруг спохватился: какого дьявола он переезжает в Нью-Йорк, если Бенджамин не едет? Но в этой затее все равно были положительные моменты, например, возможность раньше возвращаться с работы и уделять больше времени Мел и Сэму. Мел в последнюю неделю успокоилась, поняв, что сейчас они переезжают только на два пробных месяца, что будут приезжать в Перчес на уик-энды и в нем же проведут все лето. К тому же все ее друзья ей ужасно завидовали и хотели поскорее приехать к ней в гости в город.

– Пап, мне пора. В два мне надо быть на работе, а в квартире меня ждет Сандра.

– Ты мне будешь звонить?

– Конечно. Заходи к нам, когда будешь в Перчесе.

– Я тебя люблю, Бенджамин. Я очень, очень тебя люблю.

Оливер крепко обнял сына, и оба расплакались.

– Спасибо, папа. Все будет нормально...

Олли кивнул, хотя не верил в это. Их жизнь теперь не наладится никогда или по крайней мере еще очень-очень долго.

Оливер смотрел вслед удаляющейся машине Бена, махал на прощание, а по щекам у него катились слезы. Когда Бенджамин пропал из виду, он медленно вернулся в дом. Выдумал он этот переезд, хотел как лучше, а теперь вот Бенджамин бросил школу, работает в ресторане, живет с этой девчонкой, но, может, что-нибудь хорошее из этого и получится, когда-нибудь... в один прекрасный и далекий день.

В доме царил полнейший хаос. Всюду сновали грузчики, пес отчаянно лаял, Сэм не мог совладать с волнением и бегал по всему дому, не выпуская из рук мишку, Мел чуть ли не до последней минуты висела на телефоне, а Агги настаивала, что в доме надо навести порядок. Но наконец они вышли, сели в машину, последний раз посмотрели на дом, который так любили, и поехали следом за фургоном в Нью-Йорк, навстречу новым приключениям.

В нью-йоркской квартире их ждали большой цветок в горшке от Дафны, фрукты и печенье для детей и коробка собачьих галет для Энди. Встреча была роскошной. Мел завизжала от восторга, увидев свою комнату, и сразу же бросилась к телефону.

Но когда они распаковали вещи, мысли Оливера снова вернулись к Бенджамину, который отказался от их новой жизни. Он непременно когда-нибудь об этом пожалеет, если

уже не пожалел. Олли чувствовал, что одного за другим теряет самых дорогих ему людей.

Глава 12

Переезд в Нью-Йорк оказался очень мудрым и полезным для детей решением. Оливер убедился в этом в считанные дни. Сэму очень нравилась его новая школа, у него сразу появилось много друзей. Мел была без ума от своей школы. Свободное время она проводила с Дафной в универмаге «Блумингдейл» или дома, где названивала всем перчесским знакомым и докладывала о своих успехах в новой, столичной жизни. Но самое главное, что Оливер теперь каждый вечер был дома перед ужином и, как того хотел, проводил с детьми достаточно много времени. Мел по-прежнему подолгу болтала по телефону, но знала, что отец рядом. С Сэмом Оливер разговаривал, читал, играл, а когда в начале мая установилась теплая погода, они стали иногда после ужина ходить в парк, где с азартом играли в мяч.

Жизнь была просто замечательная, но с ними не было Бенджамина. Оливеру его постоянно недоставало, он очень беспокоился за сына. Олли решил, что обязательно будет видеться с Беном раз в неделю, во время их приездов в Перчес на уик-энды. Он хотел, чтобы тот приходил ужинать к ним, но Бенджамин по вечерам работал. Как-то раз Олли сам заехал в ресторан и чуть не получил разрыв сердца, когда увидел, что его сын за мизерную плату моет посуду. Он повторил свое предложение жить в доме, хотя сам шел на это

неохотно, и умолял Бена вернуться в школу. Но юноша теперь не мог бросить Сандру. В одно из воскресений Оливер повидал ее и был шокирован. Казалось, что у нее не шестой месяц, а гораздо больше, и он усомнился, в самом ли деле это ребенок его сына. Олли при удобном случае задал Бену такой вопрос, но тот только обиделся и сказал, что абсолютно в этом уверен. Оливер больше не стал к нему с этим приставать.

Самым болезненным был момент, когда начали приходиться ответы из колледжей. Оливер находил их в уик-энды, потому что Бенджамин получал почту по старому адресу. Школа не аннулировала его заявок, и все готовы были его принять, кроме Дьюка. Он мог бы поступить в Гарвард, или в Принстон, или в Йель, а вместо этого очищал от объедков тарелки в ресторане и готовился в восемнадцать лет стать отцом. У Олли буквально разрывалось сердце, когда он думал об этом. На все письма Оливер ответил сам, объясняя, что по семейным обстоятельствам поступление откладывается на год. Он все еще надеялся убедить Бена окончить школу в Нью-Йорке. Год будет вычеркнут из жизни, и не больше. Но пока Олли не затрагивал в разговорах с сыном этот больной вопрос. К тому же Бен был целиком поглощен новой жизнью с Сандрой.

– Может, хоть на пару дней приехал бы в Нью-Йорк как-нибудь?

Оливер делал все, чтобы сманить туда Бена, но тот очень

серьезно относился к своим семейным обязательствам и всегда отказывался, объясняя, что не может оставить Сандру одну, Оливер же никогда не приглашал их вместе. Бенджамин, с тех пор как ушел из дому, не ездил и к матери в Бостон, но, похоже, звонил ей время от времени. А вот Мел и Сэм снова посетили ее, уже после переезда на новую квартиру. На этот раз они вернулись не такие восторженные, и Оливеру показалось, что Сэм чем-то расстроен. Он попытался выяснить причину у Мел, но та только как-то неопределенно сказала, что мама очень занята в университете. Оливер все-таки чувствовал, что причина в другом. Как-то вечером он играл с Сэмом в карты. Стояла тишина, в комнате, кроме них, никого не было. Мел на этот раз занималась у себя.

– Па, что ты думаешь о французах?

Вопрос был странным, и Олли удивленно взглянул на него.

– О французах? Люди как люди. А что?

– Да ничего. Я так просто спросил.

Но Оливер догадался, что сын о чем-то хочет поговорить, но не решается.

– У тебя в классе что, француз учится?

Сэм покачал головой и сбросил очередную карту. Поглаживая голову Энди, он ждал, когда пойдет отец. Он ужасно любил вечера, которые они теперь проводили с папой, и начинал по-настоящему радоваться их новой жизни, но по маме и Бенджамину все равно скучал, как и все они.

– У мамы друг... – произнес Сэм задумчиво, глядя в карты, а его отец весь превратился в слух. Так вот оно что. У нее есть друг.

– Что за друг?

Сэм пожал плечами и взял карту из колоды.

– Не знаю. По-моему, нормальный парень.

В этот момент рядом проходила Мел, она остановилась, пытаясь поймать взгляд брата, но тот на нее не смотрел. Оливер же поднял глаза и увидел, какое у дочери было выражение лица. Мелисса медленно подошла к ним.

– Кто выигрывает?

Она попыталась отвлечь обоих от того, что только что сказал Сэм. Мел знала, что болтать об этом не следует, хотя Сара таких инструкций им не давала, но это было понятно само собой.

– Сэм выигрывает. У нас тут разговорчик небольшой получился.

– Ага.

Мел неодобрительно посмотрела на брата.

– Я слышала.

– У мамы что, новый друг – француз?

– Ой, он не новый, – торопливо поправил Сэм. – Мы с ним уже раньше познакомились. Но он теперь живет с мамой. Ну, понимаешь, в общем, друг. Он из Франции, его зовут Жан-Пьер. Ему двадцать пять лет, и он сюда приехал по обмену, на два года.

– Очень рад за него.

Лицо у Оливера напряглось. Он взял карту, даже не видя, какая она.

– И за маму тоже рад. Какой он из себя?

Олли не хотел допрашивать ребенка, но желал все выяснить немедленно. Сара жила с двадцатипятилетним мужчиной и знакомила с ним детей. Одна лишь мысль об этом приводила Оливера в бешенство.

– Пап, да там ничего такого. Он спал на диване, когда мы гостили у мамы.

«А когда вы не гостили, – хотел задать вопрос Олли, – где он спит?» Но это и так было ясно. Даже Сэм на обратном пути выспрашивал у Мел, думает ли она, что мама влюблена в Жан-Пьера. И сестра в очередной раз взяла с него слово, что он ничего не скажет отцу.

– Очень рад, – повторил Оливер снова. – Ну а парень-то ничего?

– Нормальный, – подтвердил Сэм равнодушно. – Только ужасно суетливый. Наверное, все французы такие. Притащил маме цветы, какие-то подарки, а нас заставил есть рогастики. Мне вообще-то больше нравятся английские сдобные булочки, но и их есть можно. Ничего такого.

Оливер это воспринимал иначе, в душе его кипело бешенство. Он едва дождался, пока Сэм ляжет спать, время, казалось, стояло на месте. Наконец Мел подошла к нему, понимая, как отец воспринял слова брата.

– Ему не следовало это говорить. Извини, папа. Я думаю, что он просто мамин друг. Просто так получилось, что он там ночевал.

– Да-да, конечно, я понимаю.

– Он сказал, что у него кончился договор найма квартиры и мама разрешила ему спать на диване, пока он не найдет себе новую. С нами он был очень мил. Я не думаю, что надо этому придавать значение.

Мел смотрела на отца большими грустными глазами. Оба понимали, что все гораздо серьезнее, чем она представила. Значит, Сара сделала очередной ход, в ее жизни появился мужчина. Оливер же такого хода не сделал, он по-прежнему каждую ночь страстно желал ее, со времени отъезда Сары не встречался ни с одной женщиной, да и не хотел.

– Не расстраивайся, Мел.

Оливер старался выглядеть более непринужденным, чем был на самом деле, хотя бы ради нее.

– Мама теперь имеет право делать то, что хочет. Она свободна. Мы оба свободны, я полагаю.

– Но ты нигде не бываешь по вечерам.

Она смотрела на отца как будто с гордостью, и Олли улыбнулся. Смешно было гордиться этим.

– Ты права, но у меня нет времени. Я слишком занят с вами.

– Может, тебе стоит проветриться? Дафна говорит, что тебе это будет полезно.

– Вот как? Скажи ей, чтобы не лезла в чужие дела. У меня и без того хлопот полон рот.

Дочь с сочувствием посмотрела на него. Она знала правду.

– Ты все еще любишь маму, да, пап?

Олли ответил не сразу, понимая, что его слова прозвучат странно, а потом кивнул:

– Да, Мел. Иногда мне кажется, что буду любить ее всегда. Но теперь это потеряло смысл. У нас с ней все кончено.

Настало время сообщить об этом Мел. «Впрочем, это и так ни для кого не было секретом», – подумал Оливер. Прошло пять месяцев с тех пор, как Сара уехала, и ни одного из своих обещаний она не выполнила. Ни уикэндов, ни каникул, да и звонила она уже крайне редко. Причина этого теперь была ясна: она жила с двадцатипятилетним французским парнем по имени Жан-Пьер.

– Я так и подумала. – Мел печально взглянула на него. – Вы будете разводиться?

– Да, наверное, когда-нибудь. Мне спешить некуда. Надо узнать, какие планы у твоей мамы.

После того как Мел легла, он сразу же позвонил Саре, памятуя, что сказал Сэм, и не желая откладывать разговор с женой в долгий ящик. Это не имело смысла. Время игр в дипломатию прошло.

– Слушай, и тебе не стыдно принимать у себя мужика в присутствии детей?

В голосе Оливера на этот раз не было гнева, было лишь от-

вращение. Она больше не была женщиной, которую он знал и любил. Она была кем-то другим. И принадлежала парню по имени Жан-Пьер. Но она оставалась матерью его детей, и это беспокоило Оливера гораздо сильнее.

– А... ты об этом... Олли, да он просто друг. И он спал на диване. А дети спали со мной в комнате.

– Послушай, не надо. Они оба прекрасно все понимают. По крайней мере Мел, да и Сэм не дурак. Тебе что, на это наплевать? Тебя не смущает присутствие в доме любовника?

Последняя фраза уже содержала обвинение, но особенно возмущал Оливера возраст этого сопляка.

– У меня такое ощущение, что я тебя больше не знаю. А может, и не хочу знать.

– Это твое личное дело, Оливер. А как мне жить и с кем – мое. Детям бы пошло на пользу, если бы твоя жизнь стала более нормальной.

– Так-так. И что это означает? Что я должен затаскивать в дом девятнадцатилетних девчонок и доказывать им свои мужские возможности?

– Я ничего не доказываю. Мы просто хорошие друзья. А возраст не имеет значения.

– Меня это не волнует. Но должно быть хоть элементарное приличие, по крайней мере когда рядом мои дети. Изволь его соблюдать.

– Не указывай мне, Оливер. Я не твой ребенок и не прислуга. Я на тебя уже не работаю. Ты совершенно прав, когда

говоришь, что не знаешь меня. Ты никогда меня и не знал. Я была всего-навсего нянькой твоих детей и твоей прачкой.

– Не говори ерунду. Наша жизнь далеко не ограничивалась этим, и ты прекрасно это знаешь. Мы бы не прожили вместе без малого двадцать лет, черт их подери, если бы ты была для меня не более чем прислугой.

– Может, ни ты, ни я этого не замечали?

– Да что там говорить теперь. А какая польза от того, что ты бросила детей? Что изменилось к лучшему? Кто будет готовить? Кто стирать? Кто выносить мусор? Кому-то это надо делать. Я выполнял свою работу. Ты свою. И вместе мы создали нечто замечательное, пока ты все не разрушила и не растоптала, нас в том числе. Ты поступила просто мерзко по отношению ко всем нам, ко мне особенно. Но я-то знаю, что у нас было и как это было здорово и ценно. Так что не надо заниматься очернительством.

Сара долго не отвечала. Оливеру в какой-то момент показалось, что она плачет.

– Извини... Наверное, ты прав... Я просто... Прости, Олли... Я не выдержала...

– Очень жаль, Сара.

Голос у Оливера был хриплым, но стал мягче, ласковее.

– Я тебя так безумно любил, когда ты уехала, мне казалось, что я этого не переживу.

Сара улыбнулась сквозь слезы.

– Ты слишком добрый и слишком сильный, чтобы что-то

могло тебя надолго выбить из седла. Олли, ты сам того не знаешь, но выигрыш за тобой.

– Да? Вот так новость! – Он уныло усмехнулся. – Ни за что бы не подумал. Во всяком случае, тебя в моей спальне что-то не наблюдаю.

– Возможно, ты в самом деле выиграл. Может, в этот раз ты найдешь более достойную и подходящую для тебя женщину. Тебе следовало жениться на какой-то потрясающе доброй и умной девушке, которая бы хотела окружить тебя заботой, уютом и родить тебе кучу детей.

– Я же все это имел с тобой.

– Но я делала это не от души, а по обязанности. В том-то и беда. А хотела я делать то, что сейчас, – вести богемную жизнь и отвечать только за себя. Мне не нужен никто и ничто. Так было всегда. Я просто хотела свободы. И теперь она у меня есть.

– Хуже всего, что я этого не знал... не признавал...

– И я долго не признавала.

– А теперь ты счастлива?

Ему было необходимо это знать, для собственного спокойствия. Сара перевернула их жизнь вверх дном, но если она нашла то, чего желала, может, оно того и стоило. Кто знает...

– По-моему, да. Счастливее, чем была, во всяком случае. Но буду еще счастливее, когда достигну чего-нибудь стоящего.

– Твои достижения налицо... просто ты их не признаешь. Ты подарила мне восемнадцать великолепных лет, троих замечательных ребят. Может, этого достаточно? Может, и не стоит больше ни на что рассчитывать?

– Тебе стоит. Я в этом уверена. Скоро ты поймешь, чего хочешь, а чего нет, и я тоже пойму.

– А твой французский друг? Это то?

Олли совершенно сбивал с толку его возраст, но Сара была странной женщиной. Может, именно это ей было нужно в данный момент.

– Пока он меня устраивает. Наши отношения строятся на принципах экзистенциализма.

Оливер снова усмехнулся. Он уже слышал от нее такое, очень-очень давно.

– Ты говоришь, как когда-то, когда жила в Сохо. Проверь, идешь ли ты в самом деле вперед, а не назад. Назад идти нельзя, Сарри. Толку не будет.

– Я знаю. Поэтому я и не приезжала домой. Теперь Олли понял, правда, легче от этого не стало.

– Ты хочешь, чтобы я подал на развод?

Он впервые ее об этом спросил без обиняков и впервые почувствовал, что сердце бьется ровно и не собирается разорваться от этих слов. Вероятно, наконец он был внутренне готов.

– Когда у тебя будет время. Я не спешу.

– Я сожалею, дорогая...

Олли чувствовал, что слезы жгут ему глаза.

– Не стоит.

Потом она пожелала ему спокойной ночи, и Оливер остался наедине со своими воспоминаниями, печалью и фантазиями по поводу Жан-Пьера... Везучий ублюдок...

Сэм в ту ночь опять забрался в отцовскую кровать, впервые после переезда в Нью-Йорк, но Оливер не возражал. Рядом с сыном ему было спокойнее.

Уик-энд они проводили в Перчесе, но Бенджамина повидать не удалось. Дети общались с друзьями, сад, посаженный Сарой, пышно цвел, поэтому у Агги была масса дел по обрезке, прополке и так далее. Утром в субботу, когда Оливер спокойно досматривал сны, зазвонил телефон.

Звонил его отец. Олли, слушая, сразу сел в кровати. Из бессвязных фраз он только понял, что мать сбил автобус и она находится снова в больнице в коматозном состоянии. Отец плакал, голос у него дрожал и срывался.

– Я сейчас приеду, папа. Когда это случилось? Несчастье произошло в это утро, в восемь часов.

Меньше чем через час Оливер был в больнице, наспех причесанный, в брюках цвета хаки и несвежей рубашке. Джордж, убитый горем, сидел в холле и, когда увидел сына, протянул к нему руки, как ребенок.

– Господи, папа, что случилось?

– Это я виноват. Ей на днях стало лучше, и я настоял, чтобы забрать ее на уик-энд.

Джордж Ватсон так тосковал по жене, ему так недоставало ее в супружеском ложе, которое они делили на протяжении почти полувека, что, когда в ее состоянии, как ему показалось, произошло улучшение, он решил, что ей будет полезно провести несколько дней дома. Врачи пытались отговорить его, но Джордж настаивал, говорил, что сможет обеспечить ей должный уход.

– Наверное, она встала, когда я еще спал. Когда я проснулся, она стояла уже совсем одетая. Мама смутилась и сказала, что идет готовить завтрак. Я подумал, что ей не повредит заняться таким знакомым делом, и разрешил. Сам встал, принял душ, побрился, а когда пришел на кухню, ее там не было. Входная дверь была открыта. Я искал ее всюду саду, в гараже, объехал соседние улицы, а потом... – Он снова зарыдал. – Я увидел «скорую помощь»... водитель автобуса сказал, что она шла прямо на него. Он нажал на тормоза, но не успел полностью затормозить. Она была чуть жива, когда ее сюда привезли, врачи не ручаются... Ох, Олли, это так, как будто я сам ее убил. Мне так безумно хотелось повернуть время вспять, представить себе, что ничего не произошло, но это, конечно же, невозможно, и вот теперь...

Мать Оливера была в отделении интенсивной терапии, и когда он ее увидел, то был потрясен. Несчастная получила тяжелые травмы головы и множество переломов. Врачи, правда, сказали, что с момента наезда она была без сознания, но это вряд ли могло служить утешением.

Отец и сын ждали в холле. В полдень Оливер настоял, чтобы отец поехал с ним в кафетерий на ленч. Каждый час они на одну-две минуты заходили в больницу, но изменений не было. К полуночи стало ясно, что их бдение бесполезно. Врачи не оставляли никаких надежд, к тому же на рассвете у нее произошел обширный инсульт. К тому времени отец давно был дома, а Оливер все ждал. Он несколько раз звонил к себе и сообщал Агги, какова ситуация. Олли хотел, чтобы она пока не говорила детям, и та объяснила, что папа уехал в город по срочным служебным делам.

Врач пришел поговорить с Оливером в шесть утра, когда тот дремал в холле. Он последний раз видел мать два часа назад. В отделении интенсивной терапии не было ни дня, ни ночи, были только яркий свет, гул аппаратуры, временами сигналы компьютеров и редкие, жалобные стоны пациентов. Но Филлис даже не шевелилась, когда сын подходил к ней.

Доктор тронул его за плечо, и Олли моментально проснулся.

– Да?

– Мистер Ватсон... У вашей матери произошел повторный инсульт.

– Она... она...

Страшно было произносить эти слова. Олли хотел, чтобы его мать жила. Всегда.

– Сердце у нее продолжает работать, она на искусственном дыхании, но отсутствуют сигналы работы мозга. Боюсь,

что бороться бесполезно.

По сути дела, она была мертва, но с их помощью все еще дышала.

– Мы можем поддерживать в ней жизнь при помощи аппаратуры как угодно долго, но это в самом деле не имеет смысла. Все теперь зависит от вас.

Олли подумал, хотел ли бы отец, чтобы сын принял решение за него, и тут же понял, что не хотел бы.

– Как нам поступать? Мы можем подождать, пока вы посоветуетесь с отцом.

Оливер кивнул, чувствуя, как его пронзает острый нож одиночества. Жена бросила его пять месяцев назад, а теперь предстояло потерять мать. Но Олли не мог думать только о себе. Надо было думать об отце, помнить, что для него значило потерять супругу после сорока семи лет совместной жизни. Это было жестоко. Но на самом деле она покинула его уже несколько месяцев назад, когда заболела. Филлис зачистую даже не помнила, кто она такая. Не произойди этой катастрофы, ее состояние все равно стремительно ухудшалось. Возможно, как ни печально, так было и лучше.

– Я ему позвоню.

Но пока шел к телефону, Оливер передумал и направился к своей машине. Стояло чудное весеннее утро, солнце пригревало, в ароматном воздухе звенели птичьи голоса. Трудно было поверить, что его мать фактически уже умерла, и теперь он должен поехать и сказать это отцу.

Олли открыл дверь дома ключом, который был у него на всякий случай, и тихо зашел в спальню родителей. Там все было как прежде, только отец спал один в большой кровати с пологом, которая сохранилась у них с самой свадьбы.

– Папа! – шепнул Оливер.

Отец пошевелился. Тогда Олли осторожно коснулся его рукой.

– Папа...

Он боялся испугать отца, у того ведь было слабое сердце и неважные легкие.

Джордж вздрогнул, проснулся и посмотрел на сына.

– Что?.. Она...

Он с испуганным видом сел в кровати.

– Она еще там, но нам надо поговорить.

– Почему? В чем дело?

– Да проснись же наконец.

У Джорджа все еще был сонный вид.

– Я проснулся. Что случилось?

– У мамы был инсульт. – Олли со вздохом осторожно сел на кровать и взял руку отца. – Они поддерживают в ней жизнь при помощи аппаратуры. Но, папа... остается только это... – Оливер ненавидел слова, которые приходилось произносить, но в них-то и была правда. – Ее мозг погиб.

– И что они от нас хотят?

– Они могут отключить от нее аппаратуру, если ты так решишь.

– И тогда она умрет?

Олли кивнул. Отец снова опустился на подушки. По его щекам медленно скатывались слезы.

– Оливер, знаешь, она молодая была такая красивая... такая прелестная, когда мы поженились. Как они могут просить меня, чтобы я ее убил? Это непорядочно. Как я могу с ней так поступить?

Джордж глухо всхлипнул, а Оливеру стоило больших усилий сдержать рыдания.

– Ты хочешь поручить это мне? Я просто подумал, что тебя надо поставить в известность... Извини, папа.

Они плакали, но больше уже ничего не оставалось. Женщина, которую оба горячо любили, умерла. Джордж медленно поднялся и вытер глаза.

– Я хочу при этом присутствовать.

– Нет. – Олли решительно был против. – Тебе нельзя.

– Тут не ты решаешь, а я. Это мой долг по отношению к ней. Мы прожили вместе почти пятьдесят лет, и я не намерен ее сейчас бросать. – Слезы снова полились из его глаз.

– Оливер, я ее люблю.

– Я знаю, папа. И мама это знала. Она тебя тоже любила. Не расстраивайся так сильно.

– На мне лежит вся вина за случившееся. Оливер крепко сжал руки отца в своих.

– Послушай, что я тебе скажу. Мама уже не была такой, какую мы знали и любили. Она уже давно ушла, и в том, что

случилось, твоей вины нет. Может, так и лучше. Если бы она жила, она бы умирала постепенно, не зная, кто она, не помня родных и близких... тебя... внуков... меня... друзей... милых ее сердцу дома и сада... Она вела бы растительный образ жизни в интернате, а если бы это понимала, то очень бы страдала. Теперь она от этого избавлена. Прими это как волю судьбы, как перст Божий, если тебе так больше подходит, и перестань себя казнить. Ни то ни другое не в твоей власти. Просто то, что должно было случиться, случилось. И если мы позволим ей уйти, она будет свободна.

Джордж кивнул, благодаря сына за его слова. Возможно, Олли был прав. Во всяком случае, ничто теперь нельзя было изменить.

Он тщательно оделся: надел темный в полоску костюм, белую накрахмаленную сорочку и темно-синий галстук, который Филлис купила ему десять лет назад. Выйдя из дома, Джордж поглядел по сторонам, словно надеясь увидеть ее, а потом взглянул на сына и вздохнул:

– Невозможно представить себе, что еще вчера утром она была здесь.

Но Олли в ответ только покачал головой.

– Нет, папа, ты ошибаешься. Ее здесь нет уже давным-давно. Тебе это известно.

Джордж кивнул, и они молча поехали в больницу. «Какое замечательное утро... – думал Оливер. – В такое утро только умирать».

В больнице они поднялись в лифте на четвертый этаж и спросили дежурного врача. Это был тот же доктор, который говорил с Оливером двумя часами раньше. Он сообщил, что в состоянии миссис Ватсон принципиальных изменений не произошло, случилось лишь несколько апоплексических припадков, что естественно после инсульта. В остальном все было по-прежнему. Ее мозг окончательно погиб. Жизненные функции поддерживались лишь при помощи аппаратуры.

– Мой отец хочет присутствовать... – объяснил Оливер.

– Все понятно.

Молодой доктор был добрым и проявлял сочувствие.

– Я хочу быть там, когда вы... когда вы...

Голос у Джорджа дрогнул, больше он не смог произнести ни слова. Врач с пониманием кивнул. Он много раз сталкивался с этим, но, к счастью, не очерствел.

Когда они зашли в бокс, с Филлис находилась сестра. Аппаратура ритмично работала и подавала сигналы. На мониторе светилась одна прямая линия, все они поняли, что это окончательный приговор. Филлис лежала спокойно, словно спала. Глаза у нее были закрыты, волосы аккуратно подобраны, руки лежали вдоль тела. Джордж посмотрел на жену и взял ее ладонь, он поднес ее к губам и поцеловал пальцы.

– Я люблю тебя, Филлис... И всегда, всегда буду любить...

Наступит день, когда мы снова встретимся.

Врач и Олли отвернулись. Оливер плакал, горько сожалея, что все так сложилось, что мать не пожила еще долго-долго,

что не дождалась, когда вырастет Сэм и будет иметь своих детей...

– Спи спокойно, моя дорогая, – прошептал в последний раз Джордж и затем вопросительно посмотрел на доктора.

Аппаратуру выключили, но Джордж не выпускал руку жены. Филлис тихо и спокойно перестала дышать. Муж был с ней и в эту последнюю минуту.

Джордж долго стоял с закрытыми глазами, потом наклонился, чтобы поцеловать Филлис, положил ее руку, прикоснулся к ее щеке и долго-долго смотрел, как бы стремясь навсегда запечатлеть в своем сердце образ супруги.

Из бокса он вышел ослепленный слезами. Совместная жизнь, которая длилась сорок семь лет, любовь, которая объединяла их, подошла к концу. Но в этом финале было что-то прекрасное, наверное, у таких людей и не могло быть иначе. Даже врач был растроган, он оставил их одних подписывать документы. Оливер уговорил отца посидеть в кресле в холле, а потом отвез его домой. Он пробыл с ним до полудня, после чего поехал к себе, чтобы заняться необходимыми приготовлениями.

Дети ждали его, и Мел моментально поняла, что что-то случилось, такой у отца был усталый и измученный вид.

– Папа, что случилось?

На глаза у Олли выступили слезы.

– Бабушка умерла, доченька. Все это было очень печально, но в чем-то и прекрасно. Дедушке теперь будет очень тя-

жело.

Мел расплакалась. Тут же, чувствуя неладное, прибежал Сэм. Олли сообщил и ему, малыш тоже стал плакать – он так любил бабушку.

– А можно нам увидеться с дедушкой?

– Подождите чуть-чуть. Мне сначала надо сделать кое-какие дела.

Предстояло организовать похороны, окончательно все обговорить в больнице. Поэтому Оливер решил отправить детей в Нью-Йорк на электричке с Агнес. До того он позвонил Дафне и попросил ее вечером их навестить. Дафна выразила ему свое глубокое сочувствие и сказала, что судьба поступает с ним несправедливо, посылая все новые беды. Олли был тронут и благодарен.

Затем он позвонил Бенджамину, сообщил ему печальную новость и предложил при первой возможности навестить бабушку. Пообещал известить о дне похорон. Предположительно они должны были состояться в среду.

Вечером Оливер снова заехал к отцу и с облегчением обнаружил, что того окружила заботой преданная соседка, миссис Портер. С Джорджем она была очень спокойна, вежлива, добра и вообще была очень мила.

Когда Олли, одинокий и усталый, наконец вернулся домой, позвонила Сара. Она выразила свое соболезнование и заранее извинилась, что не сможет приехать на похороны в связи с экзаменами.

– Я передам отцу.

– Скажи ему, что я очень сочувствую. Сара плакала.

– Спасибо, Сара.

В этот раз Оливер не испытывал к ней никаких чувств. Перед глазами у него все время было лицо отца, держащего руку матери, – исполненное любви и благородства. Олли надеялся, что когда-нибудь такие отношения согреют и его жизнь. Но теперь-то он знал, что это будет не с Сарой.

Наутро Олли опять навестил отца, к тому времени все приготовления были закончены. Дети приехали во вторник вечером, а похороны состоялись в среду. Церемония была трогательная и простая, с музыкой, которую любила Филлис, и множеством чудесных цветов из ее сада. Когда гроб медленно опустили в могилу и засыпали землей, Оливер отвез отца домой. Джорджу предстояло доживать дни наедине со своими печалью, без женщины, которую он так нежно любил.

Глава 13

Лишь в июне они снова пришли в себя. Занятия в школе закончились, и все на лето вернулись в Перчес. Джордж время от времени навещал их, он казался утомленным и постаревшим. Было очевидно, что он страдает от одиночества гораздо больше, чем когда Филлис находилась в пансионате. Тогда он по крайней мере мог навещать ее, теперь же ему оставалось только говорить о ней с родными и друзьями.

Олли пришлось опять совершать ежедневные поездки на электричке, но летом поздние возвращения домой легче переносились и им, и семьей. По вечерам он плавал с детьми в бассейне. Дети ложились спать позже, чем зимой.

Четвертое июля³ праздновали в кругу друзей и родных. Через две недели Мел и Сэм должны были отправиться к Саре и с ней провести остаток лета. Она забирала их во Францию, где намечалось месячное путешествие с Жан-Пьером. Сара звонила по этому поводу, и Оливер разрешил ей. Дети были достаточно большими, чтобы все понять, да и поездка их очень прельщала.

На праздник даже приехали Джордж с Маргарет Портер, его симпатичной соседкой. Эта привлекательная седая женщина с живым умом пришлась всем По душе. В молодости

³ 4 июля – День независимости – национальный праздник США, – *Здесь и далее примеч. пер.*

она работала медсестрой, а ее покойный муж был врачом. Миссис Портер вроде бы неплохо заботилась об отце Оливера. Следила, чтобы он долго не стоял на ногах, приносила ему еду, шутила с ним и остальными, и Джорджу это, похоже, нравилось. Он много говорил о Филлис. Олли знал, что отец все еще винит себя за несчастный случай, в конечном итоге приведший к ее смерти.

Однако складывалось впечатление, что Джордж постепенно оправляется, как и все они – каждый по-своему, – от ударов, постигших их за последние полгода. Даже к Олли вернулся оптимизм. В июне он подал на развод и раз, по совету Дафны, сходил-таки на свидание, но, как оказалось, очень неудачно. Он встречался с одной «творческой личностью» из другого рекламного агентства и в итоге убедился, что эта девушка «с приветом». Она предлагала ему попробовать кокаин и из видов спорта больше всего любила женскую борьбу. Дафна подтрунивала над ним по этому поводу, но в конце концов лиха беда – начало.

На торжество явились и Бенджамин с Сандрой, которая была уже на седьмом месяце. Оливер не мог на нее смотреть без сожаления: Сандра не блистала интеллектом, ее детское личико смехотворно выглядело в сочетании с огромным животом. Она много говорила о ребенке, и был момент, когда Олли испугался, думая, что они, чего доброго, решат пожениться. Но когда он спросил Бенджамина, тот ответил, что таких планов пока нет. Олли считал, что оба слишком моло-

ды, чтобы вступать в брак.

Мел несколько раз пыталась завязать разговор с Сандрой, однако той, похоже, нечего было сказать, и Мел в конце концов оставила эту затею и отошла к своим друзьям.

Дафна тоже прибыла, они с Маргарет Портер сели у края бассейна и долго беседовали.

– Я прекрасно провела время, – сказала Дафна Оливеру перед отъездом. – Настоящий, традиционный праздник Четвертое июля с друзьями. Что еще желать от жизни?

Она радостно улыбнулась, а Олли засмеялся, вспомнив прошлое.

– Пожелать-то можно было бы кое-что. Но я, пожалуй, не стану. Еще одну девицу, вроде той, я могу не пережить.

Оба засмеялись, вспоминая поклонницу женской борьбы.

– Твой отец, кажется, не промах, знаешь, мне понравилась его подружка. Очень интересная женщина. Они с мужем много путешествовали по Дальнему Востоку, два года работали в клинике в Кении.

– По-моему, она хорошо относится к отцу. А это уже немало. Вот Бенджамин бы образумился. Сандра милая девочка, но может поломать ему жизнь, если он ей позволит.

– Дай ему шанс. Он стремится сделать доброе дело. Но просто еще не знает, что его ждет.

– Трудно представить его отцом. Он сам еще ребенок, а ей на вид не дашь больше четырнадцати. И потом, Даф, она же так безнадежно глупа.

– Она здесь просто не в своей среде, и ты должен признать, вы все не питаете к ней теплых чувств. Она понимает, что все вы о ней думаете, от чего Бенджамин отказался ради нее. Для нее это чертовски тяжелое бремя.

Олли печально улыбнулся.

– Кстати о бремени. Она выглядит, как будто там тройня.

– Не надо злобствовать, – упрекнула его Дафна.

– Почему? Она разрушает жизнь моему сыну.

– А может, и нет. Может, ребенок получится замечательный.

– По мне, так лучше, чтобы она его все-таки отдала в приют.

Дафна покачала головой, она говорила с ними обоими и знала планы Бенджамина.

– Я думаю, Бенджамин ей не разрешил бы. Он слишком похож на тебя, слишком нравственный, слишком порядочный, слишком предан своим принципам и доброжелателен. Он большой ребенок. Вот увидишь, все будет хорошо.

– Почему ты в этом так уверена?

– Он же твой ребенок, не так ли?

И она уехала обратно в Нью-Йорк, а вскоре разъехались и остальные гости. Олли помог Агнес убрать, а потом прилег у бассейна и невольно стал думать о Саре, задаваться вопросом, что она сейчас делает. Они всегда отмечали 4 июля, а этим летом исполнилась бы девятнадцатая годовщина их свадьбы. Потом его мысли переключились на другое: на ро-

дителей... отца... Маргарет Портер. Олли хотелось знать, интересовался ли ею отец серьезно или просто рад был найти в ней собеседницу и помощницу. А возможно, и то и другое. Странно, что отец мог бы интересоваться кем-то, кроме своей покойной супруги.

«Забавно, – подумал Оливер. – У всех кто-то теперь есть... У Сары – Жан-Пьер, у отца – Маргарет, и даже у сына есть подруга, которая вынашивает его ребенка. А я один и жду, что кто-то придет в мою жизнь и отстроит всю ее заново. Но случится ли это вообще когда-нибудь?»

– Папа?

Это была Мел. Она негромко окликнула его, взглядываясь в темноту:

– Ты тут?

– Я у бассейна. Что случилось?

– Я просто так, убедиться, что с тобой все о'кей. Она подошла и села рядом с ним.

– Не беспокойся, доченька, все в порядке.

Олли коснулся ее длинных светлых волос и улыбнулся. Мел была славная девочка, и их отношения снова наладились. После переезда в Нью-Йорк она обрела покой и сблизилась с отцом, как никогда. Такого взаимопонимания у нее не было даже с Сарой.

– Здорово было сегодня, да?

– Да, – ответила Мел и, словно угадав мысли отца, спросила: – Что ты думаешь о дедушкиной приятельнице?

– Маргарет? Она мне нравится.

– Как по-твоему, он на ней женится?

Мел, похоже, была заинтригована, и это вызвало у Оливера улыбку.

– Сомневаюсь. Он слишком любил бабушку. Такое можно найти только раз в жизни.

– Я просто так спросила. – И тут же задала новый вопрос, который ее беспокоил: – А как ты считаешь, мама выйдет за Жан-Пьера?.. Он настолько моложе ее...

– Не думаю, милая. Мне кажется, для мамы это просто развлечение.

Мелисса с облегчением кивнула.

– Господи, но бедная Сандра – это какой-то ужас. Оливер кивнул в знак согласия. Его вдруг рассмешило, что они перемывают косточки гостям после их отъезда, словно супруги, которым не о чем больше говорить.

– Меня бесит, когда я вижу, как Бен гробит ради нее свою жизнь, работая мойщиком посуды, чтобы ее содержать.

– А что они сделают с ребенком?

– Бог их знает. Я считаю, что им следует отдать его в приют, но Бенджамин настаивает, чтобы его оставить. И что дальше? Будь я проклят, если разрешу им жениться.

– Мне кажется, Бенджамин на самом деле этого не хочет. Он просто старается поступать с Сандрой благородно. Но похоже, она ему тоже изрядно надоела. К тому же она с интересом поглядывала на других мужчин. По-моему, она сама

не знает, чего хочет. Боже мой, пап, представь себе – в семнадцать лет родить ребенка!

– Вот-вот, вспомни про это, моя дорогая, когда в тебе заговорит голос природы.

Олли погрозил дочери пальцем, а та рассмеялась и зарделась.

– Не беспокойся. Я не такая дура.

Оливер не совсем понял ее, то ли она никогда так не поступит, то ли, если поступит, будет осторожнее. Про себя он подумал, что надо бы попросить Дафну поговорить с Мелиссой на данную тему до того, как дочь уедет во Францию.

– Сэм спит?

– Как суслик.

– Может, и нам пора ложиться?

Олли встал, потянулся, и они, держась за руки, медленно пошли в дом. Минувший день был чудный, солнечный и жаркий, а ночь подарила прохладу. Именно такую погоду он любил.

Оливер поцеловал Мелиссу, пожелав ей спокойной ночи, пошел к себе, лег в постель и стал раздумывать о случившемся за последние месяцы. Сколько произошло перемен, и каких разных. Год назад здесь была Сара, его мать... Бенджамин был еще ребенком. Все они за этот год вступили в какой-то новый этап жизни... Если не все, то по крайней мере некоторые. Он ничего не знал о Саре. Судя по всему, она продолжала искать себя. Он же наконец почувствовал почву

под ногами. Погружаясь в сон, Олли успел еще вернуться к не дававшим ему покоя мыслям об отце и Маргарет Портер.

Глава 14

В июле Мел и Сэм улетели в Европу с Сарой и ее французским другом, и Оливер перебрался опять в нью-йоркскую квартиру, так как не имело смысла каждый день ездить из Перчеса в агентство и обратно. Теперь можно было спокойно оставаться дольше в офисе. Олли и Дафна много времени проводили за совместной работой, а по вечерам в понедельник и пятницу отправлялись на ужин в один из баров. Остальные три вечера Дафна встречалась со своим любовником, о котором иногда говорила с Оливером.

– Зачем тебе это? – морщился Олли. – В твоём возрасте, Даф, тебе следовало бы выйти замуж и жить с человеком, который мог бы уделять тебе больше времени, чем три вечера в неделю. Ты этого достойна.

Дафна в ответ всегда только пожимала плечами и смеялась. Такое положение дел ее устраивало. Она неоднократно хвалила замечательные качества своего друга – ум, доброту, великодушие. Дафна его любила, а брак, ввиду отсутствия детей, не считала таким уж обязательным.

– Ну и пожалеешь об этом в один прекрасный день.

– Я так не думаю, – не соглашалась Дафна.

Олли признавался ей, что без детей чувствует себя одиноким. После без малого двадцатилетней супружеской жизни тяжело было по вечерам возвращаться в пустую квартиру.

В Перчес он теперь ездил только для того, чтобы навестить отца и повидаться с Бенджаминем. Сандра с каждым часом увеличивалась в размерах, а Бенджамин показался измученным и бледным. Он из-за постоянной занятости на двух работах совершенно не бывал на воздухе. Днем Бен управлял машины на бензоколонке, а вечером мыл посуду в ресторане. Он старался собрать достаточное количество денег, чтобы обеспечить Сандре приличные условия в больнице, оплатить квартиру и содержать ребенка. Когда Олли предложил ему помощь, тот отказался.

– Нет, папа, теперь это моя обязанность, а не твоя.

– Но это же смешно. Ты ребенок. Тебе следует учиться в школе, получать образование и быть на иждивении родителей.

Но Бенджамин познавал другие науки: как сложна жизнь, когда тебе восемнадцать и приходится содержать семью. Сандра в конце концов бросила работу: у нее опухали ноги, и врач опасался токсикоза. Бенджамин забегал днем домой и готовил ей обед, а она тем временем лежала на диване, смотрела телевизор и жаловалась, что целыми днями его не видит. Вечером Бен старался приходить раньше, но обычно работал до двух часов ночи. Оливера все это приводило в ярость. Он продолжал предлагать Бену деньги и наконец нашел простое решение – стал давать их Сандре, та никогда не отказывалась. Еще Олли настаивал, чтобы они бывали в его доме и хотя бы пользовались бассейном, но Сандра не хотела

никуда ходить, а у Бенджамина не было времени.

«Весь в мать», – подумал как-то Оливер о Бене, когда заполнял чек для Сандры на пятьсот долларов. Вручая его, он велел будущей маме купить все необходимое для ребенка.

В самом деле, Сара со дня своего отъезда не взяла у него ни цента. Она жила на деньги, полученные в наследство от бабушки, и считала неправильным, чтобы Олли ее содержал. Сара себя во многом ограничивала, дети постоянно докладывали, что во время поездок в Бостон не имели того-то и того-то, потому что «мама себе это не может позволить». Но такой образ жизни Саре всегда нравился. Жизнь, которую ей обеспечил муж, больше ее не привлекала. В Перчесе она оставила горы своих вещей, многие из которых подарила Мелиссе. Сама же ходила в джинсах, футболках и сандалиях. Они с Жан-Пьером гордились, что путешествуют по Европе без гроша в кармане. Несколько раз дети присылали Оливеру видовые открытки, но звонка не было ни одного, и установить их местонахождение было невозможно, что вызывало у него некоторую нервозность. Сара же только сказала, что во Франции они будут останавливаться у родственников Жан-Пьера, а в других странах – в молодежных общежитиях. Хотя для детей такие условия были, безусловно, чем-то новым, Олли усматривал определенную пользу в подобном опыте. К тому же он не сомневался, что Сара как мать о них надлежащим образом позаботится, в этом плане он ей всегда доверял. Теперь, когда все разъехались, Олли сам удивлялся,

как по ним скучает. Агги он тоже дал отпуск до конца лета. Уборку в квартире делали раз в неделю уборщицы из бюро услуг. Дом в Перчесе стоял запертый, сеттера Оливер отвез к отцу, которому необходимо было общение, хотя бы с собакой. Когда в одно из воскресений Олли приехал навестить отца, то был трону-, видя, с какой заботой тот ухаживает за садом, выращенным руками жены. Джордж раньше терпеть не мог возиться в земле, но теперь все свое время проводил в саду, выращивая розы.

– Как дела, папа?

– Ничего. Только вот ужасно тихо стало, особенно после того, как дети уехали и ты. Мы с Маргарет время от времени выбираемся куда-нибудь поужинать. Очень много приходится заниматься вопросами маминого наследства.

Джордж в тот момент оформлял налоговые документы, кроме того, кое-какие акции, которыми владела Филлис, намеревался перевести на внуков.

Вечером Олли в грустном, задумчивом настроении возвращался на электричке в Нью-Йорк. Машина находилась в ремонте, от поездов он уже успел отвыкнуть. Он занял место, достал книгу и стал читать. Через несколько остановок кто-то сел рядом. Оливер искоса взглянул и увидел, что это была девушка с длинными темными волосами и коричневым загаром.

– Извините, – сказала она, нечаянно толкнув его сумкой. Казалось, при ней было все, что только можно забрать с со-

бой на уик-энд. Притороченная к сумке теннисная ракетка была Оливера по ноге, пока девушка наконец ее не подвинула.

– Извините за беспокойство.

Олли кивнул, ответил, что все в порядке, и снова углубился в свою книгу, а она достала нечто похожее на рукопись и стала делать пометки. Оливер заметил, что девушка иногда поглядывала на него. Наконец он с улыбкой поднял глаза. Попутчица была очень привлекательна: голубоглазая, без грима, с легкими веснушками на молодом лице (на вид не более двадцати пяти – двадцати шести лет), волосы собраны сзади.

– Как вам нравится книга? – спросила она, когда поезд притормаживал у очередной станции.

– Неплохая.

Это был бестселлер летнего сезона, Оливер читал ее с интересом, хотя не особенно любил романы. Книгу дала ему Дафна и очень рекомендовала прочитать.

– А рукопись вы читаете свою? – поинтересовался Олли.

Девушка рассмеялась, покачав головой, и показалась ему как бы немного старше в тот момент. На самом деле ей было тридцать лет, но своей естественностью и свежестью она напоминала Оливеру некоторых подруг Мелиссы. От его внимания не ускользнуло, что у незнакомки приятный тембр голоса и умные глаза, пока она дружелюбным тоном объясняла, что читает и почему:

– Я редактор, мы выпустили книгу, которую вы читаете. Поэтому я вас и спросила, нравится ли она вам. Вы живете за городом?

Она проявила к Оливеру интерес, но, похоже, ее интересовали все люди, о чем свидетельствовали открытость и легкость в общении. Кроме того, Олли заметил, что у нее очень красивые руки и плечи.

– Раньше я жил за городом. А теперь живу в Нью-Йорке. Во всяком случае, большую часть времени.

«Все ясно, – решила она про себя, – субботне-воскресный папаша».

– Детей навещали?

Олли покачал головой, дивясь прямолинейности ее вопросов:

– Нет, отца.

– Я тоже, – улыбнулась она. – У них с женой недавно родился ребенок.

Она объяснила, что ее шестидесятитрехлетний отец женат в третий раз, а мать тоже вышла замуж и живет в Лондоне.

– Интересное семейство.

– Да, – ухмыльнулась симпатичная попутчица. – Его жена на четыре года моложе меня. Папочка никогда не терял зря времени.

Она, правда, не рассказала Оливеру, что мужем матери является лорд Бронсон, и не стала хвастаться замками, поместьями отчима и роскошными приемами. В свое время

она решила сбежать от этого всего и уехала работать в Нью-Йорк, как поступают многие люди во всем мире. Образ жизни родителей ей не подходил.

– А чем вы занимаетесь?

Олли рассмеялся. Забавная попалась девушка. Забавная, открытая, милая и чертовски хорошенькая.

– Работаю в рекламном бизнесе.

Она хотела спросить, женат ли он, но сдержалась.

– Да что вы говорите? Как мой папа. Его зовут Роберт Таунсенд, может, вы его знаете?

Так вот оно что. Таунсенд был одним из китов рекламы.

– Я его встречал. Но не могу сказать, что хорошо с ним знаком.

Теперь Олли решил, что пора представиться.

– Меня зовут Оливер Ватсон.

Она крепко пожала ему руку:

– Меган Таунсенд.

А потом отложила рукопись, и остальную часть пути они проболтали. За разговором Олли про свою книгу тоже забыл. Когда же поезд прибыл на Центральный вокзал, предложил Меган подвезти ее домой.

Она жила на углу Парк-авеню и Шестьдесят девятой улицы, всего в пяти кварталах от его квартиры, поэтому, высадив ее из такси, Олли решил пройтись до дома пешком. Вечер был теплый, да и вообще ему нравился летний Нью-Йорк. Город почти вымирал, оставались только немногие

истинные его любители и еще люди, фанатично преданные работе, вроде самого Оливера. Толпы туристов бродили по улицам.

Едва Олли переступил порог квартиры, зазвонил телефон. Он подумал, что это Дафна. Теперь, когда дети были в отъезде, никто больше не звонил, разве что отец иногда. Но с удивлением услышал в трубке голос девушки, с которой только что расстался. Звонила Меган Таунсенд.

– Привет, это опять я. Знаешь, мне пришла в голову идея. Не хочешь зайти ко мне на салат и стаканчик чего-нибудь? Я не ахти какая повариха, но это мне под силу. Ну как?

В ее тоне появилась неуверенность, Меган подумала, что Оливер женат, как большинство мужчин его возраста. Но он бы сказал об этом, он производил впечатление вполне прямодушного человека.

– Я с удовольствием.

В практике Олли такого еще не случалось – чтобы женщина сама с ним знакоилась и приглашала в воскресный вечер к себе на ужин. А он даже не сообразил спросить у нее номер телефона. Да, права была Дафна. Он совершенно потерял навык.

– Мне что-нибудь принести?

– Не надо, у меня все есть. Скажем, в восемь, подойдет?

– Великолепно, – ответил Оливер и добавил: – Я рад, что ты позвонила.

– Я понимаю, что поступила, наверное, немного бесцере-

монно, – рассмеялась она в трубку, чувствуя себя уже совсем непринужденно, – но жизнь такая короткая. Мне понравился наш разговор в поезде.

– Мне тоже.

Тогда Меган решила спросить его, не откладывая в долгий ящик. Женатые мужчины – не в ее вкусе, хотя время от времени она принимала от них приглашения поужинать.

– Кстати, а ты женат?

– Я...

Оливер не знал, как ей ответить. Он был женат, но не так, чтобы принимать это в расчет, и поэтому решил сказать ей правду.

– Да... Но мы уже семь месяцев живем порознь.

Его ответ вроде бы устроил Меган.

– Сегодня, когда я впервые тебя увидела, то подумала, что ты ездил навещать детей.

– Нет, двое моих детей до конца лета уехали в Европу. А старший сын в Перчесе, работает.

Олли умолчал, что Бенджамину восемнадцать лет, что он живет с подружкой, которая ждет от него ребенка.

– Ну, тогда до восьми.

Меган с улыбкой положила трубку, довольная своим поступком. Оливер тоже, казалось, был доволен, когда спустя полчаса шел по Парк-авеню в направлении ее дома.

Квартира Меган была на последнем этаже небольшого, изысканного здания и имела выход на солярий. Простая слу-

жащая не могла бы позволить себе такое жилье, однако Олли знал, что Роберт Таунсенд не только преуспевал в своем бизнесе, но также происходил из очень уважаемой бостонской семьи, и впечатление этого чувствовался у Меган во всем, от макушки до пяток: в красивых ухоженных волосах, хороших туфлях, правильной речи, дорогой блузке белого шелка, которую этот вечер она надела с джинсами. Меган слегка накрасилась, распустила волосы, Оливеру очень понравилось, как они падают на ее спину и плечи. Теперь он понял, что эта девушка не просто хорошенькая, а по-настоящему красивая и очень привлекательная.

Она провела его в просторную гостиную, выдержанную в белых тонах. На бело-черном мраморном полу под огромным стеклянным столом были небрежно брошены две шкуры зебр. Одна стена была вся зеркальная и отражала вид из окна. В маленькой столовой стеклянный столик был накрыт для двоих. Хотя на Меган были только джинсы и шелковая блузка, всю ее окружала атмосфера изысканности.

– Какая красота! – восхищался Олли, когда она проводила его на террасу, вручив джинс с тоником.

– Это единственный случай, когда я позволила себе роскошь.

Отец хотел на тридцатилетие купить ей отдельный дом, но Меган решительно отказалась. Квартира ей нравилась и была достаточно большая. Оливер ее вполне понимал.

– Я провожу здесь большую часть времени, зарывшись в

рукописи, даже уик-энды.

Она непринужденно рассмеялась. Олли в ответ улыбнулся:

– Бывают судьбы и потяжелее.

Ему вдруг захотелось побольше узнать о Меган Таунсенд, и он решил принять ее игру:

– А как насчет тебя? Замужем? Разведена? Многодетная мать?

Последнее, правда, представлялось наименее вероятным. По всему чувствовалось, что она ничем не обременена и свободна.

– Замужем не была. Детей нет. Кошек, собак, птиц не имею. Женатых любовников тоже.

Оба рассмеялись, но Олли сразу приуныл:

– Значит, мне не на что рассчитывать?

– А ты что, возвращаешься к жене? – спросила Меган, когда они уселись в шезлонги, изготовленные по проекту Брауна Джордана.

– Нет. – Оливер посмотрел ей прямо в глаза, но не сказал, что еще недавно имел такое желание. – Наши жизни пошли в совсем разных направлениях. Она теперь аспирантка Гарварда и начинающая писательница.

– Что ж, это неплохо.

– На первый взгляд. – Когда Олли с чужими говорил о Саре, в его голосе все еще звучала горечь. – Но она бросила меня и троих детей, чтобы туда уехать.

– Вот это скверно.

– Было – да.

– А теперь?

Меган задавала вопросы, желая его лучше узнать.

– Иногда. Но в последнее время лучше. Нельзя же все время сердиться. – Оливер грустно улыбнулся. – Хотя я дулся довольно долго. Она все обещала, что вернется, но теперь, думаю, эта игра уже позади. Дети привыкают... и я тоже... – Он с улыбкой взглянул на собеседницу и, внезапно рассмеявшись, добавил: – Однако должен тебе признаться, что это мое первое свидание за двадцать лет, поэтому мое поведение может тебе показаться несколько несурзным.

– Ты ни с кем не встречался с тех пор, как она тебя бросила?

Меган была потрясена. Его жена, вероятно, была необыкновенной женщиной. Сама она в жизни не оставалась без мужчины дольше месяца и не выносила одиночества. Ее последний любовник покинул ее всего три недели назад после спокойных шести месяцев, на протяжении которых он курсировал между ее солярием и собственным домом на Пятой авеню. Меган вращалась среди элиты, но что-то в Оливере ее заинтриговало: его глаза, его шарм и еще что-то, подсказывавшее, что он очень одинок.

– Ты серьезно?

Олли вдруг вспомнил поклонницу женской борьбы и опять расхохотался:

– Нет, вру... Пару месяцев назад у меня было свидание, но очень неудачное. Оно меня почти отрезвило.

– Бог ты мой, Оливер. – Меган, смеясь, допила остатки джина с тоником. – Так ты практически девственник.

– Можешь это так называть, – все в том же шутовском тоне ответил Олли, а потом задумался над ее словами. У него не было близости с женщиной семь месяцев, и он не знал, что будет, если такая возможность представится. Может, вообще ничего и не получится? На протяжении семи месяцев он никого не хотел, кроме Сары. И ни с кем другим не спал все предыдущие двадцать лет. Он никогда не изменял жене, а эта девушка, похоже, привыкла менять мужчин как перчатки. Внезапно живший в нем мальчишка захотел удрать как можно скорее домой. Олли встал и снова пошел полюбоваться на вид с террасы, а Меган тем временем заканчивала приготовление обещанного салата.

– Предупреждаю тебя, я готовлю из рук вон плохо. Салат по-императорски и карпаччо – это предел моих возможностей. Ну еще разве что пицца.

– Я весь – нетерпение. Это мои любимые блюда. Сама она ему тоже нравилась, хотя и немного пугала. Ужинать сели в столовой. Говорили о ее и его работе.

Олли снова почувствовал себя раскованно, а когда Меган наконец спросила о его детях, он постарался их описать.

– Они тяжело пережили уход матери, я, впрочем, тоже. Но теперь ребята, кажется, приходят в себя.

Что, конечно, не касалось Бенджамина и катастрофы, которую он учинил вместе с Сандрой.

– Ну а ты? Как теперь твое самочувствие?

После нескольких глотков хорошего французского вина Меган, похоже, стала деликатнее, да и Олли тоже расслабился. Они очень мило беседовали о жизни за нехитрым ужином.

– Не знаю. Я больше об этом не думаю. Я просто занят работой и детьми, и мне некогда копаться в своих ощущениях. Может, это и хороший симптом.

– Ты по ней по-прежнему тоскуешь?

– Конечно. Странно было бы, если б я не тосковал. Мы прожили в браке восемнадцать лет, а до того четыре года встречались. Для любого это большой период. Для меня – половина жизни.

– Тебе сорок четыре?

Она улыбнулась, а Олли кивнул.

– Я думала, тебе лет тридцать девять.

– А я думаю, что тебе двадцать пять.

– Мне тридцать. Оба рассмеялись.

– Ну и как ты это воспринимаешь? Так ли это ужасно, как говорят? Сара была в отчаянии, когда ей исполнилось тридцать, ей казалось, что вся жизнь позади. А что уж говорить о тридцати девяти... сорока... сорока одном. Мне кажется, это ей все время не давало покоя. Она была в панике, что по-настоящему состарится, так ничего и не достигнув, и поэто-

му сбежала. Но дело-то в том, что достигла она многого, по крайней мере я так считаю. Сара считала иначе.

– Я не придаю этому значения, наверное, потому, что не замужем и не имею детей. Я всю жизнь делала только то, что мне хотелось. Ты, наверное, считаешь, что я избалована.

Она сказала это с таким веселым видом, что Олли тоже стало смешно. Он оглядел дорогую обстановку и подумал, что Меган права.

– А что для тебя важно? Я имею в виду, что тебя на самом деле волнует?

«Я сама», – чуть не призналась она, но все-таки решила не быть такой откровенной.

– Наверное, моя работа. Моя свобода. Возможность делать в жизни именно то, что нравится. У меня не получается быть альтруисткой или приспособливаться к другим людям. Все мы играем по своим правилам, и мне нравятся мои. Я не понимаю, почему кто-то должен что-то делать, выходить замуж, рожать детей, подлаживаться под чьи-то правила. Я поступаю по-своему, и это мне нравится.

– Ты избалована, – констатировал Олли, одновременно сознавая, что ему это несколько не мешает.

– Моя мама всегда учила меня не следовать чьим-то правилам, и я так и делала. Мне кажется, я всегда могу поставить себя выше их. Иногда в этом моя сила, иногда слабость. Иногда это препятствие, потому что мне непонятно, почему люди так усложняют себе жизнь. Надо делать в жизни то, что

хочешь, только это важно.

– А если ты причинишь кому-то обиду своим поступком?

Она ступила на зыбкую почву, но была достаточно умна, чтобы понимать это.

– Иногда такую цену приходится платить. С этим приходится жить, но надо жить и с самим собой, что иногда гораздо важнее.

– Мне кажется, так же рассуждала Сара. Но я с этим не согласен. Иногда бываешь в большем долгу перед другими людьми, чем перед собой, и надо себя переломить и делать то, что хорошо для них, даже в ущерб себе.

В этом он принципиально расходился со своей женой и, вероятно, с Меган.

– Единственный человек, которому я что-то должна, – это я сама, и пока меня такой принцип устраивает. Поэтому у меня нет детей и потребности выходить замуж, хотя мне тридцать. Кажется, именно об этом идет у нас речь. В каком-то смысле я с тобой согласна. Если у тебя есть дети, ты должен думать и о них, а не только о себе. А если не хочешь жить ради них, то и не надо их иметь. Я не хочу брать на себя такую ответственность и потому их не имею. Но у твоей жены они были. По-моему, главной ее ошибкой было то, что она вышла за тебя замуж и обзавелась детьми.

Меган была проницательнее, чем сама думала. К удивлению Оливера, она постигла самую суть философии Сары.

– Я думаю, это была моя ошибка. Я подбил ее на все это.

А потом... через двадцать лет, она вернулась к тому, от чего отказалась, когда мы познакомились... и удрала...

– Не стоит винить себя за это. На ней тоже лежит ответственность. Ты же не вел ее под венец под дулом пистолета. Ты делал то, во что верил. Нельзя нести ответственность за поступки других.

Она была абсолютно самостоятельной женщиной, не зависящей ни от кого и ни от чего, и совершенно этого не скрывала.

– А что твои родители думают о твоём образе жизни? Меган на мгновение задумалась.

– Знаешь, по-моему, он их раздражает. Но они махнули на меня рукой. Отец только и делает, что без конца женится и плодит детей. У него двое от моей матери, четверо от второй жены, а теперь вот родился седьмой. Моя мать только выходит замуж, а рожать детей как-то забывает, что, впрочем, и хорошо, потому что она их, по правде говоря, не любит. Мы с сестрой начиная с семи лет большую часть жизни провели в дорогих пансионах. Родители отдали бы нас туда и раньше, если б там принимали.

– Какой ужас.

Оливер не мог себе даже представить, как бы он отдал детей куда-то. В семь лет Сэм был маленьким несмышлёнышем.

– И на вас это отразилось? – спросил Олли, но тут же понял, что задал глупый вопрос. Теперь стало ясно, почему она

не была привязана ни к чему и ни к кому.

– Наверное, да. У меня не получаются так называемые «прочные союзы». Люди приходят и уходят. Так в моей жизни происходило всегда, и я к этому привыкла... были, правда, исключения.

Она вдруг погрузилась и принялась убирать со стола.

– А вы с сестрой близки?

Меган прервала уборку и как-то странно посмотрела на него.

– Были близки. Очень. Она была единственным человеком, на которого я могла всегда рассчитывать. Мы были двойняшками, ты можешь себе это представить. Двойные заботы. Правда, она была полной моей противоположностью: доброй, ласковой, хорошо воспитанной, порядочной, вежливой, она поступала исключительно по общепринятым правилам и всем во всем доверяла. Когда ей был двадцать один год, она влюбилась в женатого. И покончила с собой, когда он не захотел бросить жену.

Для Меган тогда все изменилось, Оливер видел это по ее глазам, пока она рассказывала.

– Грустная история.

– Да, очень. Больше у меня не было такого друга, как она. Словно я потеряла половину себя. Лучшую половину. В ней было все то хорошее, чего никогда не было во мне и не будет.

– Ты чересчур самокритична.

Оливер говорил с ней очень мягким тоном, но его доброта

только усиливала ее боль.

– Нет, я просто честна. Будь я на ее месте, я бы убила этого сукина сына или его жену. А себя бы убивать не стала.

Меган помолчала и с болью в голосе продолжила:

– Когда сделали вскрытие, то обнаружили, что она на пятом месяце беременности. Она мне об этом не говорила. Я училась здесь, а она жила в Лондоне с матерью. – Она потемневшими глазами посмотрела на него. – Хочешь кофе?

– Да, спасибо.

«Удивительная история, – подумал Олли. – Чего только не бывает в жизни людей: трагедии, боль, чудеса, переломные моменты. Меган наверняка была совсем другой до гибели сестры, но какой – мне никогда не узнать».

Он пошел за ней на кухню. Меган тепло ему улыбнулась:

– Ты хороший человек, Оливер Ватсон. Я обычно не рассказываю людям о себе, тем более при первом знакомстве.

– Очень польщен, что удостоился такой чести. Ее рассказ в самом деле многое прояснил.

Они вернулись на террасу с чашками ароматного напитка и снова стали любоваться прекрасным видом. Меган сидела очень близко, и Олли чувствовал, что она чего-то от него ждет, Ноне был готов на это «что-то». Для него все разворачивалось слишком стремительно, он еще не мог решиться на близость с женщиной, которая не была Сарой.

– Ты не хотела бы пообедать со мной как-нибудь на этой неделе?

– Очень бы хотела, – улыбнулась Меган. Он был таким милым и невинным и в то же время таким сильным, порядочным и добрым. Олли воплощал все, чего она всегда боялась и что ее никогда не привлекало. – А ты хотел бы провести со мной здесь ночь?

Вопрос был прямой и застал Оливера врасплох в тот момент, когда он ставил на столик свою чашку. Он посмотрел на нее с улыбкой, которая делала его еще привлекательнее и моложе.

– Если я скажу нет, ты поймешь, что это не отказ? Я не люблю спешку. Ты достойна большего. Мы оба достойны.

– Но я больше всего хочу именно этого.

Меган была с ним честна. Это была одна из немногих ее добродетелей.

– Зато я хочу большего. И ты должна хотеть. Представь, мы переспим, нам будет хорошо, а потом разойдемся в разные стороны, и что? Что это нам даст? Даже если мы проведем друг с другом только одну ночь, лучше, если бы это имело для нас обоих большее значение.

– Не относись к этому так серьезно.

– Может, проще будет сказать, что я не готов? Или так говорят только неудачники?

– Оливер, помнишь, что я сказала? Надо следовать своим правилам. У тебя они одни. У меня другие. Я согласна на ленч, если мое предложение тебя не очень шокировало.

Оливер рассмеялся, снова чувствуя себя непринужденно.

Она, казалось, умела со всем соглашаться, была податливой и нетребовательной и к тому же вызывала такое влечение, что Олли сам себя проклинал за то, что не набросился на нее сразу, пока она не раздумала.

– Я позвоню тебе завтра.

Он встал. Пора было идти, пока не случилось то, о чем потом пришлось бы жалеть, пусть даже не ей.

– Спасибо за замечательный ужин.

– Всегда рада.

Провожая Оливера до дверей, Меган внимательно в него всматривалась, а потом поглядела ему прямо в глаза. В ее взгляде было то, что видывали немногие мужчины. Хотя спала она со многими, мало было таких, кто по-настоящему знал ее.

– Оливер... спасибо тебе... за все...

– Я ведь ничего не делал, кроме как ел, болтал и радовался общению с тобой. За что ты меня благодаришь?

– Спасибо тебе за то, что ты такой... даже если ты никогда мне не позвонишь.

Меган была к этому привычна, так часто случалось после ночей, полных неудержимой страсти. Как она и сказала Оливеру, мужчины в ее жизни приходили и уходили. Но если бы он не позвонил, она бы все-таки жалела.

– Я тебе позвоню, – пообещал Олли, а потом наклонился, обнял ее и поцеловал. Она была первой женщиной, которую он целовал, с тех пор как жена ушла от него. Губы Меган бы-

ли горячими и манящими, а тело сильным и пленительным. Больше всего на свете Олли хотел близости с ней, но в то же время понимал, что надо идти. Он хотел все хорошенько обдумать. Меган была слишком сильной женщиной, чтобы относиться к ней несерьезно.

– Спокойной ночи, – прошептала она, когда пришел лифт.

Оливер улыбался и смотрел ей в глаза, пока не закрылись двери. Меган долго стояла на площадке, потом медленно вернулась к себе в квартиру и закрыла дверь, вышла на террасу, села, размышляя о нем... и о сестре, о которой много лет ни с кем не говорила. И, сама не зная почему, стала тихо плакать.

Глава 15

Олли позвонил ей, как и обещал, на следующее утро и пригласил на ленч в тот же день, в ресторан «Четыре сезона». Минувшей ночью он, лежа в кровати, долго думал о ней и ругал себя, что не принял ее предложение и не остался. Ему все поднесли на блюдечке с голубой каемочкой, а он удрал. Оливер чувствовал себя круглым дураком и был уверен, что Меган о нем того же мнения.

В полдень они встретились в «Четырех сезонах». На Меган были красное шелковое платье и босоножки из черной кожи на высоких каблуках. Олли подумал, что сексапильнее женщины никогда не видел, и еще больше устыдился за прошлый вечер, в чем и признался Меган, когда они уселись за столик. Фонтан посреди зала разбрызгивал легкую водяную пыль, всюду сидели люди из рекламного и издательского дела. Вряд ли можно было считать это место укромным, но у обоих не было причин, чтобы таиться.

Меган рассказала ему о новой книге, которую собиралась издать, а Олли долго говорил про одного из новых клиентов их агентства. Лишь в три часа они огляделись и поняли, что остались в зале одни. Меган рассмеялась, а Оливер был слегка смущен.

– Как ты насчет ужина завтра вечером? – спросил он, когда они выходили.

– А ты готовить умеешь?

– Нет, – рассмеялся Олли. – Но я могу купить готовый и подогреть. Что бы ты хотела? Пиццу? Сандвич «пастрами»? Чизбургер?

Меган улыбнулась в ответ:

– А может, я куплю кое-что в моем любимом магазине деликатесов и мы вместе что-нибудь из этого соорудим?

– Отличная идея.

Но больше всего Олли радовался перспективе новой встречи с ней. Он легонько поцеловал ее в щеку, усаживая в такси, и отправился обратно в офис.

– Новый клиент? – спросила Дафна, когда в четыре часа зашла к нему в кабинет, чтобы показать готовые материалы.

– Кто?

– Та сногшибательная красотка, с которой я тебя видела на ленче.

Дафна весело ухмыльнулась, а он покраснел и сделал вид, что разглядывает бумаги.

– Ты что, следишь за мной?

– Неужели повеяло весной или это ее духи?

– Не лезь в чужие дела. Это, наверное, дихлофос. Я сегодня утром нашел у себя под столом таракана.

– Ни за что не поверю. Здесь даже искусственным цветам нечем дышать, не то что милому здоровенькому тараканчику. Она прелесть. Кто такая?

– Просто девушка, с которой я на днях познакомился.

– Великолепно. У тебя с ней серьезно?

Дафна была с ним как сестра, за это он ее любил.

– Еще нет. А может, и не будет. Она из тех великих эмансипанток, вроде моей бывшей жены, помещана на карьере, свободе и не хочет никаких привязанностей.

Он впервые сказал о Саре «бывшая жена», что само по себе было шагом в правильном направлении.

– С ней могут быть проблемы. Что ж, развлекайся, пока она тебе не разбила сердце.

– Что и собираюсь делать.

– С чем тебя и поздравляю.

– Спасибо. А теперь ты не будешь возражать, если мы займемся работой, или предпочитаешь роль консультанта по любовным делам?

– Не будь таким обидчивым!

Но в тот вечер они с Дафной все-таки отменили совместный ужин и допоздна работали.

Вернувшись домой, Олли позвонил Меган. Ее не было, сработал автоответчик. Оливер оставил ей информацию, что подтверждает договоренность относительно ужина.

Назавтра Меган явилась ровно в восемь вечера, вся обвешанная покупками, которые они вместе на кухне распаковали.

– Неплохая квартира, – вежливо заметила Меган, хотя ни в какое сравнение с ее жильем это не шло. Явно чувствовалось, что помещение снимается и лишено индивидуаль-

ности. Только в своих комнатах дети позаботились об уюте, остальным Олли не занимался, а в связи с отъездом Агги не было даже цветов. Олли подумал о них слишком поздно, когда уже был дома и открывал бутылку вина к ужину.

– Как прошел день?

– Неплохо. А твой?

Вид у Меган был непринужденный и радостный. На ней были белая шелковая юбка с разрезом почти до бедра и бирюзового цвета блузка, с которой ее медового оттенка загар казался еще темнее.

Ели они за кухонным столом. Олли рассказал Меган, что делал весь день, приятно было с кем-то поделиться впечатлениями.

– Тебе, наверное, одиноко здесь без детей?

Олли улыбнулся, не зная, понимать ли это как приглашение поехать снова к ней.

– Да, без них как-то слишком тихо. Но я почти все вечера допоздна работаю.

Его вдруг посетило предчувствие, что больше так продолжаться не будет.

Говорили о всякой ерунде: о поло, бейсболе, опять о ее родителях, о том, как ей несимпатичны англичане. Меган подозревала, что повинен в этом тот тип, из-за которого ее сестра покончила с собой. Обо всем она имела свое мнение. Когда Меган помогала ему убирать со стола, Олли снова обратил внимание на разрез ее юбки и ощутил невероятно сильное

влечение.

Потом они сели в гостиной, пили вино, разговаривали, и вдруг, не понимая, как это случилось, Оливер обнаружил, что целует ее. При этом они лежали на диване и он отчаянно желал близости с ней. Юбка у Меган поднялась к талии, бедра были обнажены, и когда Олли скользнул ладонью по атласу ее тела, то понял, что под юбкой у нее не было ничего. Он буквально застонал от бешеной страсти. Его пальцы нашли то, чего искали, а она при этом тихонько замурлыкала. Годы куда-то улетучились, Олли снова почувствовал себя молодым. Молодым, влюбленным и охваченным страстью. Он снял с Меган блузку, от юбки она сама избавилась каким-то магическим движением и теперь лежала вся в его власти, обнаженная и прекрасная. У Оливера от этого великолепного зрелища перехватило дыхание.

– Господи, Меган... Господи... – вырвалось у него.

Тогда и она со знанием дела, отпуская шуточки и колкости, снимала с него одежду, а потом они на диване стали заниматься любовью, причем Олли никогда прежде не приходилось переживать ничего подобного. Она делала с ним то, о чем он даже не решался мечтать, и наполнила его столь мощным желанием, что он взял ее силой и ворвался в нее как ураган. Потом он лежал на ней и чувствовал, как дрожит ее тело. Постепенно оно начало извиваться. Оливер не мог поверить, что она хочет еще, но Меган снова привлекла его руки к себе, после чего уложила его голову себе между

ног, и он языком ласкал те места, которые ей хотелось. Меган стонала, кричала, содрогалась, и он опять вошел в нее. Так они предавались любви на протяжении многих часов, снова и снова. Она стащила его на пол. Потом Олли отвел ее к себе в спальню. В конце концов они, изнуренные, просто лежали рядом. Но Меган засмеялась своим глубоким, горловым смехом и вновь потянула Оливера к себе. Тот застонал:

– Бог мой, сударыня, вы хотите меня прикончить?

– Но какая это будет прекрасная смерть!

Оба рассмеялись. Чуть позже Меган приготовила ему ванну, и любовные ласки продолжались там. Для обоих это была незабываемая ночь. Когда взошло солнце, они, счастливые, плескались в воде. Прежде Олли не знал женщины подобно этой. Меган была полна страсти и такой же страстью наполняла его. Он никогда не думал, что способен на такие подвиги, которые, однако, ему очень понравилось совершать.

– Ты представляешь, мы занимались любовью десять часов кряду? Сейчас семь утра.

Олли был изумлен этим достижением. Изумлен, но и обрадован, доволен собой и Меган. Любовь с Сарой не шла с этим ни в какое сравнение, а он ведь считал их сексуальную жизнь идеальной.

– После семи месяцев воздержания ты, наверное, это заслужил, как считаешь?

– Вот об этом я как-то не подумал. Тогда, может, еще разочек?

Он только пошутил. Но Меган – нет. Она оседлала его и принялась объезжать. Оливер смеялся, но вскоре с изумлением снова ощутил в себе желание. Они плескались и кувыркались в ванне как два дельфина, а потом он прижал ее к краю ванны и вонзился в нее. Меган в экстазе стонала и умоляла его не кончать, кричала, и наконец их, погруженных в теплую воду и душистую пену, взорвало высшее наслаждение.

– Ах, Меган... что ты со мной делаешь?.. – низким, хриплым голосом произнес Олли, целуя ее в шею. Меган открыла глаза, посмотрела на него и погладила светлые растрепавшиеся волосы. – Я таких, как ты, не встречал.

– А я такого никогда прежде не чувствовала, – ответила Меган серьезно и добавила то, чего не говорила другим мужчинам: – Ты неподражаем, Оливер.

– А ты просто прелесть.

Он с трудом заставил себя одеться, чтобы идти на работу. Но когда они уже собирались уходить, Меган обняла его и принялась ласкать там, где, казалось, все силы должны были быть исчерпаны... но не были.

– Я в это не могу поверить... Меган... мы же так отсюда никогда не выйдем...

Олли начинал думать, что и не стоит выходить.

– Может, мы позвоним на работу и скажем, что заболели? – прошептала она, увлекая его на пол в прихожей, и стала покусывать ему шею, нежно касаться губами лица и все гла-

дила и гладила... Он снова набросился на нее и овладел с той энергией, которую даже не подозревал у себя после двенадцати часов, проведенных с Меган Таунсенд.

В итоге они поступили точно так, как она предлагала. Позвонили на работу, сказавшись больными, и провели день в постели, на полу, на диване и в ванне. Они занимались любовью даже прислонившись к стене кухни, когда пошли приготовить себе что-нибудь поесть. Ими овладело нечто вроде безумия. Ночью они лежали в постели, Олли крепко обнимал Меган, а она кормила его печеньем в шоколаде.

– Слушай, может, нам вызвать врача? – сияя от счастья, спросил Оливер. – Может, это болезнь... или отравление...

– Ага, наверное, от печенья в шоколаде...

– Да?.. Ну, ладно... Тогда дай еще одно...

Олли не представлял себе, что они когда-то могут расстаться или одеться. А потом он подумал о том, чем должен был поинтересоваться еще накануне, и спросил Меган, не боится ли она забеременеть.

– Ни капельки, – ответила та непринужденно. – Я сделала стерилизацию девять лет назад.

– В двадцать один год?

Олли был шокирован, но потом вспомнил, что именно тогда погибла ее беременная сестра.

– Я знала, что все равно никогда не захочу иметь детей, и не хотела, чтобы какой-то прохвост поступил со мной так, как с Присциллой.

– И ты никогда об этом не жалела? А что, если тебе когда-нибудь захочется иметь детей?

– Не захочется. В крайнем случае, можно взять приемных. Но вряд ли я когда-нибудь это сделаю. Мне просто не нужна лишняя головная боль. А почему ты спрашиваешь? Тебе что, хочется иметь больше детей?

– Раньше хотелось. Но Сара была категорически против. Она тоже сделала стерилизацию, после того как родила Сэма. Я об этом всегда сожалел в отличие от нее.

– И ты по-прежнему хочешь иметь их больше?

Меган не была обеспокоена, скорее просто заинтригована. У нее в голове не укладывалось, как вообще можно хотеть детей.

– Не могу тебе ответить определенно. Теперь уже поздно. Но если бы такое случилось, думаю, я не был бы против.

– Ну, на меня можешь не рассчитывать, – ухмыльнулась она и откинулась на подушки.

Тогда, чувствуя, что может быть с ней откровенным, Олли рассказал Меган о Бенджамине:

– Мой восемнадцатилетний сын в сентябре станет отцом. Это глупейшая история. Он работает мойщиком посуды и содержит свою подругу. Они оба бросили школу, а он мог поступить в Гарвард.

– Может, еще поступит.

Меган, казалось, ему сочувствовала. Было очевидно, что

Олли переживает за сына.

– Они будут растить ребенка?

– Хотят, во всяком случае. Я сделал все, чтобы их отговорить. По крайней мере, слава Богу, они хоть не женятся.

Олли благодарил судьбу за упрямство Сандры в этом вопросе.

– Может, они одумаются, когда вплотную столкнутся с реальностью. Дети милы только на рекламах подгузников. Остальную часть времени – это маленькие монстры.

– А вы со многими детьми имели дело, мисс Таунсенд?

– К счастью, с очень немногими. Покорнейше благодарю.

Она легла на бок и крепко вцепилась в его любимый орган, а потом сползла по простыне ниже, чтобы нежно поласкать его языком.

– Лично я предпочитаю деточкам папочек...

– Значит, мне повезло, – улыбнулся Олли и зажмурился, а потом привлек ее к себе, чтобы отблагодарить.

Однако в эту ночь они наконец в первом часу уснули. Это был марафон, который Оливеру не суждено было забыть никогда. Это было чудо Меган Таунсенд.

Глава 16

Роман пламенел в самом жарком месяце года. Погода в августе стояла знойная, и такой же была их страсть. Они встречались попеременно то у него на квартире, то у нее.

Однажды даже провели ночь, занимаясь любовью на террасе. К счастью, окружающие здания были ниже.

Теперь у Олли не хватало времени ужинать с Дафной, но она знала, что происходит, и радовалась за него. У Оливера постоянно был отсутствующий, рассеянный вид, и Дафна надеялась, что он наконец отключился от тяжелых мыслей.

В один из дней Олли взял Меган с собой, когда поехал в Перчес навестить Бенджамина и отца. Он завез ее к ее отцу и на обратном пути забрал. Почему-то ему не хотелось привозить Меган в перчесский дом, который все еще был полон воспоминаний о Саре.

Но теперь он о ней думал редко. Он был пленен Меган, их близостью, ее телом. Как-то в жаркий воскресный вечер, когда они нагишом ходили по его квартире, зазвонил телефон. Олли не мог догадаться, кто бы это мог быть. Может, Дафна проверяет... хотя в последнее время она редко звонила. Не хотела ему мешать.

Когда он снял трубку, то услышал только треск, потом все замолчало. Раздался новый звонок, и телефонист сообщил, что сейчас будут говорить из Сан-Ремо. Почти ничего не бы-

ло слышно. Олли улыбнулся проходившей мимо Меган и с грустью подумал, что придется несколько изменить расписание. В следующий уик-энд должны были приехать дети.

– Алло!

Ничего нельзя было разобрать. На том конце провода как будто плакали, но Оливер был уверен, что это помехи.

– Алло! – прокричал он и вдруг услышал, что это Мел плачет и без конца повторяет «папочка... папочка».

– Мелисса? Мелисса! Говори громче!

Связь прервалась, но потом опять восстановилась, и стало немного лучше слышно.

– Что? Что случилось?

– ...несчастный случай...

«О Господи... нет... Сэм... только не Сэм... умоляю... и даже не Сара...»

– Деточка, я тебя не слышу! Говори громче!

Глаза у Олли наполнились слезами, пока он ждал. Меган вглядывалась в выражение его лица. Он совершенно о ней забыл от отчаяния, что не может разобрать слов дочери.

– ...несчастный случай... погибли... мамочка... «О Господи! Все-таки Сара...»

Он встал, словно это могло улучшить слышимость, и закричал в трубку так громко, как только мог:

– Что случилось с мамой?

– ...машина... мы ехали... мы в Сан-Ремо... Жан-Пьер...

– Мелисса, мама что, ранена?

По выражению его лица Меган увидела, что Оливер все еще любит свою жену, но не осуждала его за это, ведь восемнадцать лет – это не шутка. Она тоже стояла парализованная страхом. Ей это напомнило звонок почти десятилетней давности, от ее матери... «Дорогая моя... дорогая... Присцилла...»

– С мамочкой все в порядке...

По щекам у Оливера скатились слезинки, когда он это услышал.

– А Сэм? Что с Сэмом?

– ...У Сэма сломана рука... Папочка, это было так ужасно...

Она снова стала плакать, и Олли ничего не понимал. «Но раз Сэм жив... а он жив... И Сара тоже... А звонит Мелисса...»

– ...На нас наехала машина... на полной скорости... Погиб водитель... и двое детей... и Жан-Пьер... Жан-Пьер погиб на месте... Ах, папочка... это было так ужасно...

«О Господи... бедняга». Но по крайней мере остались живы дети. Его дети, а не те. Ужасно, эгоистично было так думать, но Олли все равно благодарил судьбу.

– Деточка, а ты-то не пострадала?.. Не ранена?

– ...Я в порядке...

– А где мама?

– В больнице... Она поручила мне позвонить тебе... Нам надо вернуться во Францию на похороны... Мы будем дома в пятницу.

– Вы точно не пострадали? Мама не была ранена?

– ...У нее синяк под глазом... и вся в ссадинах... но, в общем, в порядке...

Разговор был похож на игру в испорченный телефон, но самое главное, что они были живы, хоть и в синяках и с переломами. Дети видели, как погиб любовник их матери, и еще один человек, и двое детей. Олли вздрогнул от одной мысли об этом.

– Вы хотите, чтобы я приехал?

– Нет... не надо... Мы поживем у родителей Жан-Пьера... мы туда сегодня уезжаем... Мама говорит, что у тебя есть их телефон.

– Да, есть. Я вам позвоню. И, деточка...

Олли расплакался, трубка в его руке дрожала.

– ...Я тебя люблю... скажи и Сэму, что я его тоже люблю...

А маме скажи, что я сочувствую.

Мел опять плакала, и слышимость стала такой плохой, что в конце концов разговор пришлось закончить. Олли, потрясенный, положил трубку и уставился на Меган. Он абсолютно о ней забыл.

– Они в порядке?

Меган стояла перед ним обнаженная и прелестная, протягивая рюмку бренди.

– По-моему, да. Слышимость была ужасная. Там произошел несчастный случай... несколько человек погибли, как я понял. Погиб на месте друг моей жены. Он вел машину. В Сан-Ремо.

– Господи, какой кошмар!

Она села рядом и потянула бренди из не тронутой им рюмки.

– Дети не пострадали?

– У Сэма сломана рука. Мелисса, по-моему, в порядке. У Сары садины. В общем, обошлось. Но, наверное, это было страшно. – Посмотрев на Меган, Олли продолжил: – Когда она начала говорить, я думал... я думал, Сэм... или Сара... Это ужасно, что погибли другие, но я рад, что не мои.

– Понимаю.

Она обняла его, тесно прижалась, и так они долго-долго сидели. На ночь Меган осталась у Оливера на случай, если бы опять позвонили дети, и впервые за этот месяц они вообще не занимались любовью. Единственное, о чем он мог думать, – это о детях. Этот телефонный звонок вернул им обоим рассудок. Их разнузданная идиллия не могла продолжаться в том же виде после приезда детей. Олли понимал, что не сможет уже проводить ночь не дома, а Меган не сможет оставаться у него, при детях им вообще пришлось бы вести себя гораздо осмотрительнее. С одной стороны, это побуждало их как можно полнее воспользоваться последними днями, но с другой – сознание предстоящих перемен не могло не наложить отпечаток на их отношения.

Вечером в четверг оба были в нервном и подавленном состоянии. Они всю ночь не спали, занимались любовью, разговаривали, мечтая о том, что все могло бы быть иначе.

– Мы могли бы когда-нибудь пожениться, – сказал Олли полушутя.

Меган посмотрела на него с притворным ужасом:

– Не говори глупости. Это уж чересчур.

– Разве?

Олли считал ее несравненной и был целиком во власти ее обаяния.

– По-моему, да. Я не могу ни за кого выйти замуж. Я не тот тип женщины, и тебе это известно.

– Но ты замечательно разогреваешь мусаку.

– Тогда женись на том парне из магазина деликатесов, где ее готовят.

– Он наверняка не такой умный, как ты, хотя я его не знаю.

– Будь наконец посерьезнее. Что бы я делала с мужем и четырьмя детьми?

Олли сделал вид, что задумался, а она рассмеялась.

– Кое-что я мог бы тебе предложить...

– К счастью, для этого не надо жениться.

Они вместе провели изумительный месяц, но Меган уже вела себя так, словно все кончено.

– Мне просто больше ничего не надо.

– А вдруг когда-нибудь понадобится?

– Если так случится, я тебе первому сообщу, обещаю тебе.

– Серьезно?

– Серьезно настолько, насколько можно быть серьезным в этих вопросах. Я тебе уже сказала, что брак не для меня. И

тебе тоже не нужна еще одна жена, которая с воплями убежит за дверь. Тебе нужна замечательная, умная, красивая женщина, которая будет тебя безумно любить и заботиться о твоих детях и нарожает тебе еще дюжину.

– Вот тоже придумала. По-моему, ты путаешь меня со своим отцом.

– Ничуть. Во всяком случае, я не то, что тебе прописал бы врач. Я знаю себя, и далеко не все во мне идеально. В какой-то степени я, наверное, похожа на твою жену, а это совсем не то, что тебе нужно. Признайся.

Олли задавался вопросом, неужто Меган в самом деле права, и в ее лице он нашел более похотливый вариант Сары. Он об этом раньше как-то не думал, но исключать такую возможность было нельзя.

– Ну, и что же теперь будет?

– Будем радоваться тому, что имеем, и так долго, как сможем, а когда для обоих из нас это станет слишком сложно, скажем друг другу спасибо, поцелуемся, обнимемся и распрощаемся.

– Вот так просто?

– Вот так просто.

– Я с этим не согласен. Человек привязывается к другим людям. Тебе не кажется, что, проведя месяц вместе, мы привязались друг к другу?

– Конечно. Но не путай великолепный секс с большой любовью. Эти две вещи не всегда сочетаются. Ты мне нравишь-

ся, мне с тобой хорошо, может, я даже тебя люблю. Но все будет по-другому, когда вернутся дети, причем перемены коснутся нас обоих. Ничего не поделаешь, придется с этим смириться. Нельзя убиваться из-за таких вещей. Не стоит.

Меган говорила таким безразличным, будничным тоном, в точности как тогда, при первом знакомстве в электричке и когда впервые пригласила его к себе ужинать. Пока это является развлечением, все прекрасно, как только перестает им быть, надо выбросить все на помойку.

«Она права, – думал Оливер. – Я внушил себе, что полюбил ее, а на самом деле, как она и говорит, полюбил ее тело».

– Может, ты и права. Не знаю.

В ту ночь они снова занимались любовью, но это уже было не то. А на следующее утро Меган вернулась к себе, причем предварительно замела все следы своего месячного пребывания в его квартире, забрав свою косметику, дезодорант, таблетки от мигрени, духи, которые Олли ей подарил, бигуди, «Тампакс» и несколько платьев, висевших у него в шкафу. Вид пустых полок и вешалок снова вызвал у Оливера чувство одиночества и навеял воспоминания о болезненной потере Сары. Почему все должно кончаться? Почему все течет, все изменяется? Почему нельзя хоть что-то удержать навсегда?

Все эти вопросы с еще большей ясностью встали перед ним, когда он увидел спускавшихся по трапу самолета детей, а за ними Сару. Он никогда раньше не видел на ее лице тако-

го потрясения, печали и одиночества. Провалившиеся глаза смотрели на Оливера скорбно, повязка на подбородке прикрывала многочисленные швы. У Сэма был испуганный вид, он здоровой рукой держался за руку матери, другая рука была в гипсе от кончиков пальцев до самого плеча. Мелисса принялась плакать, едва только увидела отца, и, бессвязно всхлипывая, бросилась ему в объятия. То же сделал в следующее мгновение Сэм. Рука на перевязи мешала ему прильнуть к папе.

Когда Оливер посмотрел на женщину, которая раньше была его женой, то понял, как сильно она любила паренька, погибшего в Сан-Ремо.

– Я сочувствую, Сарри... сочувствую...

Видеть ее такой надломленной было все равно что самому потерять что-то родное.

– Может, я могу чем-то помочь?

Сара покачала головой. Пока они медленно шли к месту получения багажа, Мелисса рассказывала о похоронах. Жан-Пьер был единственным ребенком, для его родителей это была трагедия.

Оливер пытался их утешить, потом поверх головы Сэма взглянул на Сару:

– Может, хочешь пожить в Перчесе? Мы можем жить в городе и приехали бы только на Праздник труда⁴.

Но Сара только покачала головой и улыбнулась. Казалось,

⁴ Праздник труда отмечается в США в первый понедельник сентября.

она стала спокойнее и мудрее, но не постарела.

– В понедельник у меня начинаются лекции. Мне надо возвращаться. Дел очень много. – Сара не сказала Оливеру, что в это лето наконец начала писать роман. – Но все равно спасибо. Ребята, может, прилетят ко мне через пару недель. Не беспокойся за меня.

Однако она боялась возвращения в кембриджскую квартиру, где оставалось много вещей Жан-Пьера. Ей вдруг стали понятнее переживания Оливера после ее отъезда. В этом было что-то от смерти. Она любила Жан-Пьера как сына, как друга, как любовника, как отца и готова была дать ему все, в чем в последние годы отказывала Оливеру, потому что Жан-Пьер от нее ничего не требовал. Он преподавал ей уроки щедрости, любви... исмерти...

Сара полетела прямо в Бостон, а Оливер с детьми поехал на такси в город. Они вели себя тихо, были подавленные и расстроенные. Олли спросил Сэма, не болит ли рука, и пообещал отвести его к врачу-американцу. Визит уже был назначен на вторую половину дня. Когда они пришли к ортопеду, тот посмотрел руку и сказал, что в Сан-Ремо ее сложили правильно.

Мел за минувший месяц подросла, загорела и похорошела, несмотря на жуткие переживания.

Оливер был рад, что дети вернулись, он понял, что очень по ним тосковал, даже не отдавая себе в этом отчета. Месяц с Меган вспоминался ему теперь как чистое безумство. На

следующий день они должны были отправиться в Перчес, на уик-энд, и Олли предложил Меган, чтобы та приехала туда в воскресенье познакомиться с детьми. Агги возвращалась в понедельник, до той поры им предстояло заботиться о себе самим. Оливер, когда они добрались домой, приготовил яичницу и поджарил тосты. Мало-помалу дети рассказали ему, как прошло их путешествие. До несчастного случая все было великолепно. Слушая их, Олли опять осознал, как отдалилась от его жизни Сара. Он больше не был уверен, любит ли се.

Поев, дети сразу отправились спать. Сэм клевал носом уже за кухонным столом. Сказывалась разница во времени, к тому же оба просто устали.

Оливер подоткнул Сэму одеяло, уложил сломанную руку на подушку, как рекомендовал врач, и пошел проверить Меллиссу. Та стояла посреди своей спальни с выражением крайнего изумления на лице и держала в руке какой-то загадочный предмет.

– Что это?

Это была блузка с запутавшимся в ней лифчиком. Лицо у Оливера вытянулось, он почувствовал запах духов Меган и теперь вспомнил, как догнал ее в спальне Мел, буквально сорвал с нее одежду, а потом они с хохотом помчались в его спальню, и кончилось все любовными утехами в ванне.

– Не знаю...

Олли и вправду не знал, что ей сказать. Не будет же он

объяснять своей шестнадцатилетней дочери, что тут творилось на протяжении последнего месяца.

– Это разве не твое?

Оливер состроил невинную мину, а Мел была еще достаточно молода, чтобы не поверить отцу.

– Нет, не мое, – ответила Мелисса тоном жены, подозревающей мужа во всех смертных грехах.

Тут Олли хлопнул себя по лбу:

– Вспомнил. Я разрешил в один из уик-эндов пожить здесь Дафне, когда сам был в Перчесе. Ее квартиру красили.

Мелисса восприняла его слова с явным облегчением, Олли поцеловал ее, пожелав спокойной ночи, и удалился в свою комнату, чувствуя себя так, словно только что избежал смертной казни.

Поздно вечером он позвонил Меган, чтобы сказать, как по ней тоскует и с каким нетерпением ждет воскресенья. На следующее утро все трое отправились за город. Отперли дом, в котором стояла духота и пахло плесенью, включили кондиционер и поехали в продуктовый магазин. Потом, после ленча, направились к бабушке, чтобы забрать Энди.

Джордж выглядел очень хорошо, в момент их прибытия он возился в саду, но не один – ему помогала Маргарет Портер, соседка. У нее была новая прическа, а на Джордже – новый светло-голубой льняной пиджак. Оба смеялись, и Оливер, видя это, почувствовал облегчение и радость, что отец снова весел. Все это время, каждый раз, как Олли навещал

отца, у него перед глазами всплывало его лицо в минуту прощания с умирающей супругой. Воспоминание той сцены разрывало Оливеру сердце, но вот наконец, три месяца спустя, Джордж стал выглядеть значительно лучше.

– Добро пожаловать! – крикнул он детям, а Маргарет пошла в дом за лимонадом и домашним печеньем.

Все было почти как прежде, правда, Сэм сказал, что печенье стало даже лучше. Маргарет улыбнулась, но отдала должное своей покойной подруге.

– Твоя бабушка готовила лучше всех, кого я знала. У нее получался самый вкусный лимонный меренговый пирог.

Джордж улыбнулся, думая о Филлис, а к Оливеру вернулись воспоминания детства.

– Чем ты последнее время занимался, папа? – спросил Олли, когда они сели в саду под старым вязом. Родители так и не построили себе бассейн, Джордж считал, что он им не нужен, а если хочется поплавать, всегда можно съездить к сыну в Перчес.

– Мы были заняты. В саду много работы. А на прошлой неделе ездили в Нью-Йорк. У Маргарет там были дела, ну и в театр заодно ходили. Хорошая была пьеса на самом деле.

Джордж произнес это как бы с удивлением и улыбнулся, взглянув на Маргарет. Оливер тоже удивился. Отец всегда терпеть не мог ходить в театр. Потом Джордж посмотрел на руку Сэма и спросил:

– Как это тебя угораздило, внучек?

Сэм рассказал им о несчастном случае, а Мелисса добавила свои впечатления. Джордж и Маргарет были в ужасе и так же, как Оливер, благодарны судьбе за спасение ребят.

– После такого начинаешь понимать, как ценна жизнь, – сказал Джордж внукам. – И как коротка. Вашему другу было всего лишь двадцать пять. Это ужасно... ужасно...

Олли заметил, что отец взял Маргарет за руку, и подумал, что бы это могло значить. Затем она повела детей в дом за лимонадом и новой порцией печенья.

– Папа, ты хорошо выглядишь, – с некоторой иронией заметил Оливер, когда дети ушли. Ему была интересна причина такой перемены, и, кстати, вспомнился собственный загул с Меган. Может, и у отца был небольшой флирт с соседкой? Ничего плохого тут быть не могло. Оба вдовцы, в возрасте, и имеют право на дружеское общение время от времени. Олли знал, как одиноко было отцу после смерти матери.

– Я неплохо себя чувствую, сынок. Маргарет очень хорошо обо мне заботится. Знаешь, она же была медсестрой, а ее муж – врачом.

– Да, я помню.

– Мы хотели бы как-нибудь пригласить тебя на ужин. Может, даже в городе. Маргарет нравится время от времени бывать в Нью-Йорке. Она говорит, что там чувствует себя моложе. Я не знаю, Нью-Йорк ли на нее так действует, но у нее энергии столько, что хватило бы на двух ее ровесниц. Она грандиозная девчонка.

Оливер улыбнулся, услышав, что отец назвал женщину семидесяти с лишним лет девчонкой, но что в этом такого. Однако в следующее мгновение он чуть не упал со стула, когда папаша озорно посмотрел на него и с улыбкой сообщил:

– Знаешь, Оливер, мы в следующем месяце поженимся. Тебе, наверное, это будет трудно понять. Но мы не молоды и знаем, что времени нам отпущено немного. И поэтому не хотим растрчивать понапрасну то, что осталось. Я думаю, мама бы это поняла.

– Вы... что? – Оливер повернулся на стуле и уставился на него в изумлении. – Мама скончалась три месяца назад, а ты женишься на своей соседке?

«Он что, спятил? Или в старческий маразм впал? Что с ним случилось? Как он вообще мог такое подумать? Ну просто черт знает что!»

– Надеюсь, ты шутишь? – спросил Оливер, побледнев от злости.

– Нет, я серьезно. Я, наверное, имею право не только в одиночестве сидеть в кресле, как ты думаешь? Или тебя возмущает, что люди в нашем возрасте увлекаются друг другом? У нас мог бы быть роман, но я считаю, что обязан поступить с ней порядочно и жениться.

– Ты обязан поступить порядочно с памятью мамы. Она еще даже не успела остыть в своей могиле!

Олли встал и принялся расхаживать по лужайке. Джордж спокойно наблюдал за ним, а Маргарет видела через окно

на кухне всю сцену и была чрезвычайно обеспокоена. Она говорила Джорджу, что все так и будет, а тот ответил, что они имеют право на личную жизнь, что пока еще не покойники, хотя, возможно, скоро ими станут, и что он не собирается просто доживать оставшиеся годы. И еще сказал, что любит ее, хотя жизнь с Филлис – это было совсем другое.

– Я очень уважаю память мамы, Оливер. Но у меня есть право на личную жизнь. Как и у тебя. Может, ты когда-нибудь снова женишься. Нельзя всю оставшуюся жизнь только горевать о Саре.

– Спасибо за совет.

Это было невероятно. Всего несколько недель назад он сидел себе дома, в целомудренном безбрачии, а тем временем у его отца был роман с соседкой.

– Я думаю, что тебе следует это хорошенько обдумать.

– Я уже обдумал. Мы поженимся четырнадцатого и будем рады, если ты с детьми приедешь, если захотите.

– Об этом нет и речи. Одумайся.

Когда он это говорил, подошла Маргарет, подала Джорджу соломенную шляпу, стакан с чем-то прохладительным и таблетку от сердца, и даже Оливер не мог не заметить, с какой нежностью и любовью они друг на друга посмотрели.

До самого отъезда Олли оставался надутым и чопорным. Он торопливо загнал детей в машину, вежливо поблагодарил Маргарет, а на полпути к Перчесу вспомнил, что не забрал Энди. Из дома он позвонил отцу и сказал, что заберет собаку

в следующий уик-энд.

– Очень хорошо. Мы здесь рады его обществу, – ответил Джордж, а потом добавил: – Извини, Оливер, что я тебя расстроил. Я понимаю твои чувства. Но постарайся посмотреть на это и с моей точки зрения. К тому же она прекрасная женщина.

– Я рад за тебя, папа, – процедил Олли сквозь стиснутые зубы, – но все же думаю, что ты поторопился.

– Возможно. Но надо поступать так, как считаешь правильным. А в нашем возрасте времени остается мало.

Хорошего времени, во всяком случае. Никогда не знаешь, какое горе тебя ждет за углом.

– Тем более следует поступать осмотрительно.

– Все зависит, как на это смотреть. Представь себя на моем месте.

Положив трубку, Оливер подумал, что самая отвратительная сцена, которую он себе может представить, – это как отец занимается любовью с Маргарет Портер. Позвонив вечером Меган, он поделился с ней этим.

– Не говори глупости. Ты что, думаешь, твой половой инстинкт умрет раньше тебя? Надеюсь, что нет. Твой отец прав и умен. С какой стати он должен сидеть один? У тебя своя жизнь, у детей своя. Он имеет право на нечто большее, чем только доживать остаток лет в одиночестве, вспоминая твою мать. Ты ему на самом деле этого желаешь?

Олли не мог ответить на ее вопрос ни утвердительно, ни

отрицательно, но ее точка зрения его раздражала.

– Ты такая же испорченная, как он. По-моему, у вас обоих сдвиг на почве секса.

И Олли рассказал ей о том, как Мел нашла ее блузку и лифчик. Меган только рассмеялась.

– Я прекрасно помню ту ночь, – сказала она игриво.

– Я тоже. Господи, как я по тебе тоскую. У меня чуть ли не галлюцинации.

– Ладно, завтра в бассейне наверстаем упущенное. Олли представил, как они занимаются любовью, а кругом ходят дети, и содрогнулся. «Нет, теперь уже так нельзя», – подумал он.

– Может, подождем до понедельника?

– Не надейся, что-нибудь придумаем.

Он с улыбкой положил трубку и задумался: неужели Меган права насчет его отца? Нет, он и думать об этом не хотел. Отец, в его возрасте, – и женится! Сама мысль его возмутила.

Глава 17

Оливер встретил Меган на станции. На ней были короткие шорты и белый топ в черный горошек. Единственным его желанием было сорвать с нее эти скупые покровы и овладеть ею прямо в машине, но Олли сдержался. По пути к дому Меган хихикала и поглаживала его бедро.

– Прекратите сейчас же, Меган Таунсенд. Вы будите во мне зверя!

– Конечно, мой дорогой, это мне и надо.

А потом, словно переключив канал, Меган рассказала ему о том, как успешно прошел пятничный книжный аукцион...

Когда они приехали, дети были в бассейне. Сэм плавал с рукой, завернутой в полиэтиленовый пакет, а Мел лежала на надувном матрасе в новом бикини, купленном на юге Франции. Оба с интересом смотрели на приближающихся отца и Меган. Оливер представил ей детей и повел в дом переодеться. Но лишь только он показал ей ванную, Меган моментально затащила его туда, запустила руку ему в шорты и стала гладить.

– Меган... не надо!.. Дети!..

– Т-с-с... Они ничего не заметят.

Меган истосковалась по Оливеру не меньше, чем Олли по ней. После месячного торжества оргазмов они целых три дня пробыли друг без друга, и она, закрыв дверь на защелку, спу-

стила ему до колен трусы, лизала, сосала, целовала, а он стянул с нее топ и шортики. Как обычно, под ними ничего не было. Меган стала на колени, не переставая его ласкать, а Олли мягко толкнул ее на спину и на полу ванной дал волю неистовой страсти. Меган судорожно вздрагивала, стонала под ним, Олли уже чуть было не кончал, когда вдруг услышал, что Сэм ходит по дому, стучит во все двери и зовет его. Он приподнялся и с дикими глазами уставился на Меган, потом приложил палец к губам, а она между тем захихикала.

– Па! Ты тут?

Ванная была маленькая, и Оливер не сомневался, что ребенок мог слышать его дыхание. Он покачал головой, давая знак Меган.

– Нет, его здесь нет. Я сейчас выйду, – ответила та, лежа на полу, под охваченным ужасом Оливером.

– О'кей! А ты не знаешь, где он?

– Не знаю. Он сказал, что за чем-то пошел.

– О'кей.

Послышалось хлопанье дверями, Сэм ушел, а Олли вскочил на ноги, плеснул себе на лицо холодной воды, натянул трусы и попытался пригладить волосы, вызвав смех Меган.

– Я же сказала тебе, что мы что-нибудь придумаем.

– Меган, ты сошла с ума! – прошептал Оливер, убежденный, что сын все понял, но Меган ничуть не испугалась:

– Да брось ты. Ему десять лет, он понятия не имеет, чем занят папа.

– Напрасно ты так думаешь.

Олли торопливо поцеловал ее и открыл дверь, Меган же невозмутимо полезла в сумку за бикини.

– Увидимся у бассейна.

Он надеялся, что там Меган будет вести себя подобающим образом и не станет шокировать Мел. Но с другой стороны, девочка провела месяц с матерью и ее двадцатипятилетним возлюбленным... Да и сам он имеет право на личную жизнь, разве нет? Эта мысль сразу напомнила Оливеру слова отца. Но тут ведь было другое, не так ли? А может, то же самое?

Сэм ждал его на кухне. Он хотел кока-колы и не мог ее найти.

– Где ты был, пап?

– В гараже, искал гаечный ключ.

– Для чего?

– Господи, да отстань ты, в конце концов.

Пока их не было, все было так просто, и так теперь усложнилось.

Олли налил Сэму кока-колы и вернулся к бассейну, где Меган медленно погружалась в воду в микроскопическом красном бикини. Свои темные волосы она высоко подняла и заколола на затылке. Мел рассматривала ее оценивающим женским взглядом.

Меган и Мелисса не разговаривали, а Оливер чувствовал себя как большой глупый щенок – бегал вокруг бассейна, глазел на них, присматривал за Сэмом и ужасно нервничал.

– Мне нравится твой купальник, – обратилась наконец Меган к Мел.

Это было нечто розовое с оборочками и весьма скромное по сравнению с купальником Меган, состоявшим из двух маленьких лоскутков на груди и набедренной повязки, но на ней он смотрелся великолепно. У Меган была фантастическая фигура.

– Я его привезла из Франции.

– Хорошо съездила?

– Нормально.

Мелисса больше не хотела говорить о несчастном случае и полагала, что Меган не в курсе. Отец сказал ей, что это просто знакомая, с которой он какое-то время не виделся.

– Мы всего два дня назад вернулись.

Меган проплыла мимо нее, делая красивые, плавные гребки. Пару минут спустя Мел покинула свой плот и бесподобно нырнула. Они словно бы соперничали, напряженная атмосфера вокруг бассейна сохранялась до вечера.

На ленч ели хот-доги, и Меган стала рассказывать о том, как ребенком была в Англии. Однако Мелиссу это, по-видимому, не впечатлило. Впрочем, Меган не особенно старалась сблизиться с детьми. Олли, глядя на них всех, чувствовал себя ужасно неловко и почти с облегчением высаживал Меган вечером у ее дома. Она глазами послала ему поцелуй и, помавав на прощание, исчезла в подъезде. С Мел явно спало напряжение, а Сэм фыркнул.

– Симпатичная она, да? – сказал Оливер и тут же пожалел, что произнес эти слова.

Мел разгневанно посмотрела на него:

– Она же вылитая шлюха!

– Мелисса!

– Ты видел ее купальник?

– Ага, – ухмыльнулся Сэм и сразу сделал невинное лицо под осуждающим взглядом сестры.

– Это же очень симпатичная девушка, – защищал Оливер свою возлюбленную, пока они ехали домой.

– По-моему, она не особенно любит детей, – заявил Сэм.

– С чего ты это взял?

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Она с нами мало разговаривала. Но конечно, внешность у нее что надо, а, пап?

– Она еще и неглупая. Работает редактором в издательстве.

– Ну и что? Она думает только, как бы похвастать своей фигурой.

Мел чувствовала сексуальность Меган и ненавидела ее в отличие от отца и брата, которые весь день глаз не могли оторвать от гостыи.

Олли решил не развивать дальше тему. Однако вечером, после того как Сэм лег, Мел появилась из своей комнаты с нахмуренными бровями:

– Можешь ей это отдать.

И вручила отцу блузку и лифчик, которые нашла в своей

комнате двумя днями раньше.

– Это ведь ее, папа?

– Почему ты так решила? – спросил Оливер. Он чувствовал себя пойманным на месте преступления, уличенным в осквернении их дома. Но имеет же он право делать что хочет, не так ли? Он же взрослый мужчина, в конце концов. – Я же сказал тебе, что это вещи Дафны.

– Нет, папа. У Дафны грудь гораздо больше. Это оставила Меган.

Мелисса говорила осуждающим тоном, и Оливер, глядя на дочь, покраснел.

– Послушай, Мел, взрослые иногда делают то, что вообще не касается детей, и лучше не совать в это нос.

– Она же шлюха!

Глаза у Мел горели, но и Олли вышел из себя.

– Не смей так говорить! Ты ее совсем не знаешь.

– Не знаю и знать не хочу! И ей на нас наплевать. Она только бегает за тобой свесив язык, как сучка. Терпеть ее не могу.

Оливер слушал, что говорила дочь, и не переставал удивляться. Ведь это из-за него между двумя девушками возникло соперничество. Еще ему было непонятно, почему Мелисса возненавидела Меган. Та, правда, не предпринимала особых усилий, чтобы завоевать детские симпатии. Разговаривала преимущественно с ним и лишь иногда с детьми. Все получилось не так, как он хотел.

– Она просто знакомая, и все. Ничего серьезного, Мел. Успокойся.

– Это правда? – спросила Мел с видимым облегчением. – Ты в нее не влюблен?

– Не знаю. Она мне нравится, я о ней думаю.

– Что ж, она о тебе думает гораздо меньше. Она думает только о себе.

Олли задумался, права ли Мел и чего в ней больше – ревности или наблюдательности?

– Не расстраивайся из-за этого, – посоветовал он дочери перед сном.

Однако, когда Мел ушла к себе, Оливер снова стал размышлять о своем отце. Повел ли он себя как ревнивый ребенок, как Мел, или был прав, возражая против брака отца с Маргарет Портер? А какое право он имеет вмешиваться? Будет ли он составлять отцу компанию по вечерам и выходным? Намерен ли подносить ему вовремя сердечное? Ему хочется вести свою жизнь, а отец имеет право на свою. Думая обо всем этом, Оливер еще больше тосковал по своей матери.

В тот же вечер он решил позвонить отцу. Трубку сняла Маргарет. У Олли это сначала вызвало раздражение, но он тут же успокоился и попросил отца.

– Привет, папа... Я просто хотел тебе сказать, что... – Он подбирал слова. – Я тебя очень люблю, вот и все. Поступай, как считаешь нужным, а на остальное не обращай внимания.

Ты в таком возрасте, что сам знаешь, что хочешь и что тебе нужно. И если с ней ты будешь счастлив... – Слезы жгли ему глаза, когда он это произносил. – ...Женись! Благословляю тебя!

На другом конце провода Джордж Ватсон слегка всхлипнул, а потом откашлялся и поблагодарил сына.

– Она хорошая женщина, сынок... но с мамой все равно сравнивать нельзя, – произнес он, надеясь, что Маргарет не слышит. Джордж чувствовал себя в долгу перед Оливером. В конце концов, Филлис была его матерью. – Знаешь, у нее доброе сердце, и я ее люблю.

– Дай вам Бог счастья.

– Ты приедешь на нашу свадьбу?

– Конечно.

– Четырнадцатого сентября. Не забудь.

Оливер рассмеялся. Голос у отца опять был молодой, и это радовало. Черт подери, он имеет на это право! Оливер сам был бы не прочь найти женщину, которую бы полюбил и с которой был бы счастлив.

Потом он на радостях позвонил Меган, но той не оказалось дома. Сердце у Оливера слегка ныло, когда он диктовал информацию автоответчику и после ложился в пустую, холодную постель. Он задавался вопросом, было ли все это безумным сном и права ли Мелисса. Собственно, Меган никогда не притворялась, всегда оставалась собой. Ей нравится приятно проводить время с мужчинами и не хочется никому

причинять боль. На большее она не претендует... Ей не нужны узы... мужа... дом... дети... Размышления о Меган подвели Олли к предположению, что, возможно, его летний роман закончился. Было очень здорово, но теперь продолжать его в том же виде не представлялось возможным. Да и детям Меган явно не пришлась по вкусу. Что ж, временами жизнь ой как нелегка.

Глава 18

Следующий, праздничный уик-энд означал для них всех настоящее возвращение домой. Рядом с бассейном, как всегда, жарилось на жаровне мясо, дети пригласили друзей, приехали отец Оливера с Маргарет. Они привезли печенье, всякие вкусности, хлеб домашней выпечки и собаку. На сей раз Оливер их обоих поздравил и разрешил отцу объявить детям о своем бракосочетании. Сначала ребята слегка опешили, но потом решили, что раз дедушка считает это правильным, так оно и есть на самом деле. Даже Дафна приехала и согласилась провести у них весь уикэнд. Только лишь Меган отказалась. Вместо этого она поехала в Ист-Гемптон, что расстроило Оливера, но уговорить ее не удалось. Меган прямо сказала, что все это не в ее вкусе: дети, собаки, шашлыки. Олли не видел ее всю неделю и буквально сходил с ума от тоски, но оба допоздна работали. Дети были дома, снова привыкали к обстановке, Меган же это считала не важным.

Бенджамин с Сандрой тоже прибыли. Правда, на этот раз ее вид действительно вызывал жалость: лицо распухло, невероятная полнота мешала ходить. Трудно было представить, что она когда-то была хорошенькой. В сравнении с ней Бенджамин казался тощим и бледным, на нем сказывалась нагрузка двух работ, кроме того, Сандра постоянно хныкала и капризничала – Бен временами был близок к помешатель-

ству.

После того как Мел отвела Сандру в дом, где та могла прилечь, Оливер налил старшему сыну пива и внимательно к нему присмотрелся, задавая себе вопрос, осознает ли Бен, что находится на пределе, или будет терпеть и ждать, пока его все это прикончит.

– Ну, как дела, сынок?

– Вроде все о'кей. Скоро придется поменять работу. Заправку закрывают, и меня через пару недель уволят. А в ресторане мало платят. Но у меня уже есть некоторые неплохие наметки, а Сандра говорит, что после родов очень скоро вернется на работу.

Бенджамин старался говорить бодрым тоном, но Оливеру было ясно, что сын серьезно обескуражен, что, впрочем, произошло бы с любым на его месте. В восемнадцать лет ждать ребенка, содержать семнадцатилетнюю псевдожену, работать на двух работах – ни для кого это не было бы примером счастливой жизни, а тем более для Оливера.

– Ты разрешишь мне помочь тебе, пока нас обоих от этого кондрашка нехватила, или будешь упрямиться?

Юноша улыбнулся, он выглядел мудрее и взрослее, чем прежде. За последние несколько месяцев он многому научился, но в тех уроках отнюдь не было ничего легкого или приятного. Оливеру тяжело было видеть сына таким.

– Посмотрим, папа. Ребенок родится через три недели, и тогда все будет о'кей.

– Забота о ребенке – это непростое дело.

– Да, я знаю. У нас в школе были уроки, где все это объясняли. Я хочу присутствовать при родах и помогать Сандре.

Бенджамин был полон решимости пройти весь путь, на который вступил. У Оливера это вызывало и восхищение, и ужасное беспокойство.

– Ты мне позвонишь, если потребуется моя помощь?

– Конечно.

– Обещаешь?

Бенджамин снова улыбнулся и на долю секунды стал таким, как раньше.

– Конечно, папа, спасибо.

Затем они присоединились к остальным и беседовали о дедушкиной свадьбе. Бенджамин обещал приехать, Оливер предложил быть шафером, Дафна была очень рада за старичков. Улучив спокойную минутку, она спросила Оливера, что случилось с Меган, но тот только грустно пожал плечами:

– На прошлой неделе она приезжала познакомиться с детьми, но успеха не имела. Такого рода вещи ее не интересуют, да и у меня в данный момент полно работы. Пока детей не было, все обстояло иначе. А теперь, Даф, я просто не знаю.

– Похоже, она действительно не воплощение материнского тепла, но, наверное, не это тебя в ней интересовало.

Оливер рассмеялся:

– Пожалуй, можно так сказать.

– Что ж, по крайней мере ты выбрался из своей раковины, – справедливо заметила Дафна и добавила: – Я рада за твоего отца.

– Все это похоже на психоз, правда, Даф? Бенджамин собирается стать отцом, мой отец женится, а я сижу один-одинешенек.

– Не беспокойся, это продлится недолго.

Но Олли не торопился. Конец романа с Меган не означал для него конец света. Он ведь даже еще не развелся и не помышлял о новом браке. Дети, работа достаточно заполняли его жизнь. С остальным пока можно было подождать.

До позднего вечера в бассейне и вокруг него продолжалось веселье. В конце концов Джордж уехал, Бенджамин отправился на работу. Дафна помогла Оливеру и Агги убрать остатки пиршества. Казалось, с начала лета все прошли долгий-долгий путь. С легкой болью Олли вспомнил прошлогодний праздник, когда дома была Сара и жизнь казалась нормальной и простой. Ничто теперь уже не было таким простым, и ни за что нельзя было поручиться. Но жизнь все равно была прекрасна, и Олли радовался тому, что имел. Даже если судьба больше ничего не подарит, и этого будет достаточно, думал он.

С Меган он наконец встретился у нее на квартире вечером в воскресенье. Сначала они несколько часов занимались любовью, а потом наконец все обсудили. Меган призналась, что ездила в Ист-Гемптон со старим любовником. Оливеру

обидно было это слышать, но он, впрочем, и так это подзревал.

– Так, значит, все кончено?

– Да нет, почему же.

Меган, утомленная любовью, томно посмотрела на него.

– Я всегда буду рада тебя видеть. Но не собираюсь играть роль мамочки твоих детишек, даже если тебе важно именно это. А ты мне не можешь уделять столько времени, как прежде, когда их не было. Что поделаешь, так иногда бывает, Оливер. Но между нами ничего не изменилось.

Она говорила это с таким безразличием. Все для нее было просто – никаких привязанностей, чистый секс. Поначалу Оливеру это в ней нравилось, но теперь казалось уже недостаточным. Он не хотел ее ни с кем делить, но и не хотел жить отдельно от детей. В то же время неправильно было бы связывать себя с женщиной, которой нет дела до его детей и к которой они сами не питают симпатии. А Меган, как Олли уже заметил, не прилагала никаких усилий, чтобы ее завоевать. Просто не хотела. Это была часть ее общих усилий по сохранению своей независимости. В конце концов она победила. Оливер был с самого начала обречен на поражение.

– Мне очень жаль, что все так повернулось, – честно признался он, одеваясь.

На этот раз Меган не пыталась его снова раздеть. Для нее ситуация тоже изменилась, хотя она и могла этого не признавать.

– По-другому просто быть не могло. Я сказала тебе это с самого начала. Тебе, Оливер, нужна не такая женщина, как я. Ты достоин лучшей. Ты достоин лучшей, чем Сара. Не довольствуйся малым, друг мой, иначе всегда будешь страдать, а ты этого не заслуживаешь.

– А почему ты не хочешь большего? Почему?

– Я для этого не создана, как мне кажется. Вот Присцилла, та была... а я никогда. Пришлось бы слишком много переживать, так я думаю. Я не хочу идти на риск, играть со своей жизнью и со своим сердцем. Я, Олли, просто хочу развлечения, и больше ничего. Очень просто.

Все так и было. Хорошее развлечение. Великолепное развлечение. Дикое, потрясающее развлечение, которое он готов был бы продолжать бесконечно, если бы ему этого хватало.

– Что мне сказать тебе на прощание? – грустно спросил Олли, когда стоял в прихожей, одетый, понимая, что никогда уже в эту квартиру не вернется. – Спасибо?

– Скажи «пока», или «до скорого», или «спасибо за приятное времяпровождение».

– Спасибо тебе не только за это... спасибо за нечто совершенно необыкновенное. Ты сама необыкновенная. Не забывай об этом. И может, когда-нибудь наберешься храбрости.

– Не рассчитывай на это.

Она легонько поцеловала его в губы и нажала кнопку лифта. И когда двери закрывались, Оливер увидел ее в послед-

ний раз – в белом атласном кимоно, улыбающуюся ему, с гривой темных волос, оттеняющих загорелое лицо.

Олли знал, что будет тосковать по ней. Он шагал пешком домой и с грустью думал о Меган, о том, чего она никогда не будет иметь, чего не хочет, к чему боится протянуть руку. А она стояла на террасе, наблюдала за ним и молча помахала рукой. Потом вернулась в гостиную, включила музыку, допила его бренди и, сев на диван, вспоминала, как тело Оливера реагировало на ее прикосновения.

– Тебе бы он очень понравился, – прошептала Меган, словно обращаясь к сестре, которой давно не было в живых. Присцилле он бы подходил идеально, а она бы только подшучивала, какой он порядочный, честный и покладистый.

Меган улыбнулась про себя, думая о них обоих, затем медленно побрела к себе в спальню. На следующий день предстояло много работы: надо было провести очередной книжный аукцион. О прошлом раздумывать не имело смысла. Она выбросила их из своего сердца, как предметы, для которых больше нет места в квартире, приняла душ, почистила зубы, погасила свет и легла в постель с сознанием, что хотя с Оливером Ватсоном ей и было какое-то время хорошо, но теперь их отношениям пришел конец. Меган не плакала, не горевала. Она привыкла к таким поворотам и, засыпая, принудила себя думать о другом. Эпизод с Оливером закончился.

Глава 19

Церемония бракосочетания Джорджа Ватсона и Маргарет Портер была именно такой, какой ей и следовало быть – трогательной, душевной и простой. Во время произнесения ими клятвы у Дафны на глазах выступили слезы. Свадьбы на нее всегда так действовали, может быть, потому, что сама она никогда не была их героиней. Однако эта тронула особенно, потому что оба были замечательными, дорогими ей людьми.

Невеста, одетая в простое платье из кремового гипюра, держала в руках букетик кремовых же орхидей, на голове у нее была маленькая элегантная шляпка. Оливер, как и обещал, вел ее к алтарю, а потом стоял с влажными глазами рядом с детьми. Играл орган.

Потом все поехали в Перчес на скромный прием. Оливер решил дать его в честь «молодоженов» и пригласил немногих близких друзей. Некоторые из них поначалу были шокированы, но потом, как и Оливер, смягчились. Нельзя было отказать Маргарет и Джорджу в радости, которую они заслужили и которую, несомненно, ощущали.

В пять часов вечера жених и невеста попрощались со всеми и поехали в Нью-Йорк. Они должны были переночевать в отеле «Плаза», а потом улететь на две недели в Сан-Франциско, у Маргарет там были родственники. Еще они хотели побывать в тамошней опере и съездить на несколько дней в

Кармел. Лучшее путешествие для них трудно было придумать. Маргарет специально не хотела отдаляться от «цивилизации». Ведь у Джорджа большое сердце, и важно всегда иметь под рукой телефон. Пока же казалось, что Джорджу ничего не требуется, кроме ее заботливых рук. На прощание гости осыпали «молодоженов» лепестками роз.

– Это было великолепно, совершенно великолепно! – восхищалась Дафна, когда они сидели в гостиной. – Может, я и выйду замуж, когда буду в их возрасте.

Оливер с улыбкой покачал головой.

– Ты просто обязательно должна это сделать. А я, может, составлю тебе компанию.

Олли рассказал ей о конце романа с Меган. Дафна не была удивлена, хотя и огорчилась за него. Для Оливера это явилось хорошим развлечением, а теперь, когда все кончилось, у него во взгляде опять появилось выражение одиночества, хотя он и утверждал, что счастлив.

– Придется тебе начать все сначала.

– Вот незадача!

Перспектива новых знакомств наполняла его отчаянием. Но Олли также признавался себе, что загул с Меган был весьма утомительным и, мягко говоря, не совсем нормальным. Общаться с кем-то не столь экстравагантным, возможно, было бы легче.

Вечером он отвез Дафну на станцию, она непременно хотела вернуться сегодня. На следующий день ей предстояло с

кем-то идти на ленч, к тому же жена ее возлюбленного уехала, и Дафна хотела провести с ним эту ночь. Он из осторожности нигде с ней не появлялся. Дафна с этим мирилась, как и со всем, что касалось его.

– Везет паршивцу, – не раз говорил Дафне Оливер, а та лишь посмеивалась.

Ей не нужно было ничего больше. Она его безоглядно любила и соглашалась на ограничения. Оливер давно оставил попытки убедить ее найти себе кого-нибудь другого.

Был уже поздний вечер. Оливер с Мелиссой сидели в гостиной и говорили о прошедшей свадьбе, когда внезапно зазвонил телефон. Мелисса схватила трубку в полной уверенности, что это одна из ее подруг. К ее удивлению, она не угадала. Звонил Бенджамин, он попросил отца. Мел передала ему трубку, поцеловала и пошла спать.

– Спокойной ночи, папа.

– До завтра, милая. Спи хорошо.

И затем Олли переключил внимание на ее старшего брата:

– Что случилось, Бенджамин?

Они виделись всего несколько часов назад, на свадьбе. Бен взял выходной и явился один. Сандра себя неважно чувствовала. У нее был грипп, по словам Бенджамина, что было очень некстати, принимая во внимание ее состояние. Ребенок должен был родиться через десять дней. Бенджамин выглядел ужасно и был обеспокоен.

– Привет, пап. – Тон у Бенджамина был деловой. – Она

рожает. Мы в больнице. Мы здесь уже с восьми часов.

– Все о'кей?

Оливеру вспомнилось, как рождались его дети и как он тогда волновался, но в голосе Бенджамина слышалось больше страха, чем волнения.

– Там какие-то осложнения. Нет прогресса... и, пап... она ужасно мучается. Они ей уже что-то дали, но боль не проходит.

– А как с дыханием, которому ее учили?

– Она не хочет так делать. И... пап... они думают, что у ребенка не все в порядке.

«О Господи, – подумал Олли. – Дефективный ребенок».

– Ты хочешь, чтобы я приехал?

– Ага... Ты... ты извини, я знаю, что время позднее. Сможешь?

– Разумеется.

Бенджамин сказал адрес больницы.

– Сейчас приеду.

Олли выбежал из дома, по пути захватив ключи от машины. Он был рад, что Бенджамин позвонил, наконец обратился за помощью. Сандре, конечно, Оливер ничем помочь не мог, он ее только жалел. Тяжело ей было без семьи, без материнской заботы. Но по крайней мере можно хоть Бенджамина поддержать, а Сандру вверить докторам.

Когда Олли приехал в больницу, Бенджамин нервно расхаживал по коридору. На нем была зеленая пижама, сверху

белый халат, а на голове – смешная зеленая шапочка. Глядя на него, Оливер улыбнулся, вспомнив, как когда-то на Хэллоуин⁵ Бенджамин нарядился врачом. Тогда ему было четыре года, да и теперь он казался отцу не намного старше.

– Ты похож на доктора Килдара. Как Сандра?

– Ужасно. Она все кричала и кричала. Они просили меня выйти, чтобы снова обследовать ее, а она умоляла меня не уходить... Я не знаю, что делать, папа.

– Успокойся, сынок, все будет хорошо. Хочешь кофе? Бенджамин покачал головой, и Олли пошел налить чашку себе самому. На свадьбе он выпил много вина и не хотел быть сонным, когда сын ждет от него помощи. Олли вернулся с дымящейся чашкой в руках. Рядом с Бенджамином стояли два врача в таких же, как у него, одеяниях и о чем-то с ним беседовали. Оливер остановился на некотором расстоянии от них и видел, как Бенджамин прикрыл глаза и кивал головой.

– Они хотят сделать кесарево сечение. Ребенок под угрозой. Я знаю, что она этого не хотела, но доктора говорят, что выбора нет. – Он медленно стянул с головы шапочку. – Они не разрешают мне быть с ней там. Собираются дать ей общий наркоз.

– Все будет в порядке, надо только набраться терпения. Оливер по-дружески положил ему руку на плечо и подвел к креслу.

⁵ Хэллоуин – праздник с ряжеными накануне Дня Всех Святых.

– А что, если ребенок окажется больной? – в отчаянии спросил Бенджамин.

– Подумаем об этом в свое время, но готов спорить, что ребенок получится просто замечательный.

Олли хотел снова спросить его насчет передачи ребенка в приют, но момент был неподходящий.

Казалось, что в креслах они провели целую вечность. Стрелки часов ползли и ползли. Было уже начало второго ночи. Наконец появилась медсестра и спросила, здесь ли мистер Ватсон. Оба вскочили, а потом Оливер почувствовал себя глупо и снова сел. Они спрашивали, конечно же, Бенджамина. Юноша поспешил к двери.

– Мистер Ватсон?

– Да.

– Тут один человечек желает с вами познакомиться. И, не говоря больше ни слова, ему вручили его сына.

Запеленатый, он был похож на маленький сверток, который коротко пискнул, когда сестра переложила его в руки Бена. Тот осторожно прижал малыша к своей груди, посмотрел на него в крайнем изумлении, даже не смахнув слезы со щек. Крепко держа ребенка, Бенджамин с улыбкой повернулся к отцу:

– Это мальчик, папа! Это мальчик!

Оливер подбежал посмотреть на него. При взгляде на малютку его сердце затрепетало, так новорожденный был похож на Бенджамина в первые минуты его жизни. Это был тот

же ребенок, то же лицо, те же рыжие волосики и удивленные глазенки, и тоже очень похож на Сару. Глядя на младенца, Оливер осознал то, что раньше от него ускользало. Это был не просто ребенок Бенджамина или Сандры, но также и его, Оливера, внук, часть его и всех тех, кто был до него – его отца... его матери... их родителей, часть их всех. Отрицать это было невозможно. На глазах у Оливера были слезы, когда он осторожно касался ребенка, который теперь принадлежал им всем.

– Как Сандра? – внезапно вспомнил Бенджамин, сразу устыдившись. – Она о'кей?

– Она в порядке, – ответила сестра. – Пока побудет в послеоперационной палате. А теперь вы не пройдете с нами на минутку в палату новорожденных? Мы осмотрим ребенка, а вы будете его держать.

– Он здоров?

– Совершенно. Весит восемь фунтов и девять унций, показатели хорошие. Это значит, что он здоровый, нормальный мальчик.

Сестра взяла ребенка у Бенджамина и направилась в палату, а новоиспеченный отец, сияя, пошел за ней. Оливер отстал. Это был удивительный момент в его жизни. В сорок пять лет он вдруг стал дедушкой. Изумляло еще то, как его внук похож на его сына. Потом, желая с кем-нибудь поделиться новостью, Олли нашел телефон-автомат и набрал бостонский номер Сары.

Когда она ответила, Олли про себя улыбнулся и поздоровался хрипловатым, мягким голосом:

– Привет, бабушка.

– Вам кого?

Сара думала, что это розыгрыш, и собиралась уже положить трубку.

– Сара, у тебя внук.

На глазах у Оливера снова выступили слезы, когда он вспомнил, как у них самих рождались дети.

– О Господи. Здоровый?

– Абсолютно. Восемь фунтов девять унций, и как две капли воды похож на новорожденного Бенджамина.

– А как Сандра?

– Наверное, не ахти. Пришлось делать кесарево. Но она поправится. Малыш такая прелесть, Сарри... Вот сама увидишь.

– Так они все-таки оставляют его?

Сара окончательно проснулась.

– Да, – сказал Олли спокойно. Его внезапно охватила такая щемящая любовь к малышу, какую он и не мечтал испытать в жизни. – Я думаю, они его оставят.

Теперь, после того как Оливер увидел внука, он не мог не согласиться с Бенджаминном.

– Как Бенджамин это перенес?

– Он очень нервничал, но теперь выглядит как гордый папаша. Сара, ты обязательно должна его повидать.

Олли был горд за сына, радовался за него, но и беспокоился в то же время.

– Ты старая размазня, Оливер Ватсон. Тебе надо бы самому заиметь побольше детей.

Странно, что она это говорила, но ведь их жизни находились теперь на разных орбитах.

– Да, мне это уже говорили. А ты-то сама как?

– Нормально.

– Глаза о'кей?

– Синяки еще не прошли, но проходят. Передай Бенджамину привет от меня. Я ему завтра позвоню.

– Береги себя.

У Оливера в голосе снова звучали печальные нотки. Порой разговоры с Сарой причиняли ему боль, как прежде, но все равно он был рад, что позвонил. В конце концов, это был и ее внук. Не сообщить ей было нельзя.

– Поздравляю, – улыбнулась Сара в трубку, – дедуля!

– Взаимно. Нас это старит, не находишь?

– Не знаю. Мне так даже нравится.

Положив трубку, Олли принялся ждать появления Бенджамина. Потом он отвез его в Перчес, и впервые за шесть месяцев Бен спал в своей прежней комнате. Ушел он бунтовщиком, а вернулся отцом.

«Странные вещи происходят на белом свете», – говорил себе Оливер, отправляясь спать. Он думал о ребенке, родившемся в эту ночь, и желал ему счастливой жизни и более

легкого возмужания, чем у его отца. А Бенджамин, засыпая в родной кровати, улыбался своему малышу.

Глава 20

Оливер привез их из больницы в унылую квартиру в Порт-Честере. Никакие доводы не могли их убедить переехать в перчесский дом. Олли подозревал, что Сандра охотно откликнулась бы на это предложение, однако Бенджамин настаивал, что они справятся сами. Он намеревался позаботиться и о ней, и о ребенке. Бен взял двухнедельный отпуск и надеялся, что за это время все встанет на свои места. Но всегда, когда Оливер им звонил, ребенок плакал, а посетив их через неделю, он увидел, что Сандра выглядит ужасно. Под глазами синяки, боли не проходили. Бенджамин тоже был не в себе, квартира являла жалкое зрелище.

Еще через четыре дня среди ночи Оливера разбудил телефонный звонок. Звонил Бенджамин. Сандру забрали в больницу в связи с инфекцией, и он сам возился с малышом. Говорил, обливаясь слезами. Оливер приехал к нему, упаковал все детские вещи и привез обоих к себе.

– Агнес займется Алексом, а ты для разнообразия хоть чуть-чуть поспишь.

На сей раз Бенджамин не спорил. Он никогда не выглядел так плохо и, казалось, был рад переложить на кого-то груз забот.

На следующий день, вернувшись с работы, Олли завел с Бенджамином длинную беседу. Выяснилось, что ребенок

непрестанно плачет, Сандра вечно недовольна, новую работу найти не удается и концы едва сводятся с концами. Вдруг все это навалилось на Бена, и он запаниковал. Оливер опять пожалел, что они решились на ребенка, хотя знал, какой он получится славный.

– Сынок, ты должен это хорошенько обдумать. В самом деле это то, чему ты хочешь посвятить жизнь? Сможешь ли ты в самом деле содержать ребенка? И, самое главное, как ты видишь свое будущее? Намерен ли ты до конца жизни работать мойщиком посуды? А как насчет Сандры?

Все эти вопросы беспокоили парня не один месяц, а теперь придавили его. Он признался отцу, что больше уже не любит Сандру, а если и любил ее вообще, то очень недолго, что мысль провести с ней остаток жизни его удручает. Но теперь у него ребенок, и он любит его.

– Пап, это мой ребенок. Я не могу его бросить. Я не мог бы так поступить с ним или с самим собой. Но, по-моему, с ней я больше жить не могу... Однако, если я оставлю ее, мне придется оставить с ней Алекса.

У Бенджамина были большие сомнения относительно способности Сандры растить ребенка. Она не обнаруживала материнских чувств, которые, как он надеялся, у нее появятся. Как и прежде, она думала только о себе, а не о ребенке.

– Почему бы тебе не дать ей шанс самой встать на ноги? Может, тебе стоит подумать о том, чтобы содержать ее без совместного проживания?

Но как бы он мог это делать? Работая мойщиком посуды? Или заправщиком?

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь. Отдохни пару дней и соберись с мыслями.

Бенджамин последовал совету отца, но в итоге чувство ответственности пересилило. Сандра вышла из больницы, Бену сделалось ее жаль, он забрал ребенка и вернулся. У Агги сердце разрывалось от того, что приходится расстаться с малышом, Оливер ощущал примерно то же, видя, что Бенджамин снова поступает неправильно. Его просто корбило при мысли, что сын, следуя взятым на себя обязательствам, опять будет жить в той жуткой квартире, с ребенком и Сандрой. Олли непременно хотел вручить Бену пять тысяч долларов, а тот ни за что не желал их брать.

– Ну тогда считай, что я тебе даю в долг. Я не собираюсь позволить тебе голодать. Прояви ты разум, ради Бога.

Наконец Бенджамин смягчился, пообещав вернуть деньги при первой возможности.

Новые сложности появились двумя неделями позже. Генеральный директор фирмы, в которой работал Оливер, вызвал его и сделал совершенно неожиданное предложение. Директор лос-анджелесского филиала заболел раком, через неделю должен был уйти на инвалидность, и кого-то надо было назначить на его место. Более того, они собирались расширить филиал, «уравновесить», как было сказано, его с нью-йоркской штаб-квартирой, чтобы иметь лучший кон-

такт с телеиндустрией и заполучить крупных, солидных клиентов на западном побережье. Председатель правления решил, что Оливер – самая лучшая кандидатура для руководства калифорнийским бюро.

– Бог ты мой... но я же не могу... Здесь у меня дом, дети ходят в школу... Я не могу так просто вырвать их с корнем и переехать за три тысячи миль отсюда.

Кроме того, был Бенджамин с его проблемами, с ребенком. Олли не мог махнуть на него рукой, как махнула на них всех Сара год назад.

– Я должен это обдумать.

Но, учитывая солидное увеличение жалованья, условия и участие в прибыли, только сумасшедший мог бы отказаться от такого предложения, и Оливер это понимал.

– Помилуй, Оливер, о чем тут думать? Соглашайся! Никто тебе второго такого предложения никогда не сделает, а так ты в будущем можешь стать даже председателем правления, – пыталась убедить его Дафна, когда вечером они сидели у Оливера в кабинете. Остальные сотрудники к тому времени уже давно разошлись по домам.

– А как же дети? Дом? Отец?

– О чем ты говоришь! У твоего отца своя жизнь и любящая жена. У Бенджамина тоже своя жизнь. Рано или поздно он разберется с проблемами независимо от того, будешь ты здесь или нет. Просто у него такая натура, он совсем как ты. А Мел и Сэму там наверняка очень понравится. Посмотри,

как они хорошо перенесли переезд в Нью-Йорк.

– Но пойми, Даф, это же разные вещи. Отсюда до Перчеса тридцать миль, а оттуда три тысячи.

– Ничего страшного, если там у тебя будет новый дом. Мелисса старшеклассница. Через два года она и так уедет куда-нибудь в колледж. Дети для тебя не отговорка. Соглашайся! Это фантастическое предложение.

Но Лос-Анджелес? Калифорния? Его дом был здесь.

– Не знаю. Мне надо подумать. Нужно обсудить это с детьми, посмотрим, что они скажут.

Мел и Сэм были ошеломлены новостью, но не настолько напуганы, как Оливер ожидал. Поразмыслив, они даже решили, что идея им нравится. Бросать друзей им, правда, не хотелось, а Сэм огорчился, что с мамой видеться пришлось бы реже, но Оливер пообещал, что будет посылать их к Саре достаточно часто, уж во всяком случае – на каникулы. Правда, перспектива переезда продолжала пугать его самого. Более того, руководство хотело отправить его туда в течение месяца, что казалось Оливеру слишком поспешным.

– Ну, ребята, – обратился к детям Олли через несколько дней. Для принятия решения ему отвели срок до конца недели. – Что скажете? Едем в Калифорнию или нет?

Мел и Сэм обменялись долгими, озабоченными взглядами, а Оливер поймал себя на том, что ждет от них ответа «нет».

– По-моему, надо ехать, – ошаршила его Мел, а Сэм от-

кинулся в кресле и ухмыльнулся:

– Да, па, поехали. Будем каждое воскресенье ходить в Диснейленд.

Олли уставился на ребят, изумленный их решением.

– Вы это серьезно?

Они кивнули, и Оливер, чувствуя себя словно во сне, на следующий день пошел на работу и сказал, что согласен на переезд. В ближайшее воскресенье он полетел в Лос-Анджелес, подобрал себе дом, три дня занимался поиском подходящих школ, еще неделю знакомился с сотрудниками в офисе, а затем вернулся, чтобы закончить все дела в Нью-Йорке.

Преданная Агги согласилась поехать с ними. Дом в Перчесе Олли решил не продавать, пока не наладится жизнь на западном побережье. Самое трудное было сказать Бенджамину о переезде. Но получилось так, что у Оливера даже отлегло от сердца. Бенджамин и Сандра согласились переехать с ребенком в перчесский дом. Олли сказал, что этим они ему очень помогут, избавят от лишней головной боли и беспокойства.

– Это правда, папа? Ты этим не делаешь нам просто поблажку?

– Нет, сынок, что ты. Есть и другая альтернатива. – Оливер сделал паузу. – Ты можешь оставить Сандру и Алекса в этой квартире и отправиться на западное побережье с нами.

Но Бенджамин только грустно покачал головой. Он не собирался их оставлять. Просто не мог. Алекс был его ребен-

ком, а Сандра понятия не имела, как с ним обращаться.

– Мы будем здесь, и все будет о'кей.

Он нашел себе другую работу, да и за проживание в отцовском доме платить не надо – расходов меньше.

Все произошло как в кино. Они собрали вещи. Поехали. Плакали. Махали руками на прощание. И за неделю до Дня благодарения улетели в Лос-Анджелес, чтобы начать в Калифорнии совершенно новую жизнь.

Когда самолет приземлился в лос-анджелесском аэропорту, Оливер посмотрел на Мел и Сэма и подумал: «Что же я наделал?»

– Приготовились? – нервозно улыбнулся им Олли, молясь, чтобы детям понравился дом, который он снял в Бел-Эйре⁶. Чего там только не было: терраса, сауна, ванны комнаты, оборудованные по последнему слову дизайна, и бассейн в два раза больше, чем в Перчесе. Раньше дом принадлежал актеру, который разорился и сдавал его, не решаясь пока продавать.

Энди им выдали вместе с другим багажом. Он путешествовал в большой клетке. Агги улыбалась и поправляла шляпку.

В аэропорту их ждал лимузин. Дети в изумлении забрались в него, а Энди лаял и вилял хвостом. Олли в сотый раз задавал себе вопрос: не безумие ли все это? Но даже если это и было так, никто вроде бы не осуждал его. По крайней мере

⁶ Бел-Эйр – фешенебельный пригород Лос-Анджелеса.

пока. Он откинулся на сиденье и взял детей за руки.

– Надеюсь, ребята, дом вам понравится.

– Наверняка.

Сэм улыбался, глядя в окно, а Мел вдруг стала на вид гораздо взрослее. Лимузин вез их по улицам Лос-Анджелеса к дому, который папа им выбрал в Бел-Эйре. Для детей это был совершенно новый мир, новая жизнь, но они, похоже, не возражали. И только Оливера страшило будущее.

Глава 21

Дом оказался именно таким, о каком дети мечтали, идеальным для них, что очень обрадовало Оливера. Они обжили его за пару недель, и все трое чувствовали себя очень хорошо. Даже Агнес была в восторге от нового дома, к тому же, обследовав местные магазины, она нашла все, что ей было нужно.

Мел полюбила новую школу. Сэм пригласил двух новых друзей поплавать в бассейне на День благодарения. Однако праздник был несколько непривычным без Бенджамина, без дедушки, да и Сара была далеко. Но время мчалось быстро. Прошел всего месяц со дня их приезда в Калифорнию, а ребята уже паковали вещи, чтобы лететь в Бостон, к матери, на рождественские каникулы.

Оливер отвез их в аэропорт, и хотя знал, что будет скучать по детям в праздники, в то же время радовался, что недельку-другую сможет допоздна поработать в офисе. Ему требовалось время, чтобы вникнуть в разработки, ожидавшие его со дня приезда. Человеком, которого ему по-настоящему не хватало, была Дафна. Не хватало ее меткого глаза, ясного ума, четких оценок и творческого подхода к решению проблем, связанных с работой. Часто он звонил, чтобы спросить у нее совета, или посылал экспресс-почтой бумаги, чтобы выяснить ее мнение по поводу новых рекламных кампаний.

Олли хотел бы, чтобы и ее направили в Лос-Анджелес, но отдавал себе отчет, что Дафна никогда не поедет. Ее личные дела в Нью-Йорке были слишком важны для нее. Она скорее бросила бы работу, чем того мужчину, ради которого пожертвовала жизнью тринадцать лет назад.

Рождество подкралось так быстро, что никто даже и не заметил. Дети перед отъездом нарядили елку, обменялись с отцом подарками, и, вернувшись из аэропорта в пустой дом, Олли вдруг осознал, что впервые будет встречать Рождество в одиночестве, без детей и без Сары. Так, впрочем, было легче забыть о празднике и погрузиться в работу.

На следующий день в дверь его кабинета нерешительно постучала одна из сотрудниц.

– Мистер Ватсон, Гарри Бранстон решил, что вы, может, захотите на это взглянуть.

Девушка положила ему на стол приглашение. Олли взглянул на него, но был слишком занят и внимательно прочел только через несколько часов. Это было приглашение на рождественский прием, который ежегодно устраивала одна из телекомпаний для своих звезд, персонала, друзей и главных поставщиков рекламы. Телекомпания эта была в то же время одним из крупнейших клиентов их рекламного агентства. Присутствовать на этом приеме Оливеру было вроде бы важно, но он не знал, найдет ли свободное время, и вообще-то был не в настроении. Он отложил приглашение в сторону и решил, что посмотрит, как сложится день, – до

торжества оставалось еще четыре дня. Когда же в пятницу пополудни Олли нашел среди бумаг приглашение, то меньше всего думал о приеме. Никого из знакомых там не будет, и никто не заметит его отсутствия. Он снова отложил его в сторону, но вдруг словно услышал голос Дафны, настаивающей, что надо идти. Именно это она ему посоветовала бы сделать: ради агентства и для утверждения себя в качестве главы его лос-анджелесского, отделения.

– Ну ладно... ладно... – проворчал он. – Пойду.

А потом про себя улыбнулся, подумав, как здесь не хватает ее и их совместных ужинов. В этом состоял один из минусов переезда в Лос-Анджелес. У Олли здесь не было друзей. И тем более таких, как Дафна.

Оливер позвонил и заказал служебный лимузин, которым пользовался редко, но для таких случаев он был очень кстати. Водитель наверняка знал, где это находится, да и о парковке беспокоиться не надо.

Прием проводился в одном из громадных съемочных павильонов. Лимузин подкатил к воротам, охрана проверила по списку фамилию и пропустила. Все это по-прежнему напоминало Оливеру сон или участие в каком-то незнакомом фильме.

Две девушки проводили его внутрь, и Олли вдруг оказался в толпе празднично одетых и пьющих шампанское людей. Интерьер павильона напоминал гигантский гостиничный вестибюль. Посредине возвышалась огромная елка, руководи-

тели телекомпании всех приветствовали. Оливер чувствовал себя скованно, как ребенок, впервые пришедший в новую школу, но никто не обращал на это внимания. Он несколько раз представился и с тайным восторгом заметил в толпе знакомые лица звезд, участников популярных программ и телесериалов. На приеме было множество красивых женщин и интересных мужчин, и Олли пожалел, что с ним нет Мелиссы. Она бы наверняка была ошеломлена всем этим, ей бы понравилось. Оливер заметил также ведущего любимых программ Сэма – веснушчатого мальчишку, чьи словечки Сэм постоянно повторял.

В один из моментов он подвинулся, чтобы пропустить кого-то, и нечаянно наступил кому-то на ногу. Олли тут же отскочил, извиняясь, повернулся – за его спиной стояла красавица, каких он еще в жизни не видел: прелестное лицо, зеленые глаза, волосы с медным отливом.

– И... извините... Я не заметил.

Оливер понял, что уже видел ее раньше, но не мог вспомнить где. Она улыбнулась ему, демонстрируя безукоризненные зубы. На ней были красные кожаные слаксы и простой черный свитер. Ослепительная красота не мешала ей быть совершенно непринужденной. И улыбка у нее была как у юной девчушки, а не как у кинозвезды. Она была удивительно маленького роста и вообще воплощала собой миниатюрность и совершенство.

– Я очень сожалею, – повторил Олли снова, зная, что на-

ступил на нее всей своей лапой.

Но красавица только рассмеялась и повела взглядом по окружавшей их толпе:

– Безумие, правда? Я каждый год прихожу сюда и всегда себя потом ругаю. Это похоже на гигантскую массовку. Устроители словно заказывают толпу побольше, а потом берут в руки по бокалу шампанского и желают всем хорошо провести время.

Она снова рассмеялась, глядя по сторонам, потом их взгляды встретились. Оливеру показалось, что она из другой породы: идеальный цвет лица, прекрасно ухоженные рыжие волосы – полный контраст с экстравагантно одетыми и накрашенными женщинами, которые, очевидно, посвящали всю жизнь уходу за своей внешностью. Олли чувствовал, что она другая.

– Я знаю, что мне не следует об этом спрашивать, возможно, мне следовало бы знать, но – вы здесь работаете?

– Можно так сказать. А вы ведь нет, я не ошиблась? В противном случае он бы знал, кто она, но ее это не обидело. Так даже лучше.

– Я работаю в рекламном агентстве. – Олли не хотел ей говорить, что является директором. – Всего несколько недель назад переехал сюда из Нью-Йорка. Здесь все по-другому, но мне нравится.

– Вот увидите. Здесь можно сойти с ума. Я живу тут десять лет и по-прежнему чувствую себя словно Алиса в Стране

не чудес.

Это ощущение было Оливеру хорошо знакомо. Он вдруг подумал, как бы она выглядела без тщательно причесанных волос и профессионально сделанного макияжа.

– А откуда вы приехали?

– Из Небраски, – засмеялась она. – Можете себе представить? Я приехала поступать в Калифорнийский университет и стала звездой. Моя родня все еще считает меня сумасшедшей, потому, что я здесь нахожусь. Иногда мне тоже так кажется, но это затягивает. Мне нравится работать в телебизнесе.

Она говорила эмоционально, Оливеру нравилось выражение ее глаз. Живая и жизнерадостная, она, казалось, не воспринимает все это серьезно. Во время их разговора кто-то подошел и попросил у нее автограф. Она расписалась, улыбнулась, поблагодарила и снова повернулась к Оливеру. Тот был явно смущен, так как теперь-то уж точно понял, что обязан был знать, кто она.

– Ладно. Завтра я буду посрамлен. Я выясню, кто вы, и почувствую себя полным ничтожеством. Почему бы вам не сказать мне сейчас? Я признаюсь в невежестве и смирюсь с этим. – Олли тоже улыбался. – Кто вы?

– Красная Шапочка, – пошутила она. – Честно говоря, мне нравится, что вы меня не узнаете. Я не хочу лишать себя этого удовольствия.

– Обещаю, что забуду, как только вы мне скажете.

– Ну ладно, раз такое дело. – Она протянула ему руку. – Шарлотта Сэмпсон.

Это была звезда одного из главных сериалов телекомпании, который демонстрировался еженедельно в лучшее время. У нее и ее партнера аудитория насчитывала порядка восьмидесяти миллионов зрителей.

– О Господи...

Олли в самом деле почувствовал себя дураком. Мел просто умрет, когда узнает, что отец с ней познакомился.

– Трудно поверить...

– А теперь, когда это позади, скажите мне, кто вы. Оливер пожал ей руку, а сам представиться забыл. Он удивлялся, что не узнал ее, но никогда бы не подумал, что она такая маленькая, молодая, живая и симпатичная. В сериале она была очень серьезной и обычно носила другую прическу. Олли все глазел на нее, чувствуя себя деревенщиной, потом наконец представился:

– Извините. Я в самом деле растерялся. Меня зовут Оливер Ватсон. Это на нас, простаков с востока, Голливуд так действует. Я, знаете, не привык каждый день иметь дело со звездами, а тем более наступать им на ноги.

– Не расстраивайтесь. Мой отец, когда был здесь последний раз, встретил в павильоне Джоан Коллинз и сказал ей, что она очень похожа на его знакомую учительницу воскресной школы из Небраски. Я впервые видела, что Джоан онемела. А он похлопал ее по спине и пошел дальше.

– Может, и мне следовало бы поступить так же? Но в вас я не нахожу сходства с учительницей воскресной школы.

«Скорее с соседской девчушкой, – подумал Олли, – изумительно красивой девчушкой».

Его заинтриговали ее пламенно-рыжие волосы. Судя по матово-белой коже, это был их естественный цвет.

– Вы тоже не похожи на человека из рекламного бизнеса. Скорее на кого-то из нашего сериала.

Шарлотта рассмеялась, и Олли понял, что делает она это часто. Она была легка в общении, лишена манерности или аффектации, характерной для людей ее круга.

– Боюсь, что вы ошибаетесь.

– Кстати, а как вы здесь оказались?

Кругом толпилось множество ее знакомых, ей махали, слали воздушные поцелуи, подавали знаки, но Шарлотте, казалось, нравился разговор с Оливером.

– У пас в агентстве кто-то заболел, и меня послали на замену. Я узнал только в последний момент, но не жалею, что приехал.

Вдруг Олли почувствовал себя неловко:

– Мисс Сэмпсон, я вас задерживаю? Думаю, здесь множество более важных людей, с которыми вам надо поговорить.

– Я уже заплатила свои долги. Я пришла рано, выпила бокал шампанского и поцеловала президента телекомпании. Чего они еще могут хотеть? Чтобы я сплясала? Не выйдет. Я сейчас не на работе. И мне нравится с вами разговаривать.

Это гораздо приятнее, чем беседы с невзрачными звездами, программы которых теряют популярность.

Однако о ее программе этого сказать было нельзя. Шарлотта в тот год была кандидатом на приз «Эмми», правда, не получила его, и Оливеру было тем более неловко, что он ее не узнал с первого раза.

– А чем вы занимались в Лос-Анджелесе, с тех пор как приехали?

– Работал, работал и еще раз работал... Устраивался... Честно говоря, я пока ничего не видел, кроме моего дома и офиса.

– Это не слишком весело. А ужинать куда-нибудь ходили?

– Еще нет, разве что один раз, с детьми. Мы поехали в «Хард-рок кафе», им там очень понравилось. А я почувствовал себя четырехсотлетним стариком и чуть не оглох.

Шарлотта засмеялась. В самом деле там тяжело было разговаривать, но все равно это кафе ей нравилось. Интерьер был оформлен необыкновенно. Она особенно любила разглядывать старый автомобиль Элвиса Пресли, словно проломивший потолок. К Шарлотте тогда возвращались воспоминания детства.

– А в «Спаго» вы еще не были?

– К сожалению, нет.

– Надо нам будет как-нибудь сходить.

Олли подумал, что это лос-анджелесский вариант нью-йоркского «Давайте как-нибудь вместе поужинаем», и не от-

несся к ее словам серьезно.

Потом она с заинтересованным видом спросила:

– Сколько лет вашим детям?

– Дочери шестнадцать, а сыну десять, и еще одному сыну, который остался на востоке, восемнадцать.

– Неплохо, – улыbnулась она как бы с легким сожалением.

Олли ей в самом деле нравился. – А сколько жене?

Шарлотта взглянула ему в глаза, и Олли рассмеялся прямоте ее вопроса.

– Вообще-то сорок два, но мы в разводе.

Он имел право так сказать. Документы должны были быть готовы через восемь недель, а в его сердце все нити, связывавшие его с Сарой, порвались.

Шарлотта Сэмпсон в ответ широко улыbnулась:

– О, это хорошая новость! А я было расстроилась!

Оливеру польстили ее слова и внимание к нему. Он в самом деле считал, что недостоин этого. А может, она была просто застенчивой и не любила больших приемов?

– Ваши дети теперь здесь?

– Нет, они улетели на восток, чтобы провести Рождество с матерью, в Бостоне.

– Но вы же сказали, что жили в Нью-Йорке? Шарлотта была озадачена.

– И почему они не остались на Рождество с вами?

– Потому что они и так со мной постоянно живут. Мы действительно жили в Нью-Йорке, но она живет в Бостоне.

Она уехала туда год назад продолжать образование, и...

Олли посмотрел на Шарлотту. Голливуд не Голливуд, он решил рассказать ей все как есть, хотя и не был уверен, что ей до этого есть дело. Однако она проявляла заинтересованность и, похоже, была хорошим человеком.

– И она нас оставила... меня и детей... Поэтому они теперь живут со мной.

Шарлотта вдруг печально взглянула на него и отбросила свои длинные рыжие волосы.

– Это похоже на долгую, грустную историю.

– Совершенно верно. Так было. Теперь это уже короткая история. Она счастлива. У нас все хорошо. Ко многому при-
выкаешь, если надо.

– А дети? Олли кивнул:

– Они в порядке. Теперь, как мне кажется, они смогли бы выдержать любые испытания. Это хорошая команда.

– А вы, похоже, хороший отец.

– Благодарю, сударыня.

Оливер слегка поклонился, оба рассмеялись. В этот момент к ним подошел один из руководителей телекомпании. Он поцеловал Шарлотту в обе щеки, Оливеру пожал руку и сказал, что наблюдает за ним на протяжении часа.

– Я хотел познакомить тебя кое с кем из наших друзей, но вижу, что ты и так уже познакомился с моей фавориткой.

– Едва переступив порог, я попытался ее растоптать, а она была так любезна, что не вышвырнула меня вон и не подала в

суд. Теперь Шарлотта сильно хромает, поэтому мы тут стоим и я мучаю ее рассказами про своих детей.

– Я с удовольствием с вами разговариваю, Оливер, – произнесла Шарлотта с ноткой обиды, а мужчины рассмеялись. Потом она с недовольной гримасой обратилась к боссу телекомпании: – Ты что, собираешься его куда-то увести?

– Вынужден. Но если хочешь, приведу его обратно, – заверил тот и наклонился к Оливеру со словами шутливого предупреждения: – Имей в виду, она не выносит кинозвезд, обожает детей и собак и никогда не забывает роль. Я таким женщинам не доверяю, а ты? Вдобавок она чертовски хорошенькая. Тебе надо увидеть ее в четыре утра – просто обалдеть можно: никакого макияжа и лицо как у ангела.

– Кончай, Говард! Ты прекрасно знаешь, как я выгляжу по утрам.

Шарлотта смеялась, весело было и Оливеру. Он бы с удовольствием посмотрел на нее в четыре утра, в макияже или без него.

– Он все-все врет. Я терпеть не могу детей и собак. Но когда они говорили о детях Оливера, на это было не похоже.

– О'кей, Чарли, ты себе развлекайся, а я Оливера заберу. Скоро доставлю его обратно.

К большому сожалению Оливера, его увели, и Говард стал знакомить его со всеми сколько-нибудь значительными особами, присутствовавшими на приеме. Лишь через час Олли удалось вернуться на то место, где они стояли с Шарлоттой.

Ее, конечно, там уже не было. Он в общем-то не надеялся, что она ждет, но был бы очень рад, если бы так случилось. Олли вышел из павильона и стал искать свой лимузин. И тут, к своему изумлению, в отдалении заметил ее, садящуюся в красного цвета «мерседес». Волосы она заплела в две косы, смыла макияж, на ней было старое черное кожаное пальто. Олли помахал ей, Шарлотта его увидела и тоже помахала, потом замешкалась, словно ожидая, чтобы он подошел. Оливер направился к ней сказать, как был рад знакомству. Шарлотта приветливо улыбнулась.

– Домой?

Она кивнула, взглянув на него снизу вверх все с той же улыбкой, и вдруг показалась Оливеру похожей на маленького ребенка. Очень симпатичного ребенка, констатировал Олли.

– У меня две недели отпуска до конца праздников. А как насчет вас? Покончили с обязанностями?

Олли кивнул. Он хотел бы пригласить ее куда-нибудь, но не решался. А потом подумал: «Была не была, от Шарлотты Сэмпсон получить отказ не обидно», – и спросил:

– Вы ужинали?

Шарлотта покачала головой и затем с веселым видом предложила:

– Хотите, пойдем на пиццу в «Спаго»? Я не уверена, что мы попадем, но попробовать можем. Там обычно довольно людно.

Она употребила очень мягкое определение. Как правило, в «Спаго» яблоку негде было упасть от посетителей, жаждущих отведать блюд, приготовленных Вольфгангом Паком, и поглазеть на звезд, которые туда заходили.

– С превеликим удовольствием.

Олли был в восторге. Он через плечо глянул на свой лимузин:

– Разрешите вас подвезти? Или следовать за вами?

– А почему бы вам не поехать со мной?

– Вы не будете возражать? Разумеется, так было бы проще.

Шарлотта снова тепло улыбнулась. Ей нравились его внешность, его голос, легкость в общении, спокойствие. Он производил впечатление надежного ^заслуживающего доверия человека.

– Конечно, нет, – ответила она.

Тогда Олли быстро отпустил шофера, словно боясь, что Шарлотта передумает, и занял переднее сиденье рядом с ней. А она вдруг повернулась к нему:

– Мне пришло в голову кое-что получше. В «Спаго» порой бывает слишком шумно. Я знаю другой итальянский ресторанчик. Он называется «Кьянти». Там темно, и никто нас не увидит. Можем позвонить отсюда и узнать, есть ли свободные столики.

Шарлотта указала на маленький красный телефон, прикрепленный к приборной панели. Она одной рукой набрала

номер, а другой в то же время завела мотор. Оливер смотрел на нее с изумлением.

– Что-нибудь не так? – спросила она.

– Нет, я просто недоумеваю.

– Да, – усмехнулась Шарлотта, – путь далек из городка Линкольн в Небраске.

Ресторан ответил сразу же, они были рады зарезервировать столик для мисс Сэмпсон. Ее выбор оказался очень удачным. Ресторанчик был маленький, в нем царили полумрак и интим и не было никаких новомодных выдумок. Интерьер был как в старых добрых итальянских ресторанах, а меню привлекало восхитительными блюдами. Старший официант быстро принял у них заказ. Они сидели рядом на банкетке, и Оливер пытался свыкнуться с необычностью своего положения. Он ужинал с самой Шарлоттой Сэмпсон! Но ведь это был Голливуд, не так ли? На долю секунды его мысли обратились к Меган. Здесь все было совсем иначе. Те свидания носили изощренный и отчасти декадентский характер, а тут все казалось таким простым. Видимо, потому, что Шарлотта была таким человеком. Она казалась очень земной.

– Идея была отличная, – похвалил Олли, и оба потянулись к булочкам. Они ужасно проголодались.

– Как замечательно, что завтра не нужно в четыре утра ехать на работу. Порой это очень мешает общению с друзьями. Чаще всего я слишком устаю к вечеру, чтобы еще куда-то

ходить. Я приезжаю домой, принимаю ванну и забираюсь в постель со сценарием на следующий день, а в девять выключаю свет и засыпаю мертвым сном.

– А как же знаменитые голливудские вечеринки?

– Они для кретинов. За исключением обязательных, вроде сегодняшней. На остальные можно не ходить. А на такие, как сегодняшняя, не пойти опасно. Нельзя сердить руководство телекомпании.

– Я об этом слышал. Неужели все время приходится жить в таком напряжении?

– Временами, если твой рейтинг не слишком высок. Паршивая это работенка, – рассмеялась она, – но я ее люблю. Мне нравится, что она такая творческая, тяжелая, я получаю удовлетворение, когда удается справиться с трудным сценарием. Мне интересно заниматься еще и другими вещами, но этот опыт просто неоценим.

Она снималась в сериале уже на протяжении двух лет.

– А чем бы вы охотнее всего занимались?

– В профессиональном смысле? Интересный вопрос... Наверное, Шекспиром. Я его много играла в колледже и потом в летней бродячей труппе, когда не могла найти другую работу. Я люблю настоящий театр, это напряжение, необходимость помнить роль слово в слово и хорошо играть ее каждый вечер. Для меня верхом мечтаний был бы, наверное, Бродвей.

Оливер кивнул, он ее понимал. Это, конечно, вершина ак-

терского мастерства, но и то, что она делала, было здорово. Олли восхищался ею. Помимо всего, это была гораздо более тяжелая работа, чем многим казалось. Он это уже понял.

– А в кино вы снимались?

– Один раз, – рассмеялась она. – И очень неудачно. Единственной особой, которая это смотрела и которой понравилась, была моя бабушка в Небраске.

Они рассмеялись. Подали ужин, за которым они говорили и говорили: о работе, о его детях, о сложностях их профессий, о его самочувствии в должности новоиспеченного директора.

– Реклама – это сложное дело. Раз напортачишь – и потеряешь клиента.

Она много об этом слышала, но Оливер казался удивительно спокойным, учитывая напряжение, в котором работал.

– Да нет, от вашей работы не очень отличается. Вам тоже особой свободы не дают.

– Поэтому надо иметь еще что-то, какую-то отдушину, не менее важную для тебя, чем работа.

– Например?

Шарлотта ответила без колебаний:

– Мужа, семью, детей. Людей, которых любишь. Навыки в чем-то другом. Потому что в один прекрасный день съемки, автографы, вся эта суматоха – все кончится, и важно не допустить, чтобы это стало для тебя трагедией.

Ее взгляд на свою профессию был разумным и вызвал у Оливера уважение, но ее слова вдруг озадачили его.

– Вы, случайно, от меня ничего не скрываете, мисс Сэмпсон? Вдруг сюда зайдет ваш муж и вмажет мне по носу?

Шарлотта засмеялась, представив такую сцену, и покачала головой, в то же время сражаясь с порцией спагетти.

– Это невозможно. Я была замужем всего один раз, и давным-давно, когда мне был двадцать один год. Выскочила я буквально через десять минут после окончания колледжа.

– И что же?

– Очень просто. Он был актером. Скоропостижно скончался. А я с тех пор не встречала никого, за кого хотела бы выйти замуж. На съемочной площадке редко можно встретить мужчину, с которым хотелось бы провести остаток жизни.

В течение нескольких лет она еще крутила роман с продюсером, но это ни во что не вылилось. Потом подолгу у нее никого не было, или же были знакомства с людьми, не связанными с телевидением.

– Наверное, я слишком разборчива. Моя мама говорит, что я уже перевалила за гору.

Шарлотта посмотрела на Оливера с грустью, но и с искоркой озорства в глазах:.

– В следующем месяце мне исполнится тридцать четыре. По-моему, я немного перезрела для замужества.

Олли весело рассмеялся. На вид ей было около двадцати.

– Я так не считаю. А здесь что, существует такое мнение?

– Если тебе больше двадцати, ты труп. К тридцати годам позади первая пластическая операция, к тридцати пяти – вторая и еще как минимум одна операция на глазах, если не две. В сорок все кончено. Поэтому я и говорю, что надо иметь в жизни еще что-то.

Говорила она вполне серьезно.

– А если не мужа и не детей, тогда что?

– Что-то, чем была бы занята голова. Я раньше много работала с детьми-инвалидами. Правда, теперь у меня нет времени.

– Я вам одолжу своих.

– А какие они?

Судя по тону, ее это в самом деле интересовало, и Оливер растрогался. Трудно было поверить, что Шарлотта – преуспевающая знаменитость. Она так трезво говорила, была такой приземленной. Оливеру это очень нравилось, как, впрочем, и остальное в ней. Для него даже отошла на задний план ее внешность. Он почувствовал ее искренность, внутреннюю красоту. Думая о ней, он и попытался ответить на вопрос Шарлотты о его детях:

– Мел умная и ответственная и безумно хочет стать актрисой, по крайней мере сейчас. Бог знает кем ей захочется быть потом. Но она собирается поступать в колледж на театральное отделение. Высокая блондинка и вообще замечательный ребенок. Думаю, она вам понравится.

Он решил, что Шарлотта и Мел должны познакомиться, а потом подумал, не слишком ли много ему хочется, но Шарлотта, похоже, не имела ничего против.

– А Сэм смысленный парень, ему десять, живой как ртуть. Всеобщий любимец.

Затем Олли рассказал ей о Бенджамине, Сандре и их ребенке.

– Да, видно, нелегко ему достается, – вздохнула Шарлотта.

– Весьма. Но он полон решимости делать то, что считает правильным, даже если сам от этого страдает. Подругу он, похоже, больше не любит, зато без ума от малыша.

– Так вы, значит, дедушка, – произнесла она и вдруг озорно посмотрела на Оливера.

Глаза у нее были такие же зеленые, как у него. – А вы мне не сказали, когда мы познакомились. Олли улыбнулся:

– Разве это имеет какое-то значение?

– Колоссальное. Вот я скажу своей родне, что ходила на свидание с дедушкой. То-то они будут ломать голову, зачем мне это понадобилось.

Похоже было, что она оставалась с ними в тесных отношениях, и это Оливеру тоже понравилось. Он рассказал ей даже об отце и о Маргарет.

– Они прилетят в январе повидать ребят. Она для него самый лучший вариант, хотя поначалу я так не думал. Для меня это был сильный шок, когда он женился на ней почти сразу после смерти матери.

– Правда, забавно: сколько бы нам ни было лет, в отношении к родителям мы всегда ведем себя как дети. Вам не кажется?

– Кажется. Я сперва ужасно возмутился по ее поводу. Но отец на склоне лет имеет право на толику счастья.

– И достоин красивой старости.

– Да, конечно.

– Я надеюсь познакомиться с ними, – мягко произнесла Шарлотта.

Они закончили ужин, еще чуть-чуть поговорили за кофе, потом пошли на выход, к машине. По пути два человека остановили ее, прося автограф. Шарлотта не отказывала, напротив, раздавала их дружелюбно и ласково, почти с благодарностью. Олли заговорил об этом, когда они сели в машину. Шарлотта устремила на него серьезный взгляд своих широко раскрытых зеленых глаз:

– В телебизнесе никогда нельзя забывать, что благодаря этим людям ты такой, как есть. Без них ты никто. Я об этом всегда помню.

Самое замечательное было то, что слава не вскружила ей голову. Она была удивительно скромной и почти застенчивой.

– Спасибо, что вы поужинали сегодня со мной.

– Я получила большое удовольствие, Оливер.

Судя по выражению лица, она сказала это вполне серьезно.

Шарлотта отвезла его домой в Бел-Эйр. Выходя из машины, Олли замешкался, не зная, пригласить ее внутрь или нет, наконец все-таки пригласил, но она сказала, что очень устала. А потом вдруг что-то вспомнила и спросила:

– Чем вы будете заниматься в праздники, один, без детей?

– Ничем особенным. Я собирался поработать в офисе. Это будет мое первое Рождество без ребят.

– Я обычно тоже уезжаю домой. Но в этом году просто не смогла. На следующей неделе у меня съемка рекламного клипа, да и сценарии почитать тоже надо. У нас новый автор. А что, если нам встретиться в воскресенье?

На воскресенье приходился сочельник, и Олли старался об этом не думать, но ее предложение казалось слишком заманчивым, чтобы его отвергнуть.

– С удовольствием. Можем у меня поужинать. Агнес была на месте, хотя дети и уехали. Но Шарлотта придумала кое-что получше.

– Давайте лучше я зажарю нам индейку! Как положено. Хотите?

– Ну конечно.

– А потом пойдем в церковь. У меня есть друзья, к которым я всегда хожу в гости на Рождество. Пойдете со мной?

– Охотно, Шарлотта. Но вы уверены, что хотите провести время со мной? Я не хочу навязываться.

– Да, – сказала она с мягкой улыбкой, – и буду очень разочарована, если вы не придете. Рождество для меня очень

важно, я люблю проводить его с милыми мне людьми, и отнюдь не сторонница искусственных елок, спрыснутых серебряной краской, и всей этой пошлятины, характерной для Голливуда.

– Ладно, договорились, приеду. Во сколько?

– Приезжайте в пять. В семь сядем ужинать, а в полночь пойдем в церковь.

Она нацарапала ему адрес, и Олли, несколько ошеломленный, вышел из машины, а Шарлотта его еще раз поблагодарила и, помахав рукой, уехала. Он долго стоял, глядя, как ее красный автомобиль исчезает у подножия холма, не веря в реальность случившегося. Все это было как сон. Но еще более сказочным оказалось проведенное с ней Рождество.

Шарлотта встречала его в белом платье. Дом был чудно расположен. Он находился на Голливудских холмах и имел вид уютной старой фермы. Шарлотта, рассмеявшись, сказала, что он напоминает ей Небраску. Внутри были дощатые полы, потолки с балками и большие каминные в противоположных углах комнаты, а перед каминами – просторные, мягкие диваны. В кухне, почти такой же большой, как гостиная, тоже был камин и стоял накрытый на двоих стол. В углу поблескивала наряженная елка. Наверху располагались две очень милые спальни. Спальня Шарлотты была в розовых тонах, с обоями в цветочек, другая, желтая, предназначалась для гостей, в ней жили ее родители, когда приезжали, что, впрочем, по ее словам, случалось нечасто. Это жилище

не имело и десятой части фешенебельности, которой блистала нью-йоркская квартира Меган, но зато было в десять раз теплее и очень понравилось Оливеру.

Хозяйка охладила для него бутылку белого вина, индейка уже жарилась в духовке. Помимо того, Шарлота приготовила пюре из каштанов, картофеля и батата, зеленый горошек, клюквенное желе и много начинки для индейки. Одним словом, ужин получился королевский, он напомнил Оливеру о рождественских праздниках, проведенных в спокойной обстановке дома с Сарой или еще раньше, с родителями. В этом году он планировал вместо праздничного ужина съесть на работе сэндвич или по пути домой – гамбургер в баре «Гамлет». О таком Рождестве он и не мечтал, тем более о трапезе с Шарлоттой Сэмпсон. Она появилась словно дар небес, и Олли, садясь за стол, положил рядом с ее прибором свой небольшой подарок. Он был так тронут приглашением, что захотел преподнести Шарлотте к Рождеству что-нибудь приятное, поэтому накануне заехал в магазин «Картье» и купил ей простой золотой браслетик. Она была глубоко тронута и смущена, что не приготовила подарка для него.

– Так это же и есть подарок: рождественский ужин, прямо как из сказки.

Шарлотте, похоже, было приятно, что для Оливера это так много значило. Потом они разговаривали, смеялись, а после ужина Олли по своей кредитной карточке позвонил детям и Саре. Ребята, судя по голосам, веселились от души. Слышны

были смех, визг, трубка переходила из рук в руки, и даже разговор с Сарой получился непринужденный. Он пожелал ей всех благ, а после позвонил отцу. Толос у того давно не был таким счастливым.

Оливер с изумлением вспомнил, что ведь Сара покинула их ровно год назад. Он сказал это Шарлотте. Говорить с ней было легко. В тот момент она подала десерт собственного приготовления: пирожки с изюмом и миндалем и яблочный пирог со взбитыми сливками.

– Вы по ней все еще скучаете, Оливер? – спросила Шарлотта, когда они, любуясь видом из окна, заканчивали ужин.

Но Олли покачал головой. Он был с ней честен.

– Уже нет. Мне даже странно вспоминать, что я был на ней женат. Она кажется чужой, я думаю, так теперь оно и есть. Но сначала было очень больно. Казалось, я этого не переживу. Однако ради детей пришлось совершить невозможное. По-моему, именно благодаря им я не опустил руки.

Шарлотта кивнула. Она понимала Оливера и считала спасением то, что у него были дети. Олли продолжал:

– Думаю, у нас всегда были разные устремления, но я игнорировал это. А она знала, чего хочет, и никогда не забывала.

– Интересно, что иногда такая настойчивость является настоящей добродетелью, а иногда – грехом, не так ли?

– В случае с ней, по-моему, замужество было большой ошибкой, но я этой ошибке рад, так как иначе у нас не было

бы детей.

– Они для вас все, так ведь, Оливер?

– Да, – признал он, – может, я даже слишком о них беспокоюсь. Для себя я за минувший год мало что сделал.

Исключение составлял роман с Меган, но это было временное умопомрачение, месяц полного, безграничного и сладкого безумства.

– Может, вам теперь стоит подумать, прикинуть, что делать дальше?

– Вероятно. Я не уверен, что уже сейчас нашел бы ответ, а может, мне и не стоит над этим задумываться?

Олли улыбнулся. Шарлотта налила ему чашку ароматного дымящегося кофе. Оливер чувствовал, что сейчас лопнет, именно так и должен себя чувствовать человек после рождественского застолья. Он был счастлив, сыт и рад общению с этой женщиной, которая, как ему казалось, прямо-таки создана для него, не будь она Шарлоттой Сэмпсон.

– А как насчет вас? – обратился Олли к ней. – Чего вам хочется?

Шарлотта мягко улыбнулась:

– Знаете, давайте перейдем на ты... Зови меня Чарли, как все мои близкие друзья.

Удивительно было считаться одним из них, но Оливеру предложение понравилось.

– В конце года я всегда задумываюсь над этим... к чему стремлюсь... чего хотела бы достичь в следующем году, что

хотела бы делать. Наверное, то же самое, ведь все пока удачно складывается.

Понятно, что она имела в виду свой сериал.

– А по поводу остального – что будет, то будет. У меня, как у всех, есть мечты, но многие из них уже исполнились.

Казалось, Шарлотта вполне довольна жизнью. Она ничего для себя не искала, ни за что не боролась, ее устраивало то, что она имела.

– Я бы очень хотела когда-нибудь выйти замуж и иметь детей, но если мне это не суждено, ничего не поделаешь. Нельзя делать трагедию из того, что тебе неподвластно.

Она была поразительно спокойна и философски настроена.

Олли помог Шарлотте убрать со стола, в десять они выпили еще по чашке кофе и незадолго до полуночи поехали в Беверли-Хиллз, в церковь Доброго пастыря. Там, во время заутрени, сидели очень близко друг к другу. Все было именно так, как должно быть на Рождество. Под конец службы, при свечах, запахе ладана и еловой хвои, пели со всеми. Из церкви вышли в половине второго ночи. Оливер медленно вел машину, чувствуя себя довольным и счастливым настолько, что почти не скучал по детям.

Подъехав к дому Шарлотты, Олли уже хотел было высидеть ее и попрощаться, когда она вдруг странно посмотрела на него:

– Я знаю, Оливер, что ты удивишься, но одному в сочель-

ник возвращаться домой – это так тоскливо. Не хочешь провести эту ночь в моей гостевой комнате?

Они познакомились всего два дня назад, только что вместе встретили Рождество, и вот она приглашает его к себе домой как гостя. Не с похотью, как Меган, а с добротой, теплом и уважением. И Оливеру вдруг больше всего на свете захотелось принять ее приглашение. Он желал быть с ней не только эту ночь, но и всю неделю, весь год, а может, даже и всю жизнь.

– С большим удовольствием, Чарли.

Олли наклонился и поцеловал ее. Это был чистый, благородный поцелуй. Держась за руки, они вошли в дом, Шарлотта проводила его наверх и постелила постель, показала ванную рядом, где были пижамы и халаты для гостей, похлопотала над ним, как курица, и наконец, с теплой улыбкой пожелав доброй ночи, оставила Оливера одного.

Он долго-долго лежал, думая о ней. Оливеру хотелось пойти к Шарлотте, но он знал, что нечестно было бы воспользоваться ее добротой. Он похож был на ребенка, который хочет нырнуть к маме в постель, но никак не решается.

Проснувшись утром, Олли почувствовал запах блинчиков, жареных колбасок и горячего кофе. Он почистил зубы новой, оставленной ею накануне зубной щеткой, побрился и спустился в халате вниз.

– Веселого Рождества, Оливер! – весело крикнула Шарлотта, едва он переступил порог кухни.

Олли с улыбкой наблюдал за ее хлопотами. Через две минуты роскошный завтрак был готов. Помимо всего того, что Оливер уже унюхал, он включал бекон, яйца и свежеприготовленный апельсиновый сок.

– Веселого Рождества, Чарли. Ты рискуешь никогда от меня не избавиться, если будешь так кормить. Прямо как в шикарном отеле.

Шарлотта весело расхохоталась:

– Я рада, что вам нравится, сэр.

Тогда он наклонился и без спросу поцеловал ее. На этот раз поцелуй был более пылкий, чем накануне вечером, и когда она наконец отпрянула, обоим пришлось некоторое время восстанавливать дыхание.

– Ну и ну, Оливер. Вот так «с добрым утром»!

– Прямо пропорционально качеству завтрака.

Олли ковырнул яичницу и снова потянулся к Шарлотте, не в силах долее держаться от нее на расстоянии. Что, если эта прекрасная женщина – наваждение, которое может исчезнуть у него на глазах, если его не поймать руками?

– Будь паинькой, Оливер, – с улыбкой увещевала она, – не отвлекайся от завтрака.

– Я не знаю, что для меня соблазнительнее, – расплылся в улыбке Олли, словно ребенок в магазине игрушек, – этот завтрак или ты. – И, глядя на Шарлотту, добавил: – В данный момент ты на первом месте.

– Веди себя хорошо, а то Санта-Клаус не принесет тебе

ничего. Доешь все до капельки.

– Слушаюсь, сударыня.

Вообще-то Оливер считал, что Санта-Клаус именно ее положил к нему в чулок. Босс телекомпании был прав: без макияжа, с собранными назад волосами, со свежим, чистым лицом Шарлотта в это утро выглядела совершенно восхитительно.

После завтрака она исчезла и вернулась с маленькой коробочкой голубой замши, которую поставила перед ним. Чарли вспомнила о ней прошлым вечером, после церкви, и теперь с удовольствием наблюдала, как Олли ее открывает. Это были красивейшие старинные карманные часы с римскими цифрами на элегантном циферблате. Олли с изумлением и восторгом на них смотрел.

– Это моего дедушки, Олли... тебе нравятся?

– Ужасно нравятся! Но я не могу принять от тебя такой подарок.

Она была едва с ним знакома. Что, если бы он оказался дрянным человеком или больше бы они не встретились? Оливеру казалось, что Шарлотта поступает неправильно, но когда он попытался отдать ей часы обратно, она не взяла.

– Я хочу тебе их подарить. Ты особенный человек, и для меня это Рождество тоже особенное. Я говорила тебе: я каждый год ездила встречать праздник домой, а в этом году не смогла. И ни с кем из моих здешних знакомых я не хотела провести Рождество, кроме тебя... это много значит... Так

что они твои... на память о нынешнем Рождестве.

Олли почувствовал на глазах слезы и вместо благодарности привлек ее к себе, обнял и поцеловал, теперь уже нежнее. Она имела вкус апельсинового сока, блинчиков и колбасок и пахла лавандой и фиалками. Оливер готов был держать ее в объятиях всю жизнь.

– Я без ума от тебя, Чарли, – прошептал он. – Ты что-нибудь понимаешь, ведь прошло всего три дня?.. Извини, уже четыре.

Они познакомились в четверг, а за окном уже был понедельник.

– Нет, – ответила она тоже шепотом, – и это меня до смерти пугает... Но чувствую то же самое и ужасно этому рада.

– Ну, и что же нам теперь делать, двум ненормальным? Я едва с тобой познакомился и уже влюбился. А ты, знаменитая телезвезда, какого дьявола тратишь на меня время? Что все это значит?

– Не знаю, – сказала она с задумчивым, почти печальным видом, – но телевидение не имеет к этому никакого отношения. Я убеждена в этом и думаю, что мы просто два человека, которые вовремя встретились. Нам просто очень повезло.

– Неужели это в самом деле так?

А может, тут было еще что-то? Судьба, предназначение? Или страсть, чувство одиночества? Что бы это ни было, было прекрасно, и, наконец, они могли говорить об этом, как о своей тайне.

– Мне надо съездить домой переодеться. Поедешь со мной? – спросил Олли с улыбкой.

Шарлотта радостно кивнула. Она собиралась в этот рождественский день отвезти его в гости к своим друзьям, а вечером снова приготовить ему ужин. Она не хотела, чтобы что-то менялось или прекращалось. Олли этого тоже не хотел. Он просто хотел быть с ней. Подождав, пока Чарли оденется, он отвез ее к себе домой в Бел-Эйр. Агнес на уик-энд взяла выходные, в доме было пусто. Олли показал ей все, в том числе детские комнаты, потом усадил на диван и принес кучу фотографий, привезенных детьми из Нью-Йорка. И они, словно дети, долго их разглядывали, изучали, а Олли объяснял, кто есть кто и что есть что.

– Они прелестные, Оливер, – восхищалась Шарлотта, глядя на фото детей.

– Ты тоже, – шепнул он хриловато и снова поцеловал ее. Он не знал, как долго сможет себя сдерживать. Сидела она рядом, была так обворожительна, а он ее так сильно желал.

– Хочешь посидеть у бассейна?

День был замечательный, солнечный и теплый. Олли надеялся, что не набросится на нее, если выведет наружу. Он хотел подождать, потерпеть, пока оба не убедятся, что хотят именно этого. Они лежали рядом на солнце и долго-долго разговаривали. Казалось, о столько надо поговорить, столько узнать друг о друге, столько объяснить и столько понять.

Во второй половине дня Олли позвонил Бенджамину.

Чарли прислушивалась с ласковой улыбкой. Ребенок здоров, Сандра отсутствует. Дом в порядке. Они надеются на его скорый приезд. Нет-нет, все нормально, ничего не случилось.

– Ты от него без ума, правда? – спросила она, когда Олли положил трубку.

– Да, – печально улыбнулся Оливер. – Я просто хочу, чтобы он выбрался из этой трясины и приехал сюда. Я бы тогда смог его контролировать и послал бы снова в школу. Он растрчивает жизнь ради этой девчонки, а в его возрасте это преступление.

– Дай ему шанс. Он сам со временем во всем разберется. Мы же в конце концов разбираемся, – заметила Шарлотта и добавила: – Как думаешь, они поженятся?

– Думаю, нет.

Он вздохнул и обнял ее за плечи.

Потом они поехали к ее друзьям. Это была чета режиссеров, имевших на счету интересные работы, друживших с интересными людьми. Некоторые из приглашенных к ним в этот вечер были знаменитостями, немало было и никому не известных людей, все вели себя просто и непринужденно, никто не удивился приходу Шарлотты с Оливером. Он чувствовал себя как дома и прекрасно провел время. Лишь в девять они вернулись в Бел-Эйр и решили поплавать в его бассейне. На ужин ничего приготовлено не было, но после сытного завтрака, ленча и угощения в гостях есть не хотелось.

Олли одолжил ей один из купальников Мелиссы и пошел

сам переодеться, а когда вернулся, Шарлотта была уже в бассейне и плавала, делая размашистые, плавные гребки. Наконец она остановилась рядом с ним.

– Ты здорово плаваешь. А есть вообще вещи, которых ты не умеешь?

– Да. И очень много, – улыбнулась ему Чарли. – Я просто часто плаваю, это помогает мне сохранить форму.

Должно быть, плавание в самом деле влияло на нее благотворно. Ее тело ошеломило Оливера, когда она вышла из воды, чтобы прыгнуть с трамплина: идеальные пропорции, совершенство форм. Шарлотта была невероятно красива: мокрая или сухая, утром или вечером, в любое время дня в любом месте. Олли желал близости с ней немедленно, здесь, в этом бассейне, но знал, что не мог бы с ней так поступить. Они совсем недавно познакомились, и к тому же Чарли была в некотором смысле консервативна. Она нырнула и вынырнула рядом с ним, чтобы набрать воздуха.

– Давай наперегонки, – предложила она.

Олли улыбнулся. Сто лет назад он был капитаном университетской команды по плаванию, и не ей было с ним тягаться, Он схватил Шарлотту за руки, пригвоздил к бортику и поцеловал.

– Тебе тоже умения не занимать.

– Какое умение ты имеешь в виду, моя дорогая? – шутливо спросил Оливер.

– И одно, и другое, конечно.

Сказав это, она нырнула и поплыла под водой, как маленькая рыбка. Олли больше не мог себя сдерживать: устремился за ней, обнял за талию, они вместе вынырнули, он привлек Шарлотту к себе, а она обняла его за шею и поцеловала.

– Знаешь, я не уверен, что смогу вести себя смирно. Олли хотел быть с ней честным с самого начала.

– Я не уверена, что хочу от тебя этого, Олли, – ответила Шарлотта и крепко-крепко поцеловала его.

Оливера захлестнула волна страсти, он медленно стянул с нее купальник и провел ладонями по ее изумительному телу. Они вдруг стали дышать и двигаться в унисон. Чарли тоже спустила ему плавки и ласкала руками его твердую плоть.

– Ах, деточка... – простонал он, чувствуя ее прикосновение. – Шарлотта... Я люблю тебя...

Олли стеснялся произнести эти слова, но все-таки произнес. Ему нравились ее мысли, ее чувства, безумно нравилось осязать ее тело. Его пальцы нежно проникли внутрь ее, потом они, сгорая от желания, медленно подплыли к ступеням; Оливер положил ее осторожно на спину, Чарли исступленно целовала его, он вошел в нее, она изогнула спину и подхватила его ритм. Их омывала теплая вода, и это продолжалось бесконечно, было прекрасно и возвышенно, словно их двоих соединили время и пространство и не хотели разъединять. Наконец Олли потерял контроль над собой, задрожал, а она приникла к нему и в это мгновение тоже ощутила высшее блаженство.

Шарлотта открыла глаза, посмотрела на Оливера, снова его поцеловала и сказала все то, что он хотел услышать с самого момента их встречи. Каким бы невероятным это ни казалось, он знал, что относительно ее и относительно себя – все правда.

– Олли, – прошептала она в ночи, – я люблю тебя.

Потом он помог ей выйти из бассейна, завернул в полотенце и отнес в свою спальню. Они долго лежали у него на кровати, до поздней ночи шептались, хихикали как дети, делясь секретами и мечтами. И когда они снова соединились в любовном экстазе, обоим уже было ясно, что поступают правильно. Эти двое поняли: в самом подходящем месте в самый подходящий момент встречен самый подходящий человек.

– Все, что с нами произошло, похоже на сон, правда? – прошептала Шарлотта, когда они, словно счастливые дети, погружались в сон.

– С Рождеством, Чарли, – шепнул Оливер в ответ, крепко обвил рукой ее талию и уткнулся лицом ей в шею.

Такое Рождество выпало на их долю впервые. Только такого они и желали. И если это был сон, Олли надеялся, что он будет продолжаться всегда.

Глава 22

Дети вернулись домой после двухнедельного пребывания в Бостоне. Оливер поехал их встретить, он был счастлив, весел, согрет своей любовью к Шарлотте. Он скучал по ним не меньше, чем обычно в их отсутствие, но в этот раз у него была своя личная жизнь, и дни промелькнули как по мановению волшебной палочки. Правда, Олли несколько волновался, не зная, заметят ли дети перемену, происшедшую с ним, и как на нее отреагируют, но надеялся, что проявят снисходительность. У него уже был опыт, когда пришлось отказаться от романа из-за того, что его возлюбленная не понравилась детям. Оливер с содроганием вспоминал, как знакомил их с Меган. Но его отношения с Шарлоттой были совершенно иными. Она была деликатной, душевной, доброй и приятной в общении. Ей в отличие от Меган были небезразличны его заботы, она хотела познакомиться и подружиться с его детьми.

Сэм бросился в объятия отца, едва сойдя с трапа самолета, а за ним и Мел – улыбающаяся, загорелая на горном солнце. Сара возила их на несколько дней в Нью-Гемпшир кататься на лыжах.

– Ого, вы неплохо выглядите!

Они в самом деле хорошо провели время. По дороге домой, в машине, Мел рассказала, что мама постепенно при-

ходит в себя после трагедии с Жан-Пьером. Сара не покладая рук трудилась над романом и решила посвятить его Жан-Пьеру. Олли не спрашивал, появился ли у нее кто-нибудь другой. Теперь это его действительно не интересовало.

– Пап, – обратился Сэм, прижавшись к Оливеру, – а ты по нас скучал?

– Что за вопрос, старина! Дом без вас похож на склеп.

«Не всегда, – улыбнулся про себя Оливер, – кроме моментов, когда в нем находится Шарлотта...»

– Я ужасно соскучился, – добавил он и взглянул на Меллису. Она стала более женственной. За последние несколько месяцев у нее изменилась осанка, и даже за прошедшие две недели в ней тоже что-то изменилось.

– Как Энди? – расспрашивал Сэм.

– Безобразничает, как всегда. На днях прошелся по белому дивану, предварительно поплескавшись в бассейне. Агги погналась за ним с веником, но я не знаю, кто в конце концов победил. После этого он изжевал гардины.

Все рассмеялись. Тогда Оливер, тщательно подбирая слова и стараясь сохранять будничные тон, сообщил:

– Сегодня вечером к нам заедет поужинать одна моя знакомая. – Олли подумал, что вряд ли удастся провести детей – очень уж они сообразительные, и добавил: – Полагаю, она вам понравится.

– Какая-то особенная знакомая? – с улыбкой любопытствовала Мел и приподняла бровь. Это тоже было ново. Пол-

года назад она была готова возненавидеть любую женщину, проявляющую интерес к ее отцу. Но теперь все резко изменилось. Мелиссе было почти семнадцать, она повзрослела, сама интересовалась одним мальчиком из ее школы и, наконец, проведя месяц с матерью и Жан-Пьером, поняла, что родители уже больше никогда не сойдутся. До Сэма это доходило с большим трудом, и он, по детской простоте, не заметил подозрительных ноток в голосе отца, которые заметила Мел.

– Да нет, обычная.

– А кто она? – допытывалась Мел.

– Ее зовут Чарли... то есть Шарлотта... Она из Небраски.

Олли не знал, что бы еще сказать, чтобы не показаться дочери хвастуном. Они и так в конце концов узнают, что Шарлотта – актриса из популярного телесериала, как узнала об этом Агги. У той при первой встрече с Чарли челюсть отвисла от изумления. Но они быстро подружились. По просьбе Агги Чарли принесла свои фото с автографом и рекламные сувениры, которые Агги собиралась разослать своим знакомым. К моменту возвращения детей Шарлотта и Агги достигли полного взаимопонимания.

Они подъехали к дому. Агги ждала их с распростертыми объятиями и свежеиспеченным печеньем, а Энди бесновался от радости. До ужина оставалось еще два часа, и Сэм непременно хотел поплавать. Проведя две недели на востоке, где стояли морозы, он истосковался по Калифорнии и бассейну

и утверждал, что никогда в жизни так не мерз, как в Бостоне.

Даже не распаковав вещи, Мел бросилась к телефону, чтобы позвонить подружкам и узнать, что происходило без нее во время каникул, кто чем занимался и с кем проводил время. Несомненно, оба радовались возвращению, и Оливеру было приятно это видеть. Он только сожалел, что никто из них не имел возможности повидаться с Бенджамином. Он опять работал на двух работах и был привязан к ребенку. Олли в машине спросил про него у Мел, она сказала, что два раза звонила брату и тот говорил уставшим голосом. Он сидит один с ребенком: Сандра допоздна отсутствует.

Оливер ждал у себя в кабинете, волнуясь и прислушиваясь к знакомому детскому шуму наверху. Наконец ровно в семь у дома остановился красный спортивный «мерседес». У Олли радостно забило сердце, ему захотелось выбежать к Чарли и поцеловать ее. Но он себя сдержал, подождал, когда она выйдет из машины, и спокойно направился открывать входную дверь, задаваясь вопросом, заметили ли дети приезд Шарлотты.

– Привет, киска, – шепнул он и торопливо поцеловал ее в шею, а потом в щеку. – Я по тебе соскучился.

Казалось, они не виделись целую вечность, хотя расстались всего лишь утром.

– Я по тебе тоже, – прошептала Чарли, словно заговорщик. – Как они?

– Великолепно. Они замечательно провели время, но, по-

хоже, очень рады возвращению. Я рассказал им про тебя в машине, и пока реакция хорошая.

Это было хуже, чем знакомить невесту с ее будущей свекровью, поскольку Оливер знал, какими несговорчивыми бывают дети, особенно его дети. Шарлотта тоже волновалась, как они ее примут. Оба были смущены, направляясь в кабинет и усаживаясь в кресла по разным углам. Но обмануть этим нельзя было никого – настолько нежные взгляды они бросали друг на друга. За минувшие две недели они сделали знаменательное открытие. Шарлотта знала, что им следует поделиться.

Затем Олли вскочил с кресла и помчался звать детей, а она ходила по комнате, касалась каких-то предметов, смотрела в окно или на картины, не понимая, что на них изображено. Что, если они ее возненавидят? Если его дочь окажется врединей, а любимый сыночек Сэм маленьким чудовищем? Но прежде чем она успела удрать, в комнату внезапно вбежал пес, а за ним Сэм, Мел и последним – Оливер. Атака получилась молниеносная, кабинет сразу наполнился шумом, болтовней, смехом, но, увидев Шарлотту, ребята вмиг онемели.

Оливер поскорее выступил вперед и представил их гостье. Мел пожала ей руку, несомненно оценивая при этом, и, по видимому, осталась довольна. На самом деле Шарлотта ее ошеломила. А Сэм уставился на нее, сощутив глаза, словно пытаясь что-то вспомнить. Чарли, безусловно, не могла им

не понравиться внешне. Ради этого случая она надела простую синюю юбку, темно-голубые узорчатые чулки, очаровательные синие туфельки, белую водолазку и блейзер. Лицо подкрасила чуть-чуть, а волосы собрала на затылке в длинный блестящий хвост. Мел заметила, что волосы у знакомой отца точно такого же цвета, что и у Бенджамина.

– Рада с вами познакомиться, – улыбнулась Шарлотта. – Я много о вас слышала от вашего папы.

– Да? А что, например? – ухмыльнулся Сэм. Гостья показала ему симпатичной. – Он вам рассказал про мой научный эксперимент?

Сэм этим особенно гордился. Мел вздохнула:

– Нет, пожалуйста, не надо...

Она сразу догадалась, что намечается.

– Хотите посмотреть?

Сэм расплылся в улыбке, Шарлотта закивала, но Мел протянула руку, останавливая ее:

– Знаете, я вам не советую. Он разводит червей. Это такая гадость!

Она и Агги заставили Сэма перенести свой «питомник» в гараж, а он ужасно хотел продемонстрировать его знакомой отца не столько чтобы похвалиться, сколько чтобы испытать ее.

– Я тоже когда-то этим занималась, – улыбнулась мальчику Шарлотта, – но моя мама все повыбрасывала. Потом у меня были змеи, белые мыши... и морская свинка. Ты никогда

не держал морскую свинку, Сэм?

Тот покачал головой, оценив гостью по достоинству. С ней явно можно было иметь дело.

– Они просто чудо. Моя была длинношерстная и выглядела как помесь собаки с кроликом.

– Ух ты, какой класс! – воскликнул Сэм и тут же обратился к отцу: – Па, можно и мне такую?

– Спроси сначала у Агги. Боюсь, что ей придется убирать за ней.

Потом Агнес пригласила их ужинать, и все чинно расселись за столом в столовой. Шарлотта первым делом разложила на коленях накрахмаленную салфетку, чувствуя, что Мел обсматривает ее всю, от волос до идеально ухоженных ногтей.

Ели гамбургеры, картофель фри – любимое блюдо Сэма, салат и домашние булочки. Оливер вспомнил простые блюда, которые они с Шарлоттой в последние две недели готовили у нее дома, и подумал, что будет очень тосковать по дням, проведенным наедине с ней. Но он уже пообещал себе, что будет проводить с любимой столько времени, сколько сможет, даже по возвращении детей. Он, в конце концов, имел на это право, а они должны были привыкнуть.

Вдруг, когда ужин был в самом разгаре, Сэм издал вопль и уставился на гостью. Рот у него открылся, а глаза расширились. Он с недоверием покачал головой:

– Вы... вы когда-нибудь...

Он даже не знал, как начать, но Шарлотта угадала и засмеялась. Она ожидала, что первой ее узнает Мел, однако этого не случилось.

– Думаю, да, – скромно ответила она с озорной улыбкой.
– Если ты, Сэм, спрашиваешь, кто я такая.

– Вас показывают по телевизору! Ого!.. Это ведь вы, правда? Я хотел сказать...

– Да, да... все правильно.

Шарлотта несколько смущенно и виновато посмотрела на обоих детей.

– Почему же вы нам не сказали?

Сэм, похоже, находился в состоянии легкого шока, а Мел сконфузилась. Внешность Шарлотты и ей показалась знакомой, но она все еще не могла понять откуда, а спросить стеснялась. Наверное, ей полагалось это знать, однако она не знала и чувствовала себя глупо.

– Мне это не кажется важным, Сэм.

Самое прекрасное, что она действительно так думала.

– Вы сказали, что держали морскую свинку! Почему же не сказали про свой сериал?

Всех рассмешила логика его вопросов, а Шарлотта улыбнулась и покачала головой:

– Знаешь, это ведь не совсем одно и то же. Внезапно Мел тоже узнала ее и, вытаращив глаза, воскликнула:

– О Господи! Вы Шарлотта Сэмпсон!

– Да, – спокойно подтвердила она, а Агги подала еще одну

плетенку, доверху наполненную восхитительными булочками, и с гордостью посмотрела на гостью, словно та была ее старой знакомой.

Шарлотта одарила ее благодарным взглядом и, взяв из плетенки булочку, шепнула:

– Спасибо, Агги.

– Почему вы нам не сказали? – словно эхо повторила Меллисса слова брата.

Шарлотта серьезно посмотрела на нее:

– А разве это повлияло бы как-то на ваше отношение ко мне? Наверняка нет. Все это хорошо, но на самом деле не особенно важно.

– Я знаю, но...

Меллисса уже представляла себе, как она сообщит одноклассникам, что ужинала с самой Шарлоттой Сэмпсон!

Многие дети в этом городе были знакомы или даже в родстве с известными актерами, но она никого не знала. Мел еще раз внимательнее пригляделась к Шарлотте и нашла ее неподражаемой. Ее отец был того же мнения. Ему очень нравилось, как она общается с детьми, что им говорит, как смотрит – она была просто хорошим человеком, а не известной актрисой.

– Понимаете, это так здорово – быть знакомой с вами! – честно призналась Мел.

Шарлотта рассмеялась. Это был комплимент, который много для нее значил, тем более что исходил от дочери Оли-

вера.

– Спасибо, Мел. Я тоже рада познакомиться с тобой. Я так волновалась перед приездом сюда, наряды меняла, наверное, добрый десяток раз.

Олли был тронут, Мел поражена:

– Вы? Волновались из-за нас? Удивительно! А как там, на телевидении?

И они засыпали ее вопросами: кого она знает, кого видела, с кем работала, боялась ли когда-нибудь камеры и любит ли свое дело.

– Эй, ребята, остановитесь, – вмешался наконец Оливер, – дайте Чарли хоть поесть.

Дети не давали ей покоя с того момента, как узнали ее. Тут Мел задала очень простой вопрос:

– А как вы познакомились с нашим папой?

Это было проявлением любопытства, а не вредности. Чарли в ответ ласково улыбнулась:

– Совершенно случайно. Несколько недель назад, на рождественском приеме телекомпании.

Тогда Оливер решил сказать им правду, если не всю, то по крайней мере часть. Он подумал, что дети к ней готовы.

– Чарли была так добра, что пригласила меня к себе на рождественский ужин в сочельник.

Он, правда, не сказал, что ночевал тогда у нее, что на следующий день занимался с ней любовью в бассейне и что по уши влюбился в Шарлотту уже с момента первой встречи,

но Мел и так могла об этом догадаться, и даже Сэм чувствовал, что это серьезно. Они смотрели друг на друга как-то загадочно, так даже мама и Жан-Пьер не смотрели. Но Сэм это воспринимал нормально, Шарлотта Сэмпсон ему нравилась.

Как только они закончили десерт, он опять предложил ей пойти в гараж посмотреть на его «питомник». К ужасу Мелиссы, Шарлотта туда пошла и, вернувшись, сообщила, что у нее в свое время все было не так здорово придумано. А Сэм с гордостью заявил, что получил за это «отлично» по биологии. Однако сестра все равно считала его опыты мерзостью.

В девять Сэм пошел спать, а Мел осталась внизу, чтобы поговорить о сценариях и специфике актерской профессии. Шарлотта призналась, что всегда мечтала получить роль в пьесе на Бродвее, потом она посмотрела на часы и с сожалением констатировала, что в четыре утра должна быть на съемках и еще хочет дома повторить роль.

– Работать приходится тяжело и много, Мел. Учти это, если серьезно думаешь о карьере актрисы. Но, должна сказать, мне мое дело нравится.

– А можно было бы как-нибудь прийти и посмотреть, как вы снимаетесь? – отважилась спросить Мелисса, сама удивляясь своей храбрости, но Чарли их так к себе расположила, что спрашивать ее было все равно что закадычную подругу.

– Конечно, – сразу кивнула она. – Если папа не против. Он видел пару недель назад, как я снималась в рекламном клипе. Ему понравилось.

Она застенчиво взглянула на Оливера, а он незаметно для дочери коснулся руки Шарлотты. Мел, у которой голова шла кругом, не обратила внимания на это.

– Да? Ну и как это было, пап?

– Интересно, но утомительно. – Он с сочувствием посмотрел в глаза Чарли: – Сколько дублей они отсняли в общей сложности?

– Кажется, тридцать два. Может, и больше. Не помню.

– Другой актер постоянно забывал свои слова, и они повторяли без конца, – объяснил Олли дочери. – Но смотреть было все равно интересно. Просто невероятно, сколько в этом занято народу.

– Тебе надо посмотреть, что происходит, когда снимается шоу...

Шарлотта медленно направилась к двери, помахала на прощание Мелиссе, которая тут же побежала наверх, чтобы рассказать подружкам, с кем она познакомилась. Оливер, счастливый и восхищенный, проводил возлюбленную до машины.

– Знаешь, я не перестаю удивляться, глядя на тебя. Питомники червей, терпеливое обращение с девочкой-подростком... Скажи, о чем еще мне следовало бы знать?

– Конечно, скажу.

Чарли посмотрела на него счастливыми глазами. Все было замечательно, от ее опасений не осталось и следа. Она надеялась, что дети ее полюбили.

– Я тебя, Оливер, очень-очень люблю.

– Я тебя тоже, Чарли, – прошептал он и поцеловал ее. Сэм из окна своей спальни с изумлением наблюдал за этой сценой, потом повернулся к Агги, которая стелила ему постель.

– Ого, Агги! Папа только что поцеловал Шарлотту Сэмпсон!

Но Агнес только прикрикнула на него:

– Не лезь не в свои дела, постреленок и пи чистить зубы!

– А как ты думаешь, он правда ей нравится?

– Наверное, да. Кому не понравится такой мужчина, как твой папа!

– Агги, но она же кинозвезда... или телезвезда... или... Ну, в общем, понимаешь?..

– Ну и что, какая разница?

И когда он отправился чистить зубы, с недоумением качая гол вой, Агги подумала, что обоим взрослым очень повезло. А после сегодняшнего вечера ей было ясно, что повезло и детям.

Глава 23

В субботу Шарлотта подъехала к их дому, вышла из машины и чинно позвонила. Когда Сэм открыл, радуясь, что снова ее видит, она вручила ему клетку необычной формы, прикрытую бледно-голубым покрывалом. Из нее доносились странное попискивание и резкий запах, на который мальчик даже не обратил внимания. Когда же он снял покрывало, то сам запищал от восторга. В клетке сидела длинношерстная морская свинка. Она действительно выглядела как помесь собачки с кроликом.

– Ух ты! Ух ты!.. Гляди, папа! – закричал он отцу, который как раз спускался по лестнице, свежевыбритый, только что побывавший под душем. – Можно мне ее держать?

Сэм смотрел то на отца, то на Шарлотту. Она с мольбой взглянула на Ватсона-старшего.

– Думаю, да.

Оливер ответил ей нежной улыбкой. Чарли делала все, чтобы доставить детям радость.

– А в комнате я могу ее держать?

– Если тебе не мешает запах, держи.

Взрослые рассмеялись, а Сэм взял клетку и помчался с ней наверх.

Во второй половине дня все вместе поехали в Малибу отдохнуть на пляже, сходили в кино на какой-то дрянной

фильм ужасов, который непременно хотела посмотреть Меллисса. Чарли сказала, что он напомнил ей ее ранние работы. Потом отправились в «Хард-рок кафе», и Шарлотта вроде бы даже не имела ничего против тамошнего шума.

Неделей позже выбрались в Диснейленд. Жизнь с ней воспринималась как праздник. Она постоянно придумывала какие-то интересные дела, знала, что интересного и где можно посмотреть, и даже пригласила их к себе на ужин. Сэм, правда, отметил, что Агнес готовит лучше, но по другим параметрам Чарли ему нравилась больше. Даже морскую свинку – это был самец – он в честь дарительницы назвал Чарлз, уменьшительно Чарли. А Мел раззвонила всем знакомым, что ее папа дружит с Шарлоттой Сэмпсон.

Дети не были к ней в претензии и не сердились, когда Оливер вечером объявлял им, что уходит, что, впрочем, случалось редко, поскольку в будни Шарлотта напряженно работала и должна была рано уезжать на съемки. Два раза она оставалась у них на весь уик-энд и ночевала в гостевой комнате. Чарли умела вести себя так, чтобы не смущать детей. Никто из них не знал, что папа ночью спускался на цыпочках вниз и забирался с выражением блаженства на лице к Шарлотте в постель, а она при этом говорила «тс-с» и хихикала.

Для всех это был самый приемлемый вариант. Когда через месяц после возвращения детей прилетели Джордж и Маргарет, они тоже полюбили Шарлотту. Сначала они были поражены знакомству с ней, но потом быстро забыли, что име-

ют дело со знаменитостью. Шарлотта настолько не придавала этому значения, была так скромна, так душевна и добра со всеми, что, казалось, семья Оливера полюбила ее просто как женщину, а не как телезвезду. Как она и сказала Мелиссе при первой встрече, успех ее радовал, но не был самым главным в ее жизни. Для нее были важнее любимые люди.

Но все они тем не менее не забывали о ее славе, потому что, куда бы они ни пошли, люди просили у нее автограф или подходили в самых неожиданных ситуациях, спрашивали, та ли она... говорили, как им нравится сериал... интересовались, кем ей придется Мел и Сэм... Иногда это их раздражало, но Оливер старался по возможности не обращать внимания. Чарли же всегда была благодарна своим поклонникам, терпелива, снисходительна к ним и вела себя так, словно только и ждала встречи с ними. Порой Мел спрашивала, как ей удастся терпеть и не выходить из себя.

– Это элемент профессии, дорогая. Либо смиришься с этим, когда решаешься на такую работу, либо на многое не рассчитывай. Ведь работаешь в такой же степени для них, как для себя. И как только прекращаешь о них думать, перестаешь хорошо играть.

Особенно она нравилась отцу Оливера. Джордж находил Шарлотту очаровательной, прелестнейшей из виденных им когда-либо молодых женщин и только молился, чтобы она вышла замуж за его сына. Перед отлетом он спросил Оливера, собирается ли тот жениться.

– Да о чем ты, папа! Еще и двух месяцев не прошло, как мы познакомились, не надо меня торопить. К тому же она в начале блистательной карьеры. Не уверен, что ей за хочется связывать себя с простым смертным, да еще с кучей детей.

Она говорила о таком намерении, но вообще-то Оливер боялся задавать ей этот вопрос напрямую.

– А я думаю, что захочет. Она очень добрая и порядочная особа.

– Я знаю, но она могла бы выбрать любого в Голливуде. Дай нам срок.

Он все еще не мог поверить в свою счастливую звезду. И Чарли тоже.

Как-то вечером, уже после отъезда Джорджа с Маргарет, они сидели и спокойно беседовали. Зазвонил телефон – это был Бенджамин, он так рыдал, что Оливер едва мог разобрать слова.

– Успокойся, сынок, успокойся... отдышись...

Он обеспокоено взглянул на Шарлотту, готовясь в душе к самому худшему. Бен давно не звонил, в Перчесе телефон тоже не отвечал, и Олли просил отца заглянуть и проверить, как там дела.

– Ну, Бенджамин, говори же, в чем дело? Слышались только всхлипывания.

– Папа, я больше не могу это выносить... Не могу, и все... Я ее ненавижу...

– А что случилось?

– Ничего. Я просто так устал... Я только работаю и плачу за все, что нужно ребенку и ей... Она бросила работу, думала, что снова забеременела, но ошиблась.

На этот раз ребенок не мог быть его, Бен не касался Сандры в течение последних двух месяцев.

– Она встречается с Билли Веббом и Джонни Пирсоном... Я не знаю, папа... ее никогда нет дома. Иногда мне приходится брать ребенка с собой на работу. Я люблю Алекса, я не хочу его бросать... но я не могу...

Он снова расплакался.

– ...Я больше так не могу... Просто не могу. На прошлой неделе я подумывал о самоубийстве. Целый час сидел в гараже, собирался с духом, чтобы завести мотор, но так и не сделал этого. Я подумал про Алекса – что с ним будет, если останется один с матерью. Он ее совершенно не волнует. Иногда она за весь день даже не вспомнит, что его надо покормить, и, когда я приезжаю домой, он заходится от крика. На прошлой неделе он чуть не упал в бассейн, когда я оставил его с ней на десять минут. Папа... помоги, пожалуйста... помоги мне из этого выбраться...

Рыдания не прекращались, но, когда Оливер предложил, чтобы Бен как можно скорее прибыл в Калифорнию, тот, сказал, что слишком любит ребенка и не может оставить его с Сандрой, которая не будет о нем заботиться.

– Тогда заведи его с собой.

– Она говорит, что не разрешит мне. На той неделе я ска-

зал ей, что заберу малыша, а она пригрозила, что вызовет полицию, если я попытаюсь это сделать. Она говорит, что я не имею права забирать его, потому что она мать, и еще, что, если я заберу Алекса, все подружки будут смотреть на нее косо, а этого ей не хочется. Но ей не хочется и заботиться о нем.

– А мать Сандры? Как думаешь, она могла бы помочь?

– Не знаю. Друг ее бросил, и она переехала из Лос-Анджелеса в Бейкерсфилд.

– У тебя есть ее телефон?

– Ага. Сандра его записала на стене в кухне.

Его рыдания наконец утихли. Бену было восемнадцать, его придавила непосильная ноша.

– Знаешь, она ведь со вчерашнего утра не была дома. Она стала мне изменять почти сразу после того, как родился Алекс. Я пытался наладить нашу жизнь, я правда пытался, но это просто невозможно, – сказал Бенджамин и добавил: – Бывает, что я ее ненавижу.

Оливер несколько его не осуждал, он полагал, что на месте сына, может, убил бы ее или, во всяком случае, давно бросил. Но Бенджамин твердо решил поступать так, как лучше для нее и для сына. Олли только еще раз благодарил судьбу за то, что Бен не женился. Это многое упрощало.

– Попробуй немного расслабиться. Почему бы тебе не съездить на выходные к бабушке?

– А куда мне деть Алекса?

Голос у Бенджамина вдруг стал совершенно беспомощным, как у ребенка. После года непосильной работы ради содержания девицы, которая не была ему женой, после почти шести месяцев ухода за ребенком парень настолько измотался, что едва соображал.

– Возьми его с собой. Маргарет тебе поможет, она была медсестрой. Упакуй вещи и давай Бог ноги. Я дедушке позвоню и предупрежу, что ты приедешь. А теперь дай мне телефон матери Сандры.

Бенджамин продиктовал и попрощался, пообещав, что в тот же вечер соберется и поедет с малышом к деду.

Оливер позвонил отцу и объяснил ему ситуацию, а тот повторил все Маргарет и заверил сына, что сделает все возможное, чтобы помочь внуку.

– Тебе надо его спасать, Оливер.

– Я, папа, сделаю все, что в моих силах.

Он не сказал деду, что его старший внук недавно подумывал о самоубийстве, Олли был сам слишком этим потрясен. Но Шарлотте, когда положил трубку, он рассказал все. Та пришла в ужас.

– Господи, Олли, помоги ему выбраться. Почему бы тебе не слетать за ним?

– Я сначала хочу позвонить матери этой девушки и узнать, не согласится ли она забрать Сандру и ребенка.

Олли набрал номер в Бейкерсфилде, женщина сразу сняла трубку. Похоже, она была пьяна и плохо соображала, но

поняла, кто такой Оливер, знала про Сандру, Бенджамина и ребенка. Олли терпеливо объяснил ей, что они с Бенджамином хотят произвести некоторые перестановки, и спросил, не захотела бы она забрать к себе дочь с ребенком. Немного повилыв, она наконец задала единственный вопрос, который ее беспокоил:

– А деньги на мальчишку давать будете? И на нее тоже?

– Могу давать.

Оливер ничего бы не пожалел, чтобы избавить Бенджамина от Сандры, но не сказал этого ее матери, чтобы не возбуждать в ней еще большей жадности.

– Все зависит от того, о какой сумме идет речь. И я, конечно, хотел бы, чтобы Сандра работала, если она не продолжит учебу в школе.

Но мать Сандры, казалось, меньше всего озабочена образованием дочери.

– Так сколько вы даете?

– Скажем, пятьсот долларов в месяц на нее и на ребенка.

Это было не бог весть что, но достаточно, тем более что хозяйство вела бы мать.

– Ладно, сойдет, – поспешила согласиться она, пока Олли не передумал. Ребенку много не надо – детское питание, и все, а на остальные денежки можно с Сандрой неплохо развлечься.

– Вы сообразовали подписать договор на эту сумму?

– Ага, конечно.

– А когда вы смогли бы забрать ее?

– Черт, я и не знаю. Я сейчас без работы. Наверное, могла бы ей помочь с ребятенком...

Мать Сандры умолкла. Она отнюдь не была в восторге от идеи жить с орущим малышом да еще и с дочерью, но, с другой стороны, деньги показались ей совсем неплохими, к тому же реально было выторговать побольше.

– Так как насчет семисот?

– Шестьсот, – брезгливо поморщился Оливер. Ему было просто противно говорить с ней, и он с ужасом подумал, что Бенджамину пришлось жить с ее дочерью.

– О'кей. Согласна.

– Завтра я их самолетом отправлю к вам.

После этого он позвонил Маргарет и попросил ее поехать в Перчес, помочь Сандре погрузиться с ребенком на самолет до Лос-Анджелеса, а потом приютить у себя на выходные Бенджамина. Он хотел, чтобы парень немного пришел в себя. Ему не хотелось, чтобы он летел в Лос-Анджелес вместе с Сандрой и маленьким Алексом.

Маргарет оказалась добрым ангелом, она тут же согласилась помочь, не была ни взволнована, ни смущена, напротив – совершенно спокойна и готова сделать все, что в ее силах, чтобы помочь и не беспокоить при этом Джорджа. Оливер от всего сердца поблагодарил ее и еще попросил после отъезда Бенджамина закрыть дом, включить сигнализацию и приглядывать за домом в его отсутствие. Олли не хотел продавать

его, пока не решится вопрос окончательного переселения в Калифорнию, где он дом пока только снимал.

Затем он позвонил Бенджамину. Тот, казалось, специально ждал у телефона.

– Все улажено, сынок. Я говорил с ее матерью. Она будет рада забрать их к себе.

Оливер представил это в более радужном свете, чем было на самом деле, и объяснил, что деньги на ребенка будут давать поровну он и мать Сандры, то есть беспокоиться не надо.

– Я закажу билет. Она будет завтра ждать их в аэропорту. Приедет Маргарет, поможет ей собраться и отвезет тебя к дедушке. Ты, я думаю, мог бы провести день или два у них, а потом прилететь сюда.

И тогда он будет дома. После всех мытарств снова вернется к своим, чтобы начать новую жизнь, а может, продолжить прежнюю. Оливер знал, что для Бена все уже будет не так, как прежде, невозможно забыть о случившемся, как и о ребенке, но он сможет идти вперед, не должен будет хоронить себя заживо с девчонкой, которую не любил, и с ребенком, которого по-настоящему никогда не желал. Он достаточно долго поступал благородно, но теперь дверь была открыта, и Оливер намеревался вытащить сына из этого болота, пока тот снова не передумал.

Бенджамин сначала не хотел соглашаться отдать малыша Сандре. Но он был слишком утомлен и подавлен, чтобы про-

должать сопротивление, кроме того, отец заверял его, что мать Сандры намерена позаботиться о ребенке. Бен словно в оцепенении согласился на все, потом долго молчал и наконец грустным голосом стал благодарить отца:

– Я только буду очень скучать по Алексу. Он теперь такой занятный. Знаешь, пап, он ползает. Не знаю...

Похоже, он снова стал колебаться.

– ...Может, и не следует этого делать.

Но его организм требовал отдыха от груза ответственности. Последние месяцы были сплошным кошмаром.

– Следует, следует, – успокаивал Оливер. – Ты можешь навещать его в Бейкерсфилде. Это всего лишь в двух часах езды отсюда. Лучшего варианта для вас просто не могло быть. Для тебя, Сандры и ребенка. Ты не можешь продолжать там сражаться в одиночку. Ты сделал доброе дело, и я тобой горжусь. Но надо же и о себе подумать. В твоем возрасте, не имея даже аттестата в кармане, ты ничего не можешь предложить своему малышу.

– Я знаю, – признал Бен и спросил озабоченным тоном: – Мама Сандры в самом деле обещала помочь с Алексом? А то я ей одной не доверяю.

– Она так сказала, к тому же она сейчас не работает. Пойди теперь поспи.

Сказав это, он услышал в отдалении плач малыша. Бенджамин решил дождаться возвращения домой Сандры и только потом лечь.

– Поговорим завтра вечером, я позвоню дедушке.

Но когда на следующий день Олли позвонил, Маргарет сказала, что Бен спит. Он тяжело пережил отъезд Сандры и малыша, настоял на том, что, проводив их, сам уберется в перчесском доме, и когда приехал к деду, то буквально валится с ног от всех треволнений. Маргарет уложила его, как ребенка, в постель, он даже не захотел ужинать. Она предложила Оливеру оставить Бена у них еще на пару дней, но тот хотел, чтобы сын прибыл в Калифорнию, как только будет в силах совершить перелет. Его необходимо было поскорее вырвать из прежней обстановки и отделить максимальным количеством миль от кошмара минувшего года.

– Он замечательный парень, Оливер. Ты должен им гордиться. Он до конца вел себя по-мужски. Прощание с ребенком стало для него трагедией.

– Я знаю.

Олли никогда не предполагал, что Бенджамин будет так любить своего малыша. Это, конечно, создавало определенные сложности, но Оливер надеялся, что со временем произойдут перемены, привязанность не будет такой сильной или Сандра согласится отказаться от своих прав в пользу Бена. Оливер советовался насчет этого с адвокатом, и тот сказал, что пока мать сама не откажется от ребенка, невозможно его у нее отобрать, он тоже считал вариант, выбранный Оливером, самым приемлемым.

– Маргарет, спасибо тебе еще раз за помощь. Извини, что

пришлось тебя побеспокоить. Я просто не знал, к кому еще обратиться.

Олли сначала думал позвонить Дафне, в Нью-Йорк. Но она была далековато, да и занята на работе. Маргарет оказала неоценимую помощь в решении проблемы. Его отец был прав. Это была замечательная женщина.

– Твой отец говорит, что Бен во многом похож на тебя. Такой же добрый и непреклонный.

Оливеру странно было это слышать, он всегда считал, что сын больше похож на Сару.

– Не беспокойся за него, он теперь на правильном пути. Завтра или послезавтра я отправлю его самолетом к тебе.

Олли снова ее поблагодарил, а затем позвонил в Бейкерсфилд, чтобы убедиться, что Сандра с ребенком благополучно добрались. Мать Сандры подтвердила их прибытие и поинтересовалась, когда поступит первый чек.

– Я вам его вчера отправил по почте, миссис Картер, – презрительным тоном сказал Оливер. – Ребенок здоров?

– Очень милое дитя, – ответила она больше из желания угодить ему, чем из любви к внуку.

Тогда Оливер наконец расслабился, вытянувшись рядом с Шарлоттой на диване. Она почти все время была с ним. Испытание можно было считать законченным. Олли посмотрел на нее с усталой улыбкой:

– Знаешь, Чарли, для парнишки это был адский год. Слава Богу, он теперь свободен.

Однако даже Оливеру было жаль маленького Алекса, который теперь почти полностью вычеркивался из их жизни.

– Ему, видно, стало действительно невмоготу, – сказала Шарлотта, поглаживая Оливера по голове. – Ты должен ценить то, что он отвергал помощь, пока у него самого хватало сил.

– Я ценю. Я его очень уважаю. Мне просто обидно, что ему пришлось через это пройти.

В тот вечер они ужинали наедине, после того как Мел и Сэм ушли наверх. Перед этим звонил Бенджамин, и ребята знали, что брат прилетает на следующий день. Оливер предупредил их, что тот переживает сложный период, и Мел пообещала сделать все возможное, чтобы облегчить Бену адаптацию. Всех интересовало, что он думает по поводу школы, но ответа на этот вопрос пока никто не знал.

Было уже поздно, когда Олли отвез Шарлотту домой, поэтому он задержался у нее только на чашку кофе. Они поговорили о Бенджамине и пару минут целовались на кухне. Конечно, это и отдаленно не поминало дикий, разнузданный роман с Меган. Перед отъездом Оливер грустно улыбнулся и извинился за всю суматоху.

– Боюсь, любимая, что из-за моих детей все складывается не совсем так, как тебе бы хотелось. Я за много лет привык к этому, но ты наверняка от этого не в восторге. В последние дни от моего общества было мало приятного.

– Все было прекрасно. Я и не хотела бы, чтобы ты был

другим.

И она подумала, раз ей так хорошо с ним и с его детьми, надо как можно скорее познакомиться со старшим. Этого хотело ее сердце.

– Хочешь, я поеду завтра с тобой в аэропорт? Или ты предпочитаешь встретить его один?

Она всегда помнила, что ему необходимо уделять время детям, Олли не мог жить без этого. Казалось, не было ничего такого, чего бы она не понимала или в чем не хотела бы помочь.

– Мы с ним успеем наговориться дома. Мне бы хотелось, чтобы ты поехала, Чарли.

Он улыбнулся и снова поцеловал ее, а несколькими минутами позже уехал, чувствуя ужасную усталость.

Олли с трудом представлял себе, каково Бенджамину после всего, что тот испытал, и уж никак не ожидал увидеть сына таким, каким увидел его на следующий день в аэропорту: изможденным, бледным, с болью во взгляде. Он ничего не сказал, только обнял плачущего парнишку. Шарлотта тактично стояла в стороне. Наконец Бен вытер глаза и посмотрел на отца как на давнего, забытого друга. Шарлотта отвернулась, чтобы не показывать собственных слез. Оливер подвел к ней сына.

– Шарлотта, познакомься с моим старшим сыном, Бенджином, – тихо сказал он.

Чарли понимала, почему обоим было грустно. Бен все же

сделал усилие над собой и с улыбкой пожал ей руку.

– Сестра мне много говорила о вас, я часто смотрю ваш сериал. И Сэм рассказывал про морскую свинку. Вы имеете большой успех в нашей семье, мисс Сэмпсон.

Шарлотту тронули его добрые слова, она ласково поцеловала Бена в щеку. Оливер обратил внимание, как эти двое похожи. Любой бы принял их за родственников, взглянув на ярко-рыжие волосы и молочно-белую кожу, слегка припудренную веснушками.

– Я польщена, Бенджамин, но мне будет еще приятнее, если ты будешь звать меня Чарли. Как прошел полет?

– Наверное, нормально. Я почти все время спал. Сказывалось нервное и физическое истощение. В этот день он спал до полудня, а потом Маргарет, как и обещала, отвезла его в аэропорт.

Понизив голос, Бен спросил у отца:

– Ты вчера звонил Сандре? Малыш о'кей?

– Все в порядке, – ответил Оливер, огорчившись, что Бенджамин так о них беспокоится. Алекс по-прежнему был его главной заботой, больно было смотреть, как Бен по нему скучает. Именно это Олли и сказал Шарлотте, когда они на минутку остались наедине, пока вносили вещи Бенджамина к нему в комнату.

– Он его ни за что не забудет, Олли.

– Да, я уже понял. Но пора ему подумать и о себе.

– Подумает, не торопи его. Он все еще в шоке. Не забывай,

что ему пришлось испытать.

Потом они спустились вниз. Все дети, включая Бенджамин, бросились на кухню. Когда Оливер с Шарлоттой туда зашли, Бенджамин уплетал огромный сэндвич и гору печенья, которое Агги ему напекла. Мел ему что-то возбужденно рассказывала, а Сэм совал в лицо морскую свинку, демонстрируя, какая она красивая. Бен слушал их и улыбался. Теперь-то он лучше других знал, как хорошо дома. Ему казалось, что он провел год на другой планете.

– Ну и как школа? – спросил он у Мел.

– Классная. Тебе понравится, – ответила та и прикусила язык. Отец предупреждал ее не приставать к брату по поводу школы, но Бен заметил выражение ее глаз и улыбнулся:

– Не беспокойся, малышка. Я не обидчивый. Но я еще не решил, что буду делать. Сначала хочу съездить в Бейкерсфилд, посмотреть, как там Алекс, а потом постараюсь сдать экстерном на аттестат. Думаю, можно попробовать поступить в ЛАКУ⁷.

С мечтами о Принстоне, Йеле и Гарварде пришлось распрощаться, но ЛАКУ не хуже, к тому же Бену хотелось пока быть поближе к дому. Других планов у него не было.

То же самое он повторил отцу, когда младшие улеглись. Чарли сказала, что сама училась в ЛАКУ, и предложила написать рекомендательное письмо, если надо.

– Это было бы великолепно.

⁷ ЛАКУ – Лос-Анджелесский калифорнийский университет.

Бен поблагодарил и потом старался не пялить на нее глаза, но и так весь вечер был под большим впечатлением от нее, ее обаяния, от того, как сильно она увлечена отцом. Шарлотта настояла, что сама поедет домой, она хотела оставить мужчин наедине. Бенджамин был о ней самого хорошего мнения, чем после ее отъезда обрадовал отца.

– Похоже, папа, тебе повезло. Она – класс.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся Олли, а потом с озабоченным видом оглядел сына, словно искал на нем шрамы. Но шрамов не было, лишь глаза как будто постарели на десяток лет.

– Ты пришел в себя? Скажи честно?

– Прихожу. Пап, ты можешь одолжить мне какую-нибудь машину? Я хочу завтра съездить в Бейкерсфилд проведать Алекса.

– Ты считаешь, это так необходимо? Я хотел сказать, так сразу? Сандре это может не понравиться. Может, вам стоит дать друг другу передышку?

Бенджамин вздохнул и, вытянув ноги, откинулся на спинку мягкого дивана:

– Я был бы рад вообще никогда ее больше не видеть, но я хочу проведать малыша.

– Ты от него без ума, так ведь?

Именно таким было и его отношение к собственным детям, но Олли ожидал, что в данном случае будет иначе. Как ни странно, иначе не было.

– Пап, он же мой сын. Неужели ты думал, что я могу к нему относиться по-другому?

Бен, казалось, был удивлен. Для него не имело значения, какой ребенок: законно – или незаконнорожденный. Он просто любил своего малютку.

– Да нет. Я так же относился к тебе, когда ты появился на свет.

Он тогда бы ни за что его не бросил и не доверил ненадежной особе. Оливеру вдруг стали понятны чувства сына.

– Можешь взять «универсал», если хочешь. Только скажи Агги, а то она ездит на нем за покупками и забирает Сэма из школы.

– Спасибо. И обещаю, как только вернусь, определюсь с учебой. А если до поступления в ЛАКУ останется время, то устроюсь на работу. Я не собираюсь сидеть сложа руки. Я хочу отблагодарить тебя за все.

От этих слов у Оливера на глазах выступили слезы, он ласково похлопал сына по коленке и поднялся, ощущая усталость и вместе с тем облегчение, что сын наконец вернулся в лоно семьи.

– Главное, чтобы у тебя все хорошо сложилось, Бенджамин. Когда-нибудь, если повезет, у тебя будут и хорошая жена, и желанные дети.

Бенджамин улыбнулся отцовскому пророчеству и с любопытством посмотрел на него:

– Пап, ты на ней думаешь жениться? Я имею в виду Чарли.

– Возможно, – в свою очередь, улыбнулся Олли и честно, как мужчина мужчине, признался сыну: – Я бы хотел, но нам пока некогда было обсудить это.

На протяжении последнего месяца он ходил вокруг да около данной темы. Олли знал, как важна для Чарли ее карьера, и панически боялся отказа. Он не хотел все испортить чрезмерной поспешностью, но в то же время понимал с самого начала, что встретил свою судьбу и что предложение ей рано или поздно все равно сделает. Отношения с Шарлоттой не были похожи ни на что испытанное им раньше, и даже чувства к Саре были совсем другие. Теперь Оливер осознал, что с Сарой всегда было сложно – они не подходили друг другу. Теперь же взаимопонимание было идеальным. Чарли была воплощением его мечты.

– Классная девчонка. Она мне в самом деле нравится.

– Мне тоже, – улыбнулся Олли, после чего проводил сына наверх, в его спальню. Потом он медленно пошел к себе, довольный, что снова собрал их всех под одной крышей. Три его цыпленка так стремительно выросли, даже Сэм, который уже никогда не спал с папой, А только в своей комнате с морской свинкой Чарли.

Глава 24

На следующий день Бенджамин поехал в Бейкерсфилд и не пришел в восторг от увиденного, но малыш был здоров, Сандра дома, а ее мать вроде бы держала все под контролем. На большее рассчитывать не приходилось. Дом был старый, запущенный, кондиционер не работал, и Алекс спал в кровати в гостиной, рядом с орущим телевизором. Малыш радостно запищал, когда, проснувшись, увидел в комнате Бенджамина. Покидать его было нестерпимо больно, но Бен радовался возможности уехать от Сандры.

В Бел-Эйр он вернулся несколько успокоенным, в течение последующих недель сдал экстерном экзамены на аттестат, подал документы в ЛАКУ и через месяц был принят. К тому времени он нашел работу в книжном магазине студенческого городка и намеревался не бросать ее, чтобы вносить свою лепту в ежемесячные платежи на Алекса.

Он опять съездил в Бейкерсфилд, там все было по-прежнему. Правда, в этот раз Сандры не было дома, но ее мать оказалась на месте. Она потягивала пиво, а ребенок имел довольный вид. Бенджамин поиграл с ним около часа и вернулся назад. Про эту поездку он отцу не сказал. У него было ощущение, что тот считает чрезмерным его внимание к ребенку, но сам Бен несколько не сомневался, что обязан так поступать, что, сколько бы у него ни было детей в будущем,

Алекс всегда останется первенцем и будет занимать важное место в его жизни.

Казалось, мать Сандры не имела ничего против его визитов, она была очень рада регулярно, ежемесячно поступающим деньгам. Алекс был для нее просто подарком судьбы. Сандра, безусловно, знала, что делает, когда забеременела от Бенджамина Ватсона. Ватсоны, может, и не богаты, но достаточно состоятельны. Миссис Картер провела небольшое расследование среди знакомых на востоке и выяснила, что отец паренька очень неплохо зарабатывает. А потом, пару недель спустя, прочла в колонке светских сплетен небольшую заметку о том, что Ватсон-старший встречается с Шарлоттой Сэмпсон. Пока это не имело значения, но в будущем, думала она, если ей перестанут платить, можно прибегнуть и к шантажу.

Но Оливеру было не до того. Его роман с Шарлоттой развивался, они проводили друг с другом все больше времени, к большой радости детей. Наконец, когда апрель был на исходе, он набрался смелости сделать ей предложение.

Они в очередной раз в спокойной, интимной обстановке ужинали в «Кьянти». Олли не преподнес ей перстенька и не умолял, преклонив колено. Он подождал, пока они поели, и тогда в волнении посмотрел на нее. Шарлотта усмехнулась, она не была до конца уверена, но догадывалась, что ее ждет.

– Как работалось сегодня? – нарочно задала она вопрос, чтобы подшутить над Оливером.

Тот буквально застонал:

– Слушай, не надо... Я хотел серьезно поговорить с тобой. Я вообще-то давно собирался, но не знал, как ты на это помотришь... учитывая твою карьеру и все прочее...

– Ты хочешь предложить мне работу? – невинно улыбнулась она.

– Ну что ты! Впрочем, пожалуй, да. Можно это так назвать. Постоянная работа за паршивое жалованье по сравнению с твоим теперешним, пожизненные обязательства, проживание с тремя психами, мало возможностей для приработка, пенсия на общих основаниях.

– Не смейте называть ваших детей психами, Оливер Ватсон! К вашему сведению, я их люблю, – произнесла она обиженным тоном.

Оливер взял ее руку и поднес к губам, чтобы поцеловать пальцы.

– Я тоже. Но я, к твоему сведению, люблю и тебя. Как ты смотришь на то, чтобы мы на днях поженились?

Когда Оливер произносил эти слова, сердце у него колотилось, как овечий хвост. Он был готов услышать отказ, но Чарли ничего не сказала, она просто поцеловала его.

– Приятнее слов я никогда не слышала, – сказала она наконец, но все еще не дала ответа. Ожидание было для Олли пыткой.

– И что?

– Я думаю, нам обоим следует об этом серьезно подумать.

Даже больше тебе, чем мне. Я-то знаю, что беру, и всех вас четверых люблю, но ты не знаешь, что такое жена, делающая карьеру, это может быть достаточно тяжело, особенно с такой работой, как моя. Наша личная жизнь, как бы мы ни старались ее скрыть, все равно будет достоянием гласности, пока я популярна, вокруг меня постоянно будут поднимать много шума. Иногда это очень досажает.

Олли уже испытал это. Везде, куда бы они ни выбрались, не было отбоя от любителей автографов, журналистов, зевак. Но ему это не надоедало, он гордился Шарлоттой и был согласен оставаться в тени звезды.

– Я не имею ничего против.

– Ты уверен? Когда-нибудь я хотела бы все это бросить, но, честно говоря, Олли, не сейчас. Пока я просто не готова. Я слишком долго и тяжело трудилась, чтобы бросить все, не получив максимум отдачи.

– Я тебя понимаю. Я и не требую, чтобы ты расставалась с профессией. По-моему, это была бы ужасная ошибка.

– По-моему, тоже. Независимо от того, что я тебя люблю, мне было бы обидно. А как, ты думаешь, отреагируют дети?

Об этом Чарли тоже беспокоилась. Они много для нее значили, и она хотела бы оправдать и их ожидания. Олли только улыбнулся в ответ:

– Они сказали, что разведутся со мной, если я не сделаю тебе предложение. Так что они могут меня бросить и найти себе другого папу, если ты меня отвергнешь.

– Ну и дураки будут. При всем желании лучше тебя они не найдут.

– Это неправда. Я слишком сумасбродный отец.

– А вот и правда. И я не заметила, чтобы ты сумасбродствовал. Ты их прекрасно воспитываешь.

Бенджамин вернулся на путь истинный, Мел великолепно училась, а Сэм был довольным и счастливым. У ребят все складывалось хорошо. Шарлотта с застенчивой улыбкой посмотрела на Оливера:

– Когда-нибудь я хотела бы иметь и своих детей. Одно-го или двух, во всяком случае, а может, и трех, если возраст позволит. Что ты думаешь на этот счет? В доме получится настоящее столпотворение, да прибавь еще сюда морских свинок, белых мышей, «питомники» червей и все прочее.

Оба рассмеялись, но вопрос был серьезный, и Чарли была права, что затронула его. Оливер, задумавшись, нахмурил брови. Раньше у него уже мелькала такая мысль, но он никогда всерьез не намеревался заводить новых малышек. Для сорокапятилетнего мужчины идея была интересной.

«По крайней мере, – подумала Шарлотта, – за дверь с воплями не убежал. Это уже хорошо».

– Не знаю. Я думаю, что слишком стар и утомлен, чтобы начинать все сначала. Дети не такая простая штука, как тебе кажется.

Олли это испытал в минувшем году, но он также знал, ка-

кую радость приносят дети, и поэтому не хотел ее отговаривать. Он ее слишком любил. Шарлотте было что предложить ее собственным детям, а не только его. Стоило над этим поразмыслить, если для Чарли это был важный аргумент в пользу их совместного будущего.

– Впрочем, может, я бы и подвигнулся на одного... Оливер заметил выражение ее глаз, его сердце смягчилось:

– ...ну, может, на двух. Но не требуй от меня слишком многого. Я же дедушка, ты знаешь.

– Это не в счет, – серьезно заметила Шарлотта, поскольку Оливер в самом деле был очень моложавым.

– Для тебя, но не для Бенджамина, – грустно констатировал Олли.

– Я имела в виду, что ты еще достаточно молод, чтобы не называть себя так.

– Да, иногда я себя чувствую молодым. Особенно с тобой. Мне кажется, нас ждет много замечательных дел, Чарли. Я хотел бы с тобой и путешествовать, и развлекаться, и помогать тебе в карьере. Впервые в жизни я по-настоящему чувствую, что сделал правильный выбор, чувствую всеми фибрами души. У меня нет и малейшего сомнения насчет нас.

– Знаешь, у меня тоже. Я знаю, Олли, как сильно люблю тебя. И хочу, чтобы ты в этом не сомневался.

Шарлотта еще раз поцеловала Оливера, на этом завершились ее сомнения. Она тихо шепнула ему на ухо:

– Твоя взяла. Но я хочу, чтобы с момента нашей встречи

прошел год и все было как положено. Может, на Рождество?

– Ты серьезно?

Олли был ошеломлен. Его развод вступил в силу месяц назад, с ухода Сары прошло больше года, он любит эту женщину всем сердцем, и вот она согласна выйти за него замуж. Шарлотта кивала, улыбалась, смеялась и казалась такой же счастливой, как он.

– Конечно. Тебе не нравится, что придется ждать аж до Рождества?

– Слегка. Но я не против идеи старомодной помолвки.

– С июня у нас в работе будет перерыв. Мы могли бы куда-нибудь поехать на месяц или два. Мне предлагают роль в кино, но фильм второразрядный. Я гораздо охотнее отправилась бы куда-нибудь с тобой и детьми, если Сара их не заберет.

– Заберет, но только в августе.

Остаток вечера они строили планы на будущее, потом Оливер отвез Чарли домой, остался у нее ночевать, и они в постели отметили помолвку.

Глава 25

На следующий день новость была объявлена детям, которые пришли от нее в экстаз. Сэм интересовался, можно ли будет провести с ними медовый месяц, на что Оливер только застонал, Шарлотта же попросила Мел быть на свадьбе ее подружкой. Впереди было еще восемь месяцев, но все всё очень живо обсуждали.

Днем позже Оливер заехал за Шарлоттой на студию, и, когда она забралась в машину, на сиденье ее поджидала маленькая квадратная коробочка, завернутая в бирюзовую бумагу и перевязанная белой атласной лентой-. Чарли дрожащими руками развернула подарок и обмерла, когда увидела внутри черной замшевой коробочки сверкающее кольцо с изысканным бриллиантом изумрудной огранки. Она со слезами на глазах позволила Оливеру надеть его себе на палец.

– Ах, Олли... Какая прелесть!

– Ты тоже.

Он поцеловал, крепко обнял Шарлотту, а она прильнула к нему, и так они ехали всю дорогу до дома.

Прессе стало известно о помолвке в течение нескольких дней, и продюсеры максимально использовали сенсацию. Все издания требовали фотографий Шарлотты с Оливером и детьми, телефон обрывали редакции самых престижных журналов. Сообщения о помолвке появились и в «Нью-су-

ик», и в «Тайм», даже дети вдруг стали желанной добычей для журналистов. Шарлотту это привело в ярость, да и Оливер не был в восторге, когда несколько раз обнаруживал у своего дома репортеров.

– Как ты это выносишь? – неоднократно задавал он вопрос Шарлотте, и в результате они решили провести отпуск с детьми на уединенной вилле в Транкасе.

Шумиха продолжалась еще пару недель, но в конце концов все понемногу стало успокаиваться. Звонила Сара, поздравляла Оливера. Она узнала новость от Сэма и из газет.

– Знаешь, Олли, дети, похоже, походили с ума от нее. Я за тебя рада.

– Я тоже рад. Только вот газетчики надоедают.

– Привыкнешь. Это же Голливуд! – пошутила она, но, судя по голосу, искренне радовалась.

Отец Оливера и Маргарет тоже не находили слов от восторга. Помолвленные были счастливы и улаживали последние дела перед отъездом.

Наконец Шарлотта провела последние съемки, дети закончили учебу, Оливер взял четырехнедельный отпуск, и все пятеро отбыли в Транкас. Там они месяц жили изумительной пляжной жизнью, после чего Мел и Сэм улетели к матери, на восток.

Чарли планировала сняться в нескольких рекламных роликах, Оливеру надо было возвращаться на работу, а Бену готовиться к началу занятий в ЛАКУ.

В один из дней в конце августа, когда он зашел домой, чтобы переодеться и ехать с отцом и Чарли ужинать в ресторан, раздался телефонный звонок. Бенджамин подумал, что звонит с работы отец, но, к своему удивлению, услышал голос матери Сандры. У него замерло сердце.

– Что-нибудь случилось, миссис Картер?.. Как Алекс?

– По-моему, в порядке.

Она говорила как-то странно. Перед тем как позвонить, она долго придумывала, как бы извлечь для себя выгоду, но в конце концов решила просто ему сообщить. Он имел право знать, парень-то был неплохой и от ребенка, похоже, был без ума. Может, лучше просто сделать им любезность... Решив так, она и набрала номер Бена.

– Sandra вчера утром отдала малыша в приют. Она согласилась, чтобы он был усыновлен. Я подумала, что, может быть, ты захочешь об этом знать.

– Что вы сказали? – Сердце у Бена бешено заколотилось. – Она не может так поступить. Он и мой ребенок. Где он? Я не разрешу ей это делать, миссис Картер. Я сам о нем позабочусь. Так я ей и говорил еще в Перчесе.

– Я предвидела, что ты так отреагируешь, потому и позвонила. Я говорила ей, чтобы она тебе сообщила. Но она схватила его и убежала, а сегодня утром улетела на Гавайи.

– Спасибо... спасибо... Сообщите им, что я прямо сейчас еду забрать его... Хотя, не надо... Я сам им позвоню.

Но когда он позвонил в названный матерью Сандры при-

ют, там сказали, что Александр Картер, так звали малыша, теперь находится под опекой суда, что Бенджамину придется доказывать свое отцовство и подавать на право опеки и лишение Сандры родительских прав. Все будет зависеть от решения суда.

Тогда Бен, безумно волнуясь, позвонил отцу, прервав переговоры того с новым клиентом. Юноша был в состоянии истерики. Оливер велел ему успокоиться и объяснить все по порядку.

– Хорошо, хорошо... Теперь я понял. Я позвоню юристу. А ты, Бенджамин, возьми себя в руки, и, прежде чем мы что-нибудь предпримем, я хотел бы, чтобы ты определился, чего ты на самом деле хочешь и действительно ли ты хочешь полной опеки над ребенком. Тебе, сынок, это решать.

Наконец у Бена появился шанс выбраться из-под тяжкого бремени, и, чего бы это ни стоило, Оливер был готов помочь сыну. Но Бенджамин знал только один путь. Он хотел забрать своего сына, даже если бы это перечеркнуло планы учебы в университете, пусть пришлось бы браться за любую работу – он был намерен растить и воспитывать своего сына, любой ценой. С такой позицией нельзя было спорить, да Олли и не хотел. Он приказал Бенджамину сидеть и терпеливо ждать его звонка. Через полчаса он позвонил и сказал, что прием в адвокатской конторе «Лоуб энд Лоуб» назначен на четыре часа дня.

Бенджамин явился туда уже без десяти четыре. Адвокат

был с ними очень любезен. Он имел большой опыт в гораздо более сложных делах, но их контора консультировала фирму Оливера и всегда была готова помочь.

– Если вы хотите именно этого, молодой человек, дело не представляется мне таким сложным, как может показаться на первый взгляд. Я сегодня уже переговорил со всеми заинтересованными сторонами и судебными властями. Все как будто бы ясно. Ваше отцовство, похоже, не вызывает сомнений. Мать уже подписала документы, в которых отказывается от ребенка. Если она подтвердит это нам письменно и мы не сможем встретиться с ней лично, тогда вы будете назначены единственным опекуном ребенка, а она через некоторое время лишена родительских прав. Это большая ответственность, Бенджамин, вам следует хорошенько подумать, прежде чем принимать решение.

– Я это уже сделал, сэр. И знаю, чего хочу. Я люблю его.

Ярко-рыжий, веснушчатый, со слезами на глазах, он сам похож был на ребенка. И Оливеру тоже пришлось подавить слезы, когда он смотрел на сына. Он уже твердо решил сделать все, чтобы ему помочь.

– Миссис Картер сказала нам, что подпишет заявление, подтверждающее вашу заботу о мальчике и ваше отцовство. Это многое облегчит. Она намекала, что была бы не против небольшого «презента» от вас или вашего отца, но с этим надо быть осторожным. Покупка детей или хоть что-нибудь в этом роде уголовно наказуемы в нашей стране, я ей это объ-

яснил. Она была разочарована, но по-прежнему готова подписать любой подготовленный нами документ. На следующей неделе в Бейкерсфилде состоится заседание суда, и, если все пойдет хорошо, вы получите сына в тот же день.

– А пока? – не мог успокоиться Бенджамин.

– Пока ничего сделать нельзя. Он в хороших руках, ничто ему не угрожает.

Бенджамина, похоже, это расстроило, но он ничего не мог изменить и поэтому согласился с назначенной датой судебного разбирательства, моля Бога, чтобы им удалось разыскать Сандру в Мауи и чтобы она подписала документы, необходимые для оформления опекуна.

Глава 26

По дороге в Бейкерсфилд Бенджамин не покидало беспокойство. Оливер взял выходной и поехал с ним. Оба нервничали, молчали, занятые каждый своими мыслями об Алексе и его роли... Для Оливера он воплощал новую жизнь, новое начало, ему опять вспомнились слова Чарли, что она хочет иметь от него детей. Маленький Алекс как раз и напомнил бы, что такое малыш в доме. С одной стороны, Олли радовался, а с другой – его пугали хаос и беспорядок. Правда, Бенджамин обещал самостоятельно заниматься ребенком, лишь изредка прибегая к помощи Агнес.

Оливер пытался заговорить с Бенджамином, пока они ехали по автостраде S 5, но паренек слишком нервничал. Вместе с Агги они установили в его комнате детскую кроватку, он купил шесть упаковок подгузников. Он хотел заехать к миссис Картер за одеждой Алекса, но Оливер решил, что лучше будет это сделать на обратном пути. Он все еще боялся, что Алекса им не отдадут. Адвокатам не удалось разыскать Сандру в Мауи, но, по их словам, и так имелись хорошие шансы на передачу малыша Бенджамину, поскольку она перед отлетом на Гавайи подписала бумаги об отказе от малыша и согласии на усыновление.

Здание бейкерсфилдского суда находилось на Тракстон-авеню. Олли поставил машину на стоянку и вошел с сы-

ном внутри. Была последняя неделя августа, погода стояла очень жаркая.

Адвокат ждал их. Бенджамин выглядел испуганным, когда они занимали места в зале. На нем были темно-синий пиджак, брюки цвета хаки, голубой батник и синий студенческий галстук, волосы были аккуратно причесаны. «Ни дать ни взять студент Гарварда», – подумал Оливер, когда судебный пристав приказал всем встать.

– Все будет хорошо, сынок.

Олли пожал ему руку, а Бенджамин в ответ нерешительно улыбнулся:

– Спасибо, папа.

Но оба знали, что все еще под вопросом, тем более и адвокат предупреждал, что могут быть накладки: в зале суда никто и никогда не застрахован от неожиданностей. Судья со своей скамьи сурово взирал на них.

Дело было оглашено, зачитано заявление миссис Картер. Оба Ватсона вздохнули облегченно, когда не увидели ее в зале. Бумаги, подписанные Сандрой, были представлены в качестве доказательства, специальный отчет характеризовал будущие условия жизни ребенка. Предусматривалось, что он будет жить в доме, арендованном семьей Ватсонов в Бел-Эйре, с отцом Бенджамина, его сестрой, младшим братом и домработницей, которая будет присматривать за малышом, пока отец будет находиться на занятиях в ЛАКУ. Занятия начинаются на следующей неделе, в настоящее же время

Бенджамин Ватсон подрабатывает в книжном магазине.

Судья, похоже, был в затруднительном положении, он попросил их адвоката подойти к скамье. Они несколько минут шептались, судья кивал головой, потом обратился к Бенджамину и попросил его занять свидетельское место и дать присягу, поскольку хотел задать ему ряд вопросов. Бенджамин с дрожью в коленях сделал несколько шагов и сел, не отрывая глаз от отца.

– Я хотел бы, мистер Ватсон, чтобы вы поняли, что это не просто формальный опрос, а серьезное дело – решается судьба ребенка. Вам это понятно?

Бенджамин, бледный, но спокойный, кивнул:

– Да, сэр, понимаю.

– Является ли упомянутый ребенок, Александр Вильям Картер, вашим сыном? Подтверждаете ли вы данный факт?

– Да, сэр, подтверждаю.

– Проживаете ли вы в настоящий момент с матерью ребенка?

– Нет, сэр, не проживаю.

– Проживали ли вы с ней ранее?

– Да, в течение года.

– Вступали ли вы в брак?

– Нет, не вступали.

– Содержали ли вы ребенка или его мать?

– Да, сэр. Шесть месяцев до рождения Алекса и потом, до того, как мы разошлись в марте. Потом я... мой отец и я, мы

каждый месяц посылали ей деньги. Шестьсот долларов.

Судья кивнул и продолжал:

– А вам известно, какой уход необходим ребенку его возраста?

– Да, сэр. Я сам ухаживал за ним до марта. Сандра... в общем, ее часто не было дома, и она на самом деле плохо представляла себе, как надо ухаживать за ребенком.

– А вы представляли? – со скептическим видом спросил судья, но Бенджамин, похоже, владел ситуацией.

– Нет. Но пришлось научиться. Я ухаживал за ним ночью, после работы, и иногда брал его с собой. Я тогда работал на двух работах, чтобы оплачивать... ну, вобщем, все... Сандра накануне родов бросила работу.

– И вы брали ребенка с собой на работу?

– Иногда, когда ее не было дома. Мне больше не с кем было его оставить, а няньку нанять нам было не по карману.

Лицо судьи было бесстрастно. Оливер же никогда так не гордился своим сыном, как в тот момент. Это уже был не юноша, а настоящий мужчина и замечательный отец. Он мог быть опекуном ребенка. Олли надеялся, что судья будет того же мнения.

– А теперь вы и малыш жили бы с вашим отцом?

– Да, сэр.

– И он на это соглашается?

– Да, соглашается, – ответил Бенджамин, а Оливер со своего места кивком подтвердил.

– А что, если вы решите покинуть отцовский дом? Скажем, вдруг вы опять бросите учебу или найдете себе новую спутницу?

– Тогда я заберу Алекса с собой. Он для меня важнее всего. А если я брошу учебу, то буду работать, чтобы его содержать, как я делал и прежде.

– Можете вернуться на свое место, мистер Ватсон. Объявляется короткий перерыв. Заседание будет продолжено через пятнадцать минут.

Судья стукнул молотком и покинул зал, а Бенджамин сошел со свидетельского места, внешне спокойный, но взмокший, как мышь.

– Вы были молодцом, – шепнул ему адвокат, – так и продолжайте.

– Почему он объявил перерыв? – поинтересовался Оливер.

– Может, он хочет снова прочесть документы, чтобы убедиться, что все в порядке? Но Бенджамин вел себя просто прекрасно. Я бы отдал ему моих сорванцов, если бы он захотел.

Адвокат улыбнулся, пытаясь их ободрить.

Через пятнадцать минут, нервно побродив по вестибюлю, они снова заняли свои места. Появился судья, он окинул взглядом зал, посмотрел на Оливера, адвоката, в упор на Бенджамина и стукнул молотком:

– Заседание продолжается. Не вставайте, сидите, пожа-

луйста. – И потом, глядя в глаза Бенджамину, с грустью в голосе произнес: – Вы вознамерились взвалить на себя тяжелую ношу, молодой человек. Это ответственность, от которой нельзя увильнуть, о которой нельзя забывать. Нельзя взять выходной от отцовских обязанностей. Нельзя передумать или отказаться. На протяжении следующих восемнадцати лет, если не дольше, ответственность за этого малыша будет лежать исключительно на вас, если суд назначит вас полноправным опекуном. Как бы то «ни было, до сих пор вы замечательно справлялись с грузом этой ответственности. Призываю вас серьезно отнестись к своему решению, помнить о нем всю жизнь и ни на минуту не забывать о своих обязательствах в отношении вашего сына... Настоящим суд назначает Бенджамина Оливера Ватсона единственным опекуном Александра Вильяма Картера. Мальчик полностью вернется вам с сегодняшнего дня, двадцать девятого августа. Лишение его матери родительских прав одобрено судом и вступит в силу в предусмотренный законом срок. Вы имеете право по вашему желанию изменить фамилию ребенка на вашу сейчас или потом. Судья ласково взглянул на Бена и улыбнулся.

– Ребенок ваш, мистер Ватсон.

И дал знак судебному приставу, который встал и открыл двери. В зал вошла сотрудница приюта с малышом на руках. Вид у него был довольный и немного удивленный от непривычной обстановки. Глаза его отца, дедушки и даже адвока-

та наполнились слезами.

– Можете забрать Александра домой, – мягко сказал судья.

Женщина направилась прямо к Бенджамину и вручила ему Алекса. Тот радостно запищал, узнав папу. Адвокату передали небольшую картонную коробку с имуществом малютки: парой пижамок, ползунков и плюшевым мишкой – подарком Бенджамина по случаю появления на свет. Потом все плакали, смеялись. Бен восторженным взглядом посмотрел на судью:

– Благодарю вас, сэр... Большое спасибо, сэр!

Тот улыбнулся, встал и спокойно покинул скамью. Адвокат проводил их из зала суда. Ватсоны пожали ему руку и поблагодарили. Бенджамин сел на заднее сиденье и крепко обнимал сына, хотя для малыша и было уже приготовлено специальное креслице с ремнями безопасности.

Они решили не заезжать к Элис Картер за остальными вещами Алекса. Бенджамин не хотел ее больше видеть. Единственным его желанием было брать сына домой и не расставаться с ним никогда. Ему даже не хотелось идти на следующий день на занятия в университет, чтобы не оставлять малыша ни на минуту.

Домой они ехали медленнее, для разнообразия по автострате S 99. Бенджамин взволнованно говорил, а малыш себе лопотал. Разговор касался судьи, суда и, наконец, Сандры. Сотрудница приюта сказала их адвокату, что Сандра бы-

ла настроена решительно и определенно. Она понимала, что не справится с ответственностью за ребенка, да и не хотела даже пытаться. В отсутствие Бенджамина единственным ее желанием стало избавиться от малыша. Отсрочка лишения Сандры родительских прав теперь была только формальностью. Никаких проблем не предвиделось, и все, что оставалось сделать Бенджамину, – это оформить изменение фамилии ребенка на свою. Впрочем, юристы из «Лоуб энд Лоуб» собирались сами этим заняться.

– Ну, сэр, и что вы обо всем этом думаете? – шутливо спросил Бен малыша. – Полагаете ли вы, что вам понравится жить с дедулей, Мел и Сэмом?

Алекс что-то пролопотал и показал пальчиком на встречный грузовик. Олли улыбнулся:

– Если ему не понравится, он может спать в гараже с морской свинкой Сэма.

«Дедуля» делал вид, что ворчит, но было совершенно ясно, что он очень любит внука.

Мел, Сэм и Агги ожидали их на кухне затаив дыхание. Сначала Мел увидела отца одного на переднем сиденье и подумала, что произошли какие-то неприятности. А потом вдруг с заднего сиденья выбрался ее брат с малышом на руках. Она издала вопль и бросилась к нему. Алекс тарасил на Мел глазенки.

– Осторожно... не напугай его... тут же все»для него ново, – вступился Бенджамин за уже готового заплакать сынишку.

Но у Агги было для него приготовлено печенье, а Сэм принес показать морскую свинку. Алекс, увидя ее, засмеялся и попытался цапнуть зверька за нос.

Агги где-то нашла высокий стул и поставила его на кухне. Оливер открыл бутылку шампанского и даже налил несколько капель Сэму.

– За Александра Ватсона! – провозгласил он тост, широко улыбаясь и чувствуя, как груз миновавших часов постепенно сползает у него с плеч. – Пусть его жизнь будет долгой и счастливой, с самым лучшим папой из всех!

– О нет! – запротестовал Бенджамин. – Это только ты.

– За вас обоих! – провозгласила Мел с улыбкой.

Их мокрые от радости глаза были устремлены на малютку.

Глава 27

На следующий день Бенджамин приступил к занятиям. Он дважды за день приезжал домой проверить Алекса, несмотря па увещевания Агги, что никакая помощь ей не нужна. Но Бенджамин не мог больше выносить разлуку с ним, ему необходимо было видеть сына. Когда в конце дня он вернулся домой, Александр сидел на своем высоком стуле и с аппетитом уничтожал ужин, который заботливо приготовила ему Агги.

Вечером приехала Шарлотта. Ей захотелось непременно покачать малыша на руках и попеть ему песенку. Потом она помогала Бенджамину его укладывать, а Мел, Агги и Оливер с важным видом стояли рядом. Сэм положил в кроватку своего любимого плюшевого мишку, которого ему подарила Сара в самый первый его проезд к ней в Бостон.

Алекс на всякий случай заплакал, когда все выходили из комнаты, но в следующее мгновение заснул.

– Уже через неделю он будет жутко избалованным сорванцом, – пытался изобразить недовольство Оливер, но Шарлотте было ясно, что Оливер первым будет его баловать.

– Как ты воспринимаешь то, что в доме снова появился малыш?

– Как хорошую практику. Сегодня утром он разбудил нас в шесть утра. Но должен признать, Бенджамин обращается с

ним просто изумительно. Даже лучше, чем Агги, – добавил Олли шепотом.

– Ты и сам неплохо с этим справляешься. А мне с детьми всегда так неловко.

Оливер обнял ее, и в ближайшие выходные они пошли с Алексом в зоопарк одни, без Бена. Вернулись очень довольные. На этот раз никто к ним не приставал, не просил автографа. Несколько человек обернулись, но, видимо, решили, что это не Шарлотта Сэмпсон. Они были похожи просто на супружескую чету, которая в воскресенье отправилась с ребенком в зоопарк. Только кольцо с большим бриллиантом на левой руке не оставляло сомнений, что его хозяйка – особа богатая и важная, но его никто даже не заметил.

Шарлотту это тем более порадовало, поскольку газетчики охотились за ней с августа, когда были объявлены соискатели премии «Эмми». Она и ее сериал претендовали на премию в очередной раз, вручение должно было состояться на следующей неделе, и все готовили материалы о соискателях. Однако Шарлотта хотела, чтобы ее оставили в покое. Она боялась, что преждевременная и чрезмерная шумиха в прессе может сглазить ее. Чарли снова трудилась в том же режиме: каждое утро вставала в четыре, а в пять уже была на студии – в руках парикмахера и гримера. Вечером Оливер заезжал за ней и вез ужинать либо в какой-нибудь тихий ресторанчик, либо к себе домой. Всех волновало предстоящее в декабре бракосочетание, к тому же они еще не решили, где прове-

сти медовый месяц: на Гавайях, в Бора-Бора или поехать кататься на лыжах. Сэм считал, что при любом из вариантов он непременно должен отправиться вместе с ними, но Оливер был на этот счет несколько иного мнения. В медовый месяц никаких морских свинок, никаких детей. Повседневного общения было вполне достаточно, не хватало еще всей этой компании в свадебном путешествии.

На следующей неделе должен был наступить важный для Шарлотты момент, и она больше не могла избегать шумихи. Репортеры почти ежедневно поджидали ее у ворот студии и даже последовали за ней в магазин «Джорджио», где она купила себе платье – черное, узкое, украшенное блестками и бисером, творение Боба Макки. Потом она поехала туда еще раз, чтобы выбрать платье для Мел. Им приглянулось розовое атласное чудо от Оскара де ла Ренты. Оливер ворчал, что Мел баловать не стоит, но Шарлотта велела ему не совать нос не в свои дела. Они с Мел устроили себе праздник, примеряя красивые платья Чарли, шляпы и бижутерию.

Наконец настал этот долгожданный день. Шарлотта, Оливер, Бенджамин и Мел отправились на церемонию на громадном лимузине, а Агги с Сэмом приготовились смотреть ее по телевизору. Когда они уходили, Алекс еще не спал, он с наслаждением размазывал по своей пижаме и по дивану шоколадное печенье. Накануне ему как раз исполнился год, свой день рождения малыш отметил несколькими первыми шажками.

Они приехали в зал «Пассадена сивик аудиториум». Шарлотта внешне выглядела спокойно. Выйдя из машины, она взяла Олли под руку. Сзади шли Мел и Бенджамин. Для ребят это был самый волнующий вечер в их жизни, Олли тоже чувствовал напряжение. У Шарлотты вспотели ладони, а когда их окружили фоторепортеры, Оливер почувствовал, что она слегка дрожит. Как только они заняли места в зале, на них нацелились объективы камер, без конца подходили звезды. Началась церемония. Как обычно, сначала вручали второстепенные призы, это длилось очень долго, Сэм дома уже стал зевать, Алекс мирно спал на руках у Агги, но в Пассадене все были наэлектризованы. Наконец назвали лучший телесериал. Мел и Бенджамин радостно закричали, потому что победителем оказался тот, в котором играла Чарли. Оба продюсера бежали по проходу, их жены плакали. Шарлотта лучезарно улыбалась, прижавшись к Оливеру. Она была рада за продюсеров и говорила себе, что больше ей ничего не надо, это и так большая честь – сняться в награжденном телесериале, и сосредоточила внимание на награждении лучшего актера.

Лауреатом стал ее знакомый из конкурирующего сериала, Шарлотта сердечно ему аплодировала. А потом наступила великая минута. Наконец пришла ее очередь. У нее едва выдерживали нервы. Всю жизнь она убеждала себя, что слава не важна, но оказалось, что все-таки важна. Она очень тяжело трудилась ради этого и знала, что заслужила приз, хотя

присудить его могли и не ей.

На нее снова и снова наводили камеры, она держала за руку Оливера, а тот про себя молился за нее. Ради ее блага он хотел ее победы. Прозвучали фамилии других актрис-соискательниц, затем наступила длинная-длинная пауза, кто-то попросил: «Пожалуйста, конверт», – и вот словно молния пронзила ему сердце – он услышал ее фамилию. Шарлотта впиалась в него глазами и прикрыла рукой рот, не в силах поверить, что на этот раз выиграла. Олли мягко помог ей подняться, и она внезапно помчалась по проходу к сцене. Ее огненно-рыжие, слегка завитые волосы развевались, красивое черное платье подчеркивало фигуру. Сжимая статуэтку Эмми, взволнованно улыбаясь, она обратилась со сцены к коллегам и друзьям:

– Я... я не нахожу слов... Я не подготовила речь, потому что и не рассчитывала на победу... Я хочу поблагодарить продюсеров, режиссеров, сценаристов, актеров, операторов и всех замечательных людей, благодаря которым это стало возможно... Моего педагога, Джона Драма, который умудрился научить меня этой профессии... моего импресарио, это она убедила меня взяться за роль... Анни, ты была права!.. И прежде всего... – она посмотрела прямо на Оливера, – ...мою семью... моего будущего мужа, Оливера, который так добр и терпелив ко мне... и наших детей: Бенджамина, Мелиссу и Сэма.

У нее к глазам подступили слезы, у Олли тоже. Сэм у те-

левизора замер от изумления.

– Я всех вас люблю и надеюсь, что в следующем году снова смогу вас порадовать.

Шарлотта взяла статуэтку, помахала коллегам и почитателям и поспешила на свое место. Заиграли фанфары, церемония завершилась, репортеры чуть не раздавили лауреатку. Оливер ее доблестно защищал, он поцеловал невесту, она целовала его, Бенджамина и Мел и пожимала им руки.

Это был необыкновенный, волнующий вечер. Они отвезли детей домой, распили с ними и с Агги бутылку шампанского, а потом вернулись на прием, где праздник продолжался до утра. Для Чарли это было незабываемо. Ей удалось совершить чудо.

До того как они уехали на прием, раздался телефонный звонок – Джордж и Маргарет хотели поздравить Шарлотту. Агги все вытирала и вытирала слезы радости, когда Чарли говорила по телефону и со своими родителями в Небраске. Они, впрочем, тоже плакали. Шарлотта все еще не могла поверить в победу, Олли поднимал за нее тосты, все они наперебой говорили, смеялись, улыбались, а потом посмотрели запись церемонии в вечернем выпуске новостей.

– Я никогда не думала, что выиграю, – снова и снова повторяла Шарлотта, когда они возвращались из Бел-Эйр в Бевебли-Хиллз.

– А я был в этом уверен!

Олли гордился ею и тем, что делит с ней торжество.

Домой к Шарлотте они приехали только в четыре часа утра. Чарли рухнула на постель, Олли прилег рядом с ней. Статуэтка Эмми поблескивала на туалетном столике, и лауреатка не могла, глядя на нее, сдержать улыбку.

– Красивая, – согласился Оливер, от усталости не в силах даже ослабить галстук.

– А ты все равно красивее, – повернулась она. – Мне больше нравишься ты.

Шарлотта была чуть-чуть пьяна и ошеломлена случившимся.

– Знаешь, ты все-таки сумасшедшая. Ты, звезда из звезд Голливуда, что ты тут, со мной, делаешь?

– Люблю тебя. Я сегодня ночью хочу от тебя зачать.

– Одумайся. Ты скоро и так станешь матерью троих детей, которые тобой гордятся, как и их отец.

– И бабушкой внуку!

Оба рассмеялись такой перспективе. Шарлотта сияла.

Олли целовал ее, и пятью минутами позже она спала в его объятиях, так и не раздевшись. Чарли выглядела как ребенок. Оливер смотрел на нее и не мог поверить, что эта необыкновенная женщина почти принадлежит ему. В шесть он уехал к себе домой, чтобы собраться на работу. Дети еще спали, события прошедшего вечера казались нереальными. Но все случившееся было правдой. Она завоевала приз и через три месяца станет его женой. Невозможно было это себе представить, ожидание казалось мукой, а три месяца – бес-

конечно долгим сроком... Стоя под душем, Олли сам себе улыбался... три месяца... и они с Чарли поженятся.

Глава 28

Следующая неделя выдалась жуткой, газетчики не давали Шарлотте проходу. Она получила громадную премию, и на предстоящий год ей повысили жалованье. Помимо того, поступали десятки различных предложений: сниматься в кино и на телевидении, и, наконец, одно, которого она ждала всю свою жизнь. Импресарио позвонила ей на студию, и Чарли не знала, что ей ответить. Ей самой хотелось заниматься именно этим, но она сказала, что должна посоветоваться с Оливером. С его мнением тоже надо было считаться. Для Шарлотты решение было серьезным, от него многое зависело. Например, судьба контракта на роль в телесериале, который принес ей приз «Эмми». Возможно, пришлось бы его расторгнуть.

В тот вечер, когда Олли после работы заехал за ней, Шарлотта выглядела взволнованной. Они собирались поехать ужинать к ней домой и обсудить планы свадебного путешествия. Оливер настаивал на Бора-Бора, но не успел он вытащить рекламные проспекты, как понял, что что-то случилось.

– Чарли, в чем дело?

Он научился хорошо разбираться в ее настроениях. Такая натянутость с ним была для нее необычна. Не откладывая в долгий ящик, Шарлотта сообщила ему, что получила

предложение играть в серьезной пьесе на Бродвее, в такой, о которой всегда мечтала. Такой возможности могло больше не представиться. Репетиции начинались в декабре. В случае положительного решения пришлось бы переехать в Нью-Йорк не менее чем на год, а может, и на более длительный срок, смотря сколько пьеса будет в репертуаре.

Олли сидел ошеломленный, не веря ни своим ушам, ни выражению ее лица. Чарли была в растерянности, а у него сердце готово было разорваться.

– А как же сериал?

Ему хотелось закричать: «А как же я?!»

– Мне пришлось бы расторгнуть контракт. Импресарио считает, что, если мы подойдем к этому толково, они согласятся.

– Тебе этого хочется?

– Не знаю. Мне всегда хотелось. Для меня Бродвей всегда был вершиной, квинтэссенцией актерского искусства. – Шарлотта была с ним, как всегда, откровенна. – Я говорю тебе только то, что знаю. Я сама еще не решила. Я сказала импресарио, что должна сперва посоветоваться с тобой. Но... Олли... я всегда хотела играть в пьесе на Бродвее, тем более в такой, как эта.

– Что это будет для нас означать? Что, по-твоему, я должен делать в течение этих двух лет? Сидеть здесь? Я не могу бросить здесь работу, я тут всего год, это место для меня важно на длительную перспективу, если не навсегда. Все

мои дети учатся, я не могу их бросить или снова срывать с обжитого места. Они и так испытали это дважды в течение года. Понимаешь, Чарли, не могу. Не могу я все бросить и уехать, хотя очень хотел бы, чтобы ты занималась тем, что тебе нравится.

Оливер должен был думать и о своей карьере, и о своей семье. На лице Шарлотты отразилась мука. Она не хотела отказываться от предложения даже ради него, и это было видно.

– Я могла бы прилетать.

Ее слова ударили его словно электрический ток. Олли вскочил и стал расхаживать по комнате.

– Не говори мне этого, Чарли, – наконец произнес он. – Я уже один раз испытал такое с женщиной, которую любил. Она даже не попыталась выполнить свое обещание. Но даже если ты и попытаешься, как долго сможет продолжаться летание туда-сюда, чтобы провести вместе один день в неделю? Это смешно, это не получится. Мы еще не выстроили наших отношений, а ты хочешь подвергнуть их такому испытанию! Я бы предпочел расстаться сразу. Для нас обоих это будет менее болезненно, чем ждать год. Забудь об этом. Я не хочу слышать о «челночных – полетах».

Затем Олли попытался успокоиться и войти в ее положение.

– Послушай, Чарли, ты должна поступить так, как будет правильнее для тебя.

Он слишком сильно ее любил, чтобы запрещать, чего бы это ему ни стоило. Олли знал, что не имел права становиться на ее пути. Если бы он так поступил, в любом случае оба бы проиграли. Такой урок он давно усвоил.

– Определись, чего тебе хочется.

Оливер прикрыл глаза от пронзительной боли. Но боль он испытывал и раньше, как, впрочем, и одиночество, и отчаяние, и готов был пережить их еще раз. Ради нее.

– Я думаю, тебе следует принять это предложение. Ты всегда будешь жалеть, если откажешься, и все равно придется за это расплачиваться. Соглашайся, крошка... Ты имеешь на это право. Ты сейчас на вершине карьеры. Такой шанс может больше не представиться. Но не жди, что я буду летать туда-сюда... и не верь, что можно иметь все. Это неправда. Иногда в жизни приходится выбирать. Сделай для себя правильный выбор. У меня нет других пожеланий.

У Олли на глазах выступили слезы, он отвернулся, чтобы Шарлотта их не видела.

– Ты хочешь сказать, что между нами все будет кончено, если я поеду?

Она была потрясена и тоже чувствовала, что ее сердце готово разорваться.

– Да. Но не потому, что хочу тебя к чему-то принудить, например, остаться здесь ради меня. Я просто говорю тебе, что один раз уже такое испытал и второй раз не могу. Так не получается. В конечном итоге мы все равно проиграем. Я

лучше пожелаю тебе всего хорошего и поцелую на прощание, со слезами в душе. Но лучше сейчас, чем через год или два, когда может даже появиться ребенок. Да и мои дети вряд ли безболезненно пережили бы такую потерю. Я должен думать и о них. Я люблю тебя, Чарли, и поэтому готов разрешить тебе делать то, что ты хочешь. Теперь я поехал домой, а ты все продумай и позвони, когда решишь. Я пойму... Правда пойму.

Оливер плакал. Шарлотта не могла поверить, что он сказал такое, но все-таки смысл его слов до нее дошел.

– Мне не хочется только одного – узнать о твоём решении из газет.

И, не оборачиваясь, он вышел.

Сэм еще не спал, он играл на кухне с морской свинкой. Вошел Оливер, на нем буквально лица не было.

– Привет, па, – улыбнулся было мальчик, но тут же посерьезнел. Морская свинка была забыта. – Что случилось?

– Ничего. Работы сегодня было много. Я пошел спать. Он взъерошил сыну волосы и, не сказав больше ни слова, пошел прямо к себе в комнату. Сэм с испуганным видом побежал в спальню сестры.

– С папой что-то стряслось! – сообщил он. – Он вернулся домой весь зеленый!

– Может, заболел? Ты спросил его, в чем дело?

– Он сказал, что сегодня было много работы.

– Это возможно. Оставь его в покое. Утром он, наверное,

будет в порядке.

Но наутро прогноз Мел не подтвердился. Все заметили, что Олли бледен и неразговорчив. Он поздно спустился вниз и не притронулся к яичнице. Сэм многозначительно посмотрел на сестру.

– Пап, ты болен? – спросила та нарочито будничным тоном.

А Сэм, не подозревая того, попал в самую точку. Оливер аж вздрогнул, услышав его вопрос:

– Ты вчера вечером поссорился с Чарли?

– Нет, конечно, нет.

Но она так ине звонила после его отъезда, а он всю ночь не мог сомкнуть глаз. Страх потерять ее преследовал Оливера, но он слишком любил Шарлотту, чтобы цепляться за то, чего никогда не мог бы иметь.

Он поехал на работу, чувствуя себя как зомби, но вздрогнул от неожиданности, когда во второй половине дня секретарша сообщила ему, что Шарлотта ждет его в приемной. Он вдруг испытал страх перед встречей с ней, страх услышать то, что она собиралась сказать. Когда секретарша с благоговением впустила Шарлотту в кабинет, Олли почувствовал себя в ловушке и даже не поднялся – ноги у него стали ватными.

– Ты здоров? – озабоченно посмотрела на него Чарли и медленно подошла к письменному столу, глядя ему прямо в глаза. Она была бледна, но не более, чем Оливер.

– Ты уже приняла решение, не так ли?

Чарли кивнула и опустилась в кресло напротив его стола.

– Мне нужно было прийти именно сейчас. В шесть это будет в новостях. Продюсеры спектакля договорились с телекомпанией, к Рождеству меня согласились отпустить.

Рождество... Их бракосочетание... намечавшееся.

– И ты будешь играть в пьесе? Олли с трудом произносил слова.

Шарлотта медленно кивнула, напряженно вглядываясь в него:

– Я полагаю. – А потом схватила его ладони и с мольбой спросила: – Неужели ничего нельзя придумать? Неужели нельзя хоть попытаться найти компромисс? Я тебя люблю. Ничто не изменилось.

У нее был отчаявшийся вид, но переубедить Оливера не удалось.

– Возможно, пока не изменилось. Но в конечном итоге чаша переполнится. Мы станем чужими. Ты будешь жить в Нью-Йорке, играть в пьесе, вести свою жизнь. А я буду здесь, с детьми. Что это за жизнь?

– Да, будет непросто и нелегко, но стоит на это пойти. Другие люди так поступают, и ничего. Олли, клянусь тебе, я буду часто прилетать.

– Каким образом? У тебя два выходных. День лететь сюда, день обратно. И что нам останется? Ночь в аэропорту? И сколько, по-твоему, это будет продолжаться?

Он наконец поднялся, обошел стол и встал перед ней.

– Ты сделала правильный выбор. Ты, Шарлотта, талантлива. И имеешь право быть лучшей.

– Но я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Но я не могу сделать невозможное возможным. Я уже усвоил этот урок. И очень твердо.

Раны были слишком глубоки, боль слишком сильна. Глядя на любимую женщину, он понимал, что уже потерял ее.

– Что же теперь будет?

Шарлотта выглядела надломленной и отчаявшейся.

– Поболит и перестанет. Будем жить. У тебя есть работа. У меня мои дети. Вот и будет нам утешение. В конце концов зарубцуется.

Как это было с Сарой. Тогда непрерывная мука продолжалась всего лишь год. Всего лишь... Но перспектива потерять Шарлотту казалась все же хуже, у них было столько радости, любви, столько планов, а теперь всему этому наступил конец.

– Ты говоришь об этом, как о какой-то простой вещи, Олли.

Она горестно посмотрела на него. Олли ласково взял ее ладони в свои:

– В том-то и дело, что это не просто.

Несколькими минутами позже она, заплаканная, вышла из его кабинета. Олли перед уходом домой налил себе виски.

Дома Агги и Сэм кормили ужином Алекса и смотрели по

телевизору новости. Диктор как раз сообщал, что, согласно слухам, Шарлотта Сэмпсон больше не будет играть в своем сериале и отправляется в Нью-Йорк, где получила роль в пьесе на Бродвее.

Сэм на это громко засмеялся:

– Что за ерунда, а, пап? Чарли ведь не едет в Нью-Йорк. Она останется здесь, и у вас будет свадьба.

Он, улыбаясь, посмотрел на отца, и вдруг лицо у мальчика застыло. Оливер перевел остекленевший взгляд с телевизора на Сэма и отрешенно покачал головой:

– Нет, сынок, сомневаюсь. Она получила очень хорошее предложение играть в интересной пьесе. Для нее это очень важно.

Агги с Сэмом изумленно уставились на него. На кухню зашел Бенджамин и застал немую сцену, не понимая, что ее вызвало. Алекс захныкал и протянул к папе полненькие ручонки, но на этот раз, похоже, никто его не услышал.

– Па, а мы тоже вернемся в Нью-Йорк? – спросил Сэм с испугом и в то же время с надеждой, но отец покачал головой, чувствуя себя постаревшим за один день на добрую сотню лет.

– Нет, Сэм, мы не можем этого сделать. Вы все здесь учитесь, а мне надо вести дела фирмы. Я не могу ежегодно срываться и переезжать на новое место.

– Но разве ты этого не хочешь?

Сэм не понимал, что происходит, как, впрочем, и Олли.

– Хочу. Но в то же время не желаю вмешиваться в чью-либо жизнь. У нее своя жизнь, а у нас – своя.

Наступило молчание, а потом Сэм кивнул, тихонько смахнув со щеки слезинку.

– Это вроде как с мамой, да?

– Вроде.

Сэм снова кивнул и вышел из кухни. Бенджамин ласково коснулся плеча отца. Агги забрала Алекса с его высокого стульчика и вместе с ним направилась за Сэмом. Ей было ясно, что опять наступили тяжелые времена, и мальчик будет очень переживать. Он был без ума от Шарлотты. И в этом они с отцом были схожи.

– Папа, я могу тебе чем-нибудь помочь? – тихо спросил Бенджамин. Его тронуло грустное выражение отцовских глаз. Но Оливер только покачал головой, похлопал старшего сына по плечу и пошел наверх, в свою комнату. Всю ночь он пролежал, думая о ней, и к утру чувствовал себя совершенно разбитым.

Это было несправедливо, что такое испытание снова выпало на его долю. Было несправедливо, что он ее терял. Олли хотел бы возненавидеть Шарлотту, да не мог. Он ее слишком сильно любил. Парадоксальность ситуации с новой силой поразила его под утро, когда после бессонной ночи он выбрасывал проспекты курорта Бора-Бора. Его специальностью стало влюбляться в женщин, которым в жизни недостаточно было просто замужества'. Оливер не мог себе предста-

вить, что способен снова еще кого-нибудь полюбить. Думая о ней, он глядел в окно, не в состоянии сдержать слезы. Ему безумно хотелось быть с Шарлоттой, но он понимал, что из этого ничего не получится. Надо было отпустить ее и порвать узы, несмотря на боль.

Весь день Олли подавлял в себе желание позвонить ей. Газеты смаковали сенсацию не только в этот, но и в течение последующих нескольких дней, а Чарли все не звонила и не звонила. Лишь ближе ко Дню благодарения Оливер наконец перестал вздрагивать, слыша ее имя. Он не мог дождаться ее отъезда в Нью-Йорк, чтобы не испытывать больше соблазна проехать мимо ее дома или притормозить у студии с целью повидать ее. Она уедет и будет вести другую жизнь, отдалится от него. Иного не дано.

Глава 29

Накануне Дня благодарения прилетела Сара, чтобы забрать Мел и Сэма в Сан-Франциско погостить у друзей. Она даже согласилась взять с собой Агги и Алекса, а Бенджамин собирался в Скво-Вэлли, покататься на лыжах по первому снегу. Сара несколькими неделями раньше закончила свою книгу и, на взгляд Оливера, выглядела неплохо. Странно, но он поцеловал ее в щеку уже как чужую. Она больше не возбуждала его, и даже запах духов у нее был какой-то незнакомый. По ночам его мысли занимала только Чарли. Сердце у Олли по-прежнему болело каждый раз, когда он о ней вспоминал или видел в газетах ее имя.

– Олли, когда вы женитесь? – спросила Сара перед отъездом. На коленях у нее сидел Алекс. Дело происходило на кухне.

Оливер опешил:

– Я думал, дети тебе скажут.

Голос у него был тихий и напряженный.

– Что скажут? – удивилась Сара. В этот момент малыш преспокойно облизнул ее чистую блузку. Агги не было, она вышла собирать детей в дорогу.

– Шарлотте предложили роль в пьесе на Бродвее. Она должна скоро туда отбыть. Знаешь... Мы решили, что для нее это будет лучший вариант, чем замужество.

Олли изобразил улыбку, но Сару трудно было обмануть. Она слишком хорошо его знала, понимала, как ему больно, и очень сочувствовала. Ее история с Жан-Пьером была другой, но любая потеря болезненна.

– Мне кажется, это моя специальность – влюбляться в такого рода дам, умных и целеустремленных.

– Ты, Олли, обязательно найдешь подходящую пару. Ты этого заслуживаешь.

Сара на самом деле так считала.

– Не уверен, найду ли я для нее время, если даже отыщу такую, – улыбнулся Оливер, чтобы скрыть огорчение, и взглянул на Алекса. – Этот парень не дает нам расслабиться.

Зашел Бенджамин, взял малыша и понес его в арендованный Сарой «понтиак-универсал». Он вообще-то не хотел расставаться с сыном, но Оливер убедил, что отдых ему будет очень полезен. Сам Олли был рад, что Сара забирает детей, поскольку еще не оправился от разрыва с Шарлоттой и пребывал отнюдь не в праздничном настроении.

Вскоре Сара с младшими ребятами отправилась в путь, чуть позже и за Бенджамином заехали его друзья. Олли остался дома один, пытаясь разобрать кучу счетов и корреспонденции. Наступила непривычная тишина. Оливер откинулся в кресле и вздохнул, еще не зная, хорошо ли это. Затем он снова поймал себя на мыслях о Чарли и даже о Саре. Он задавался вопросом, могло бы у него сложиться с ними иначе или нет, но в глубине души понимал, что не могло бы.

Может, если бы с самого начала он повел себя по-другому, Сара и не сбежала... Но предположение сразу же показалось ему дурацким. Она в любом случае поступила бы так, как поступила. Ей на роду написано быть свободной, жить одной и писать романы, точно так же, как Чарли – играть на Бродвее, Меган – радоваться жизни в ее современной квартире с террасой, а Дафне – иметь любовника, который так никогда и не бросит свою жену. Его только злило, что Чарли столько рассуждала о браке, детях и важности для нее «реальной жизни», а потом в конце концов выбрала то же самое, что остальные, – самостоятельность, пьесу, Нью-Йорк. И дала обещание регулярно прилетать – несбыточное даже при самых добрых побуждениях.

Наступил вечер, когда Олли встал от письменного стола и пошел приготовить себе сандвич. И тут он в окно увидел Чарли, которая в нерешительности стояла у своей машины неподалеку от его дома. Да, сомнений быть не могло – это была она: в футболке, джинсах, со знакомыми косичками, делавшими ее похожей скорее на одну из подружек Мелиссы, чем на женщину, которая разбила его сердце и расторгла их помолвку. Она долго так стояла, глядя сквозь окно на Оливера, а он не знал, открыть дверь или нет. Он подумал, что с ее стороны жестоко приходиться ради того, чтобы сказать «гуд бай». Но в конце концов, не в силах совладать с собой, подошел к двери и медленно открыл. Шарлотта вошла. Она, похоже, очень волновалась.

– Я не знала, дома ли ты... Я уже собиралась оставить тебе записку...

Олли увидел, что она держит ее в руке, но не хотел читать.

– Наверное, надо было сначала позвонить...

– Гораздо проще было бы отправить по почте.

Ему нечего было больше ей сказать. Он уже все сказал. И слишком часто плакал.

Шарлотта заглянула ему за спину, на кухню, словно в надежде увидеть детей, но там было пусто и тихо.

– Как остальные?

Она ловила его взгляд.

– О'кей, – кивнул Олли, ему так и не было понятно, зачем она приехала.

– Я по ним скучаю, – призналась Чарли с грустным и виноватым видом. Она пришла не для того, чтобы объясняться. Она понимала, что это было бы слишком больно.

– Они по тебе тоже.

– Как малыш?

– Великолепно, – улыбнулся Олли. – Бенджамин с ним прекрасно справляется.

– А где они все?

– Уехали на праздники.

Он хотел было пригласить ее зайти, но подумал, что ничего, кроме лишней боли, это не принесет. Однако затем пожал плечами, отступил назад и, показав рукой в направлении комнат, все-таки спросил:

– Не зайдешь на минутку?

Шарлотта кивнула и прошла за Оливером на кухню, думая, как же он хорош собой, и чувствуя, как сильна по-прежнему ее любовь. Там она огляделась и сунула в карман свою записку.

– Когда ты отправляешься в Нью-Йорк?

Чарли, похоже, колебалась, словно не знала, что ему сказать. Она понимала, как сильно его ранила, и исправить это уже было нельзя. Но нужно было объяснить и с чего-то начать...

– Это долгая история.

– Ты, должно быть, сильно волнуешься?

Олли старался придать своему голосу оттенок равнодушия, но безуспешно. В нем звучали гнев, печаль, обида и любовь, которая бы все равно не угасла, как бы Оливер ни силился ее убить.

– За последнее время много всего произошло, – пыталась объяснить Шарлотта. Минувшие несколько недель были для нее адом, но она этого не сказала. По его глазам она видела, что опоздала и приехала зря.

– Хочешь чашку кофе? – предложил Олли. С одной стороны, ему хотелось, чтобы Чарли ушла и оставила его снова наедине с печалью, но, с другой стороны, хотелось, чтобы она осталась. Навсегда.

Она посмотрела на него долгим взглядом, взглядом женщины, которая заплатила дорогую цену за свой поступок. А

потом очень тихо произнесла:

– Олли, я на Бродвей не еду.

– Не едешь?!

Оливера словно поразило громом. Что она имеет в виду? Она же сказала тогда. А потом в теленовостях и в газетах сообщали. Что изменилось? Когда и почему?

– Нет, не еду. Я остаюсь и буду сниматься здесь в сериале.

– Они не согласились расторгнуть контракт?

– Согласились, но...

Олли, ошарашенный, ждал конца истории.

– ...я решила, что уезжать будет нехорошо.

– Для твоей карьеры?

– Для нас. Хотя я думаю, что уже опоздала. Но мое прежнее решение было неправильным, и я это наконец поняла. Я постоянно говорила, как много для меня значат брак и семья, а потом захотела все бросить и убежать, не обращая внимания на то, как всем от этого больно: и тебе, и мне, и детям. Это была ошибка. Отвергать любимого человека – такую цену я не смогла бы заплатить даже за роль на Бродвее. Поэтому я отказалась. И даже если окажется, что я потеряла вас безвозвратно, об отказе жалеть не буду, зная, что поступила правильно. – Шарлотта горько улыбнулась. – Как только я изменила планы, мне сразу стало легче.

Оливер в недоумении смотрел на нее, потом усмехнулся:

– Они, наверное, пришли в ярость.

– О да, – подтвердила Чарли с улыбкой. – Я думаю, теперь

на Бродвее можно поставить крест. Но телекомпания меня любит. – И добавила: – Я боялась, Олли, тебе звонить.

– Почему?

– Потому что я тебя так обидела. То собираюсь тебя бросить и улететь в Нью-Йорк, то прихожу и говорю, что все о'кей. Я не имела права так с тобой поступать. Вот это и написано в записке. Я решила, что надо тебе сообщить, пока ты не прочтешь где-нибудь сам, и посчитала, что если ты захочешь отозваться, то отзовешься. Но вообще-то надежд у меня почти не было.

Она говорила это таким тоном, будто ничего уже от него не ждала и намеревалась горевать о своем поступке до конца жизни.

Олли пытался уяснить себе все сказанное, и вдруг Чарли, словно желая разрядить атмосферу, оглядела кухню и, не увидев клетку со свинкой, спросила:

– Кстати, а как поживает мой тезка?

Олли усмехнулся, чувствуя, что многопудовый груз свалился с его плеч:

– На время отсутствия Сэма сослан в гараж, шуму от этой маленькой твари слишком много. У меня и так со сном нелады, чтобы еще слушать, как он забавляется.

– Я тоже все это время мучилась бессонницей. Неплохо я все понапутала, а, Олли? – спросила она тихим, грустным голосом.

' Оливер кивнул:

– Возможно. – И слегка ей улыбнулся. – Может быть... а может, и нет. В жизни важен окончательный поступок. Все мы делаем ошибки.

Они продолжали неловко стоять на кухне, их глаза выражали боль, опасение, напряжение – ведь решалась их судьба. Так много можно было потерять... и так много выиграть. Все зависело теперь от него.

– Я по тебе скучала, Олли. И буду скучать долго-долго, если ты меня не простишь.

Она настолько его любила, что пришла просить прощения.

– Каждый день я хотела тебе позвонить... или приехать... чтобы сказать, что сожалею... что была круглая дура... что ошиблась, считая пьесу на Бродвее важнее тебя. Я поступила мерзко, хоть потом и одумалась.

– Ты поступила честно, – поправил ее Олли. – Именно этого тебе всегда хотелось. И ты, Чарли, имела на это право.

– Ты для меня был важнее. Я просто до конца этого не понимала, пока не потеряла тебя. Но потом было уже поздно.

Глядя в его глаза, Шарлотта подумала было, что приехала напрасно, но Оливер с тем же странным выражением лица медленно приблизился к ней.

– Кто тебе это сказал? – прошептал он и привлек ее к себе. – Кто тебе сказал, что было поздно? И кто говорит, что ты ошибалась, а я был прав? Я себе тысячу раз говорил, что мог бы переехать с тобой обратно в Нью-Йорк, что мы могли

бы поселиться в моем доме в Перчесе. Какое я имел право становиться на твоём пути?

– Ты имел полное право... Тебе надо думать и о твоих детях. А я думала только о себе.

– А теперь?

Олли говорил с трудом. Он все так же сильно ее любил, и снова стоять с ней рядом было для него мукой.

– Я тебя, Олли, так сильно люблю.

Чарли словно легонько выдохнула эти слова, и тогда он медленно поцеловал ее. Только это он и хотел услышать, только это его интересовало, только ради этого он жил с тех пор, как расстался с ней.

– Я тебя тоже люблю... Ты не представляешь, как я по тебе тосковал. Думал, что с ума сойду...

– И я думала.

Она вдруг улыбнулась, а Олли подхватил ее и понес по дому.

– Куда ты меня тащишь? – смеялась Шарлотта. Она снова была счастлива. Любимый обнимал ее, он не сердился на нее и был также удручен разрывом. Слава Богу, что она отказалась от Бродвея. – Что ты делаешь?

Он торжественно шагнул по лестнице в направлении своей спальни.

– Несу тебя в свою кровать, там тебе место, пока не научишься себя вести... чертова знаменитость... Больше ты мне такой фокус не выкинешь!

Олли, бранясь, пронес ее в дверь. Шарлотта смеялась – его глаза снова были такими теплыми и счастливыми.

– Олли, прости меня...

Он продолжал держать ее в объятиях, словно действительно не желал больше отпускать.

– Не надо. Я тоже был круглым дураком.

– А теперь?

Оливер уложил ее на кровать.

– По-моему, мы оба дураки и достойны друг друга, – Шарлотта улыбнулась и протянула к нему руки.

Это был сказочный уик-энд: все четыре дня они провели преимущественно в постели. Дети по возвращении нашли ее на кухне босой, в джинсах и отцовской футболке. Сара ехала прямо в аэропорт и зашла только на минутку, проститься с Оливером, ее заинтриговала взъерошенная, счастливая особа, занятая стряпней.

– Это она? Я правильно догадалась? – шепнула Сара с улыбкой, когда Олли провожал ее к машине.

Он пытался их познакомить, но Сэм с Алексом устроили такой гам, что ничего не было слышно, да и Шарлотта немного стеснялась, что ее застали босиком у Оливера на кухне.

– Она.

– Значит ли это, что ты переезжаешь в Нью-Йорк?

Сара была рада за него, она с веселым и довольным видом села за руль. Уик-энд им удался.

– Нет, я не переезжаю в Нью-Йорк, – ответил Олли сне-

которым самодовольством. – Это она остается.

– Она? – удивилась Сара.

Олли улыбнулся ей:

– Мне, кажется, повезло. На этот раз.

– Нет, Олли, – улыбнулась в ответ Сара. Прошное больше не причиняло им боль. – Просто она умница. Поздравляю вас обоих, или, может, это преждевременно?

– Немного, – расплылся в улыбке Олли, и оба рассмеялись.

– Ну, тогда – удачи.

Сара помахала и уехала, а он вернулся на кухню, все еще недоумевая при виде Шарлотты, одной рукой обнимающей Сэма, другой Алекса и оживленно беседующей с Мел. Агги среди всей суматохи готовила горячий шоколад.

– Я не могу поверить своему счастью, – шепнула Чарли, когда они сели за кухонный стол.

– Везучий я парень.

– Мы оба везучие.

Она вспомнила про кольцо, которое вернула ему, и подумала: что с ним случилось? При этом Чарли посмотрела на свою руку, а когда подняла глаза, то увидела, что Олли смеется.

– Что тебя так рассмешило?

– Ты! Отвечаю на твой вопрос: я его выбросил.

На самом деле он не решился сдать его обратно в магазин, оно лежало в сейфе в его спальне.

– А как ты догадался, о чем я думаю?

– Потому что я стал умнее и люблю тебя.

Они обменялись долгими улыбками. Олли чувствовал, что произошло чудо, чудо вернуло ему ее.

– Хочешь взамен простое золотое колечко?

Он хотел поймать Шарлотту, пока та снова не передумала, пока не подвернулись очередная пьеса, кинофильм или симпатичный актер. Олли не склонен был даже ждать четыре недели, оставшиеся до Рождества.

Но Чарли в ответ кивала, в ее взгляде было написано все, что он желал знать: она остается, чтобы жить с ним и продолжать свою карьеру столько, сколько пожелает. На этот раз оба знали, что это осуществимо. Она сделала свой выбор в пользу его и детей.

Она будет иметь все: телесериал, «Эмми», морскую свинку, любимого человека, троих замечательных ребят и даже приемного внука. И своих детей, если захочет. Олли был готов дать ей все. Их разрыв был и для него серьезным уроком.

– Когда? – спросил Олли с горящими глазами, забирая у нее с коленей Алекса и передавая его Агги.

Та унесла малыша и быстренько увела из кухни Сэма, оставив их одних обсуждать будущее.

– Завтра? На следующей неделе? – рассмеялась Шарлотта.

– Не позже, – нахмурился Оливер и привлек ее к себе, чтобы поцеловать.

В этот момент зашел Бенджамин с дорожной сумкой на

плече.

– Извини, пап.

Он радостно улыбнулся, увидев Шарлотту. Олли отмахнулся от него, и Бен с той же улыбкой побыстрее удалился, а его отец снова предпринял, теперь уже удачную, попытку поцеловать любимую. Оба рассмеялись.

– Так что, в следующие выходные? – переспросил Оливер весело, но с нотками отчаяния в голосе.

– Завтра! – с ласковой улыбкой назначила Чарли то событие, которое чуть было не сорвалось.

– Я тебя люблю, – прошептал Олли, чувствуя биение ее сердца рядом со своим.

– Я тебя тоже люблю, – шепнула Шарлотта в ответ. Им было слышно, как дети носятся по лестнице, смеясь и обсуждая хорошую новость.

Через неделю ее сообщили газеты, но к тому времени Шарлотта Сэмпсон и Оливер Ватсон уже поженились и на неделю отправились на Гавайи, с разрешения се продюсеров. Репортеры вывели дату их прилета, поджидали в аэропорту и сделали множество снимков.

Встречал их Бенджамин с Алексом. Бен улыбался, а Алекс крепко спал у него на руках спокойным, счастливым сном.

– Надеюсь, наш будет такой же милый, – шепнула Оливеру Шарлотта, когда они шли за Бенджамином забрать багаж.

Олли улыбнулся и обнял жену. Его это не волновало. У него было все: жизнь, какую он хотел, и женщина, которая

придавала ей смысл. Еще он знал, без тени сомнения, что является самым счастливым из всех людей.

– Все забрали? – спросил он у Бена, помогавшего нести вещи.

Тут к ним подбежала какая-то женщина и восторженным – голосом спросила:

– Вы... вы, случайно, не Шарлотта Сэмпсон?

– Нет, – вежливо улыбнувшись, покачала головой Чарли.

– Моя фамилия Ватсон.

– Ой...

Женщина извинилась и исчезла. А они дружно рассмеялись и поехали домой.